

Правозащитный карасс в ювенильном море

(эссе о молодежных практиках, близких идеологии
прав и достоинства человека)

- I. Молодежь: и роскошь, и средство передвижения
- II. Неприкаянные девяностики
- III. Кто выпустил Карацупу?
- IV. Zip: космонавты, растиньяки, бумеры, ушельцы
- V. Призывники и призывные пункты
- VI. Эйфелева башня пизанской работы
- VII. Манагеры среднего звена
- VIII. Рыцари прямого действия
- IX. Земля в иллюминаторе
- X. Хиппи энд. Параллельные, прямые

«Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека, без особых на то причин,- пишет Боконон,- этот человек, скорее всего, член вашего карасса». И в другом месте, в Книгах Боконона, сказано: «Человек создал шахматную доску, бог создал карасс», Этим он хочет сказать, что для карасса не существует ни национальных, ни ведомственных, ни профессиональных, ни семейных, ни классовых преград. Он лишен определенной формы, как амеба».¹

«Из России ушли труд, гордость и успех. Старшие поколения перегорели и увяли к исходу 70-летнего советского эксперимента. Сменяющая их человеческая поросль пока невнятна и бледна в поступках и взглядах».²

*«Будь ты рокер или инок...
Ты в советской луже вымок
И пребудешь таковым ты
Даже выйдя за порог».³*

«Это было поколение, у которого само слово «политика» вызывало тяжелую изжогу, ибо оно не знало другой политики, кроме той, что привела человечество к

¹ Воннегут К. Колыбель для кошки // <http://www.lib.ru/INOFANT/WONNEGUT/cat.txt>

² Аверкиев И.В. Страна на заре-2 // <http://www.prpc.ru/averkiev/060201.shtml>

³ Александр Градский

мясорубке Второй мировой войны, а их страну — к кровавому маразму позднего сталинизма. Это были люди, недоверчиво и враждебно относившиеся к любой идеологии, ибо единственная известная им идеология оказалась грандиозным блефом, который многим из них удалось раскусить раньше других».⁴

«Как интересно было встречать другие комки, восставшие из глины!».⁵

I. МОЛОДЕЖЬ: И РОСКОШЬ, И СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Правозащитному движению в России больше сорока лет. За плечами – путь от неформальных гражданских инициатив, деятельности разрозненных и подвижнических диссидентских групп к стабильно работающим, открытым неправительственным организациям, коалициям, сетям, ассамблеям. Среда активистов изменилась и количественно, и качественно. Не удивительно, что перед ней встают новые, ранее не испытанные проблемы. В том числе – приток, адаптация, обучение новичков, повышение квалификации молодых сотрудников, смена и преемственность поколений. Большинство НПО решает эти вопросы на свой страх и риск, с учетом региона, профиля и стиля работы. Естественно, что лидеры наиболее продвинутых, специализированных, массовых организаций заинтересованы в каких-то типовых, стратегических, мультиплицируемых решениях. Их точка обзора позволяет увидеть как «поколенческий разлом» усиливает растущий объем противоречий между идеологами, менеджерами, экспертами, техническим персоналом, активистами, сторонниками, между командами, партнерами и местными сообществами. В этом нет ничего катастрофического: правозащитное движение – по меркам истории – слишком молодой общественный институт (и в России, и в мире). Относительно него нет сквозь сито времени процеженных «рецептов». Однако как бы мы ни беспокоились за его будущее, уже сейчас ясно, что благодаря или вопреки обстоятельствам он все равно будет существовать, развиваться, менять себя и свой социальный контекст. В залогах «непотопляемости» – самоотверженность людей, накопленный авторитет, корневое значение выполняемых функций.

Этими короткими, вполне тривиальными замечаниями я, как камертоном, настраивал сам себя на общую интонацию темы эссе – «Права Человека и Молодежь». Подобные ремарки⁶ необходимы, так как пресловутый «контекст» – политический, экономический, социокультурный – к сожалению, дает поводы для нарастающего алармизма и перехода гражданского общества из режима стратегического развития на «автопилот» выживания, оперативного «затыкания дыр», «охраны периметра». Достаточно сослаться на предвыборное стремление правящей элиты вывести себя в «слепую зону» гражданской критики и контроля, непрекращающиеся

⁴ Даниэль А. Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас, 2002, № 1 (21).

⁵ Воннегут К. Колыбель для кошки // там же

⁶ И «жемингуэи»

попытки «нейтрализации» правозащитных НПО как одного из потенциальных «источников», «медиаторов» и «авангардов» демократической оппозиции. Параллельно с репрессивно-охранительным давлением власти увеличиваются издержки от «социального трения» (ксенофобии, антизападных, имперских, изоляционистских настроений, милитаризма, радикализации «классовых» противоречий), трещат по швам партнерские связи со СМИ, скудеют донорские программы отечественных и иностранных фондов. Словом, скучной, размеренной жизни явно не предвидится: в списке актуальных вызовов и угроз придется загодя оставить пустые графы.⁷

И все же, очень не хочется ставить «молодежную проблему» исключительно в «контексте». Хотя бы потому, что в этом случае спектр ее истолкований резко сужается и сводится к ряду известных, исхоженных, «сусанинских» троп.

Примерно таких.

Сегодняшний день для российских неправительственных и некоммерческих институтов - своего рода «точка Лагранжа». Есть, если не ошибаюсь, такой концепт в астрономии. Используется для описания ситуации, когда малые небесные тела как бы «зависают», останавливаются в движении, попадая в точку равновесия гравитационных сил более крупных объектов. Чтобы «выпрыгнуть» из нее, нужно либо дождаться смещения гравитационных полей, либо спешно нарастить физическую массу. По аналогии - или мы дожидаемся развилки, когда закончится удручающий «парад планет» вокруг Кремля и будут пересмотрены закулисные контракты крупных игроков (властных кланов, бизнес-групп, международных элит), или - мобилизуем сторонников, раскачиваемся и выходим на самостоятельную орбиту. Самая подходящая среда на роль «массы» - космический мусор, то есть, прошу прощения, молодежь.⁸ Ее относительная социальная открепленность, невесомость, пластичность - в плюс. То, что из всех движений предпочитает броуновское - в минус. Пакет подобных рассуждений обычно выдается с примесью моралеобразной риторики: «молодежь - воплощенное будущее»; от того, акционером каких социальных институтов она станет, какие организационные формы будет носить в период социализации, в какие проекты инвестирует свою активность и воображение, зависит актуальный социально-политический тренд РФ, судьба «демократического транзита» и т.д. Мол, «отцы и деды» из последних сил, скрипя зубами и напрягая сфинктер, держат системное равновесие и потому решающий голос - за «мальчишами».

⁷ Джибладзе Ю. Сила и слабость правозащитного движения // http://www.prpc.ru/reshr/lib_08.shtml

⁸ Один из примеров «мусорной» логики: «В критической ситуации проявляется третий фактор - фактор улицы, неформальных объединений, неправительственных организаций и фондов, в которых на самом деле и идет настоящая жизнь и которые при необходимости способны создать реальное революционное настроение, критическое мнение, спонтанный протест. Они не управляемы и не контролируются властью просто потому, что не интересуют ее в силу их малой покупательной способности и нулевого административного ресурса. Они нужны только в периоды революций. Молодежь - это мотор и энергия таких движений» - Дугин А. В 2008-м энергией молодежи займутся враги: оранжевые, атлантисты и глобалисты // <http://www.kreml.org/interview/83364942>

Расчет окончен. Дальше – дело техники. Точнее – PR-технологий. Лиса Алиса и кот Базилио (власть и придворная оппозиция) какую-то часть «буратино» уже уломали закопать в стране п-цать сольди. Теперь очередь за гражданскими организациями: пусть вылавливают, строят и охмуряют остальных – «болотных», «заигравшихся», экстремальных, недоверчивых... Благо аналитики уверяют: неполитическими сетями ловится больше – вплоть до мальков и планктона.

Полемицировать внутри этой циничной логики - значит косвенно соглашаться на отсутствие автономии «третьего сектора», ставить его в тотальную зависимость от процессов, происходящих «за границей»: в рамках электорального цикла-2007/2008, в свете цветных переворотов на постсоветском пространстве, в горизонте топливно-энергетической макроэкономики и т.д.⁹ Если же смотреть и думать «изнутри» веера актуальных возможностей, в котором пребывают (не всегда по своей милости) сами гражданские организации, то темы вроде «смены поколений», «кадрового омоложения», «развития связей с молодежными кругами, субкультурами, инициативными группами, организациями», «продвижения привлекательного имиджа гражданского активиста в молодежной среде», «инвестиций в профессиональную подготовку молодых специалистов» выглядят, увы, непозволительной роскошью. Чтобы выжить, продержаться, укрепиться, нужны «не мальчишки, но мѹжи». То есть – крепкие, стойкие, уравновешенные люди, имеющие хоть какие-то подручные «рычаги» (авторитет, знания, связи, ресурсы) для продвижения миссии. А молодежь – это что-то по части долгосрочных вложений социального капитала, балласта, долговых обязательств. Что ей предложить, кроме эпизодических ролей в массовых акционистских спектаклях и почетного права быть одной из целевых аудиторий просветительских проектов?

Аргументов в пользу исключения молодежи из списка приоритетных сред для поиска коллег, союзников, симпатизантов и впрямь достаточно. Самый очевидный – отсутствие каких-либо профессиональных компетенций. Менее очевидный, но столь же весомый – недостаток гражданской и духовной зрелости. Чтобы понимать реальную остроту проблематики прав человека, видеть разрушительность последствий от их нарушения, нужно иметь либо личный негативный опыт столкновения с «машинами власти», либо обладать высокоразвитой способностью к состраданию, солидарности, предвидению. Подобные качества, если и появляются, то, как правило, после начала «автономного плавания» (самостоятельной, отдельной от опеки родителей жизни). Это значит – после того, как человек становится ответственным за самого себя, взрослым. Ну, «молодым взрослым», если угодно. А молодежь в «чистом виде» - инфантильна, эгоистична, мировоззренчески аморфна (кое-какие мнения и знания есть, но нет убеждений), ориентирована на жизнь в сослагательном наклонении («все еще впереди»).

⁹ «Чтобы состояться, обрести самодостаточность, новой российской общественности необходимо духовно освободиться от мотивационных импульсов, исходящих от государства, традиционной политики, науки и прочих мощных детерминант, относиться к ним исключительно как к инструментам, а не как к цели. «Гражданская идентичность» не равна государственной, политической или научной, даже не равна их сумме» - Аверкиев И. Российская общественность: тихий кризис идентичности // <http://www.prpc.ru/averkiev/040326.shtml>

Помимо этого, известно, что молодежь склонна придавать особое значение лично-непосредственным, эмоционально окрашенным, спонтанным поступкам и отношениям (тусовке). Однако современное правозащитное сообщество, сохраняя родовую память о своих «кудрявых» истоках (самиздат, андеграундная культура, авторская песня, «дикий туризм», гуманитарные кружки, вольная атмосфера наукоградов, кухонное задушевное братство, клубы и т.п.) и воспроизводя «нон-иерархический» стиль общения, в значительной мере формализовало свои связи, обросло тиной абстрактных, офисных, гу(-)тинных работ... Ни лидеры, ни координаторы программ, ни техперсонал не в состоянии постоянно откликаться на ожидания тусовки без потери качества в своей повседневной деятельности. Это касается как крупных организаций, так и относительно небольших, региональных. Состыковать же внутри одной структуры несколько «организационных стилей» - формальный и неформальный, целерациональный и фиксированный на «кайфе от процесса» - довольно сложная, редко где решаемая задача. Работники резонно будут бунтовать из-за хаоса, бессмысленной траты времени, «неэффективности»; тусовка станет роптать на засилие «гражданской бюрократии» и «утрату демократического духа». «Массовое прибытие молодежи» усилит позиции тусовки и... Скандал неминуем. А то и «развод».

Наконец, нельзя не отметить еще одно, моральное (в духе «Маленького принца» Сент-Экзюпери) противопоказание для опоры на молодежь: в условиях soft-авторитаризма и hard-корпоративизма правозащитная репутация может закрыть или затруднить для нее некоторые варианты престижной карьеры (в системе госслужбы, в судебных органах, учреждениях образования, бизнесе), осложнит отношения с родственниками и друзьями. Ожесточенная диффамационная кампания против независимых правозащитников, до сих пор углями тлеющая в СМИ, действовала «дуплетом»: поддержанная репликами высших должностных лиц государства, она, с одной стороны, давала сигнал «вертикали власти» (задавала модельное отношение), с другой - облучала общественное мнение, дискредитировала правозащитников сначала как «циничных грантоедов» («болтуны-лентяи», «лишние люди», «компрадорская шайка-лейка»), а затем - как «враждебных чужих» (шпионы, агенты Запада, носители оранжевых настроений, адвокаты террористов и политических радикалов).

Пожалуй, все. Будем иметь в виду аргументы «против омоложения» и рассмотрим аргументы «за». Исходная гипотеза последующих размышлений - «молодежное направление» как точка прорыва правозащитного движения в новое качество и один из компонентов эликсира, лечащего или как минимум снижающего боли от кризиса идентичности, «повышенного давления», «растяжения связей». Еще на стадии предварительных подступов к проблеме, до начала письма, я не мог отвязаться от подозрения, что «смена поколений» - это эвфемизм, уводящий с минного поля вопросов об идеологическом переформатировании, перезагрузке и реорганизации правозащитного сообщества. Обзор литературы, частный опыт гражданского активиста и разговоры с друзьями это подозрение только усиливали.

Дело автора - текст. Рамка интерпретации, техника чтения, области применения - вне его эфемерной власти. Тем не менее, хочется предупредить: я не ставил цели сверстать путеводитель по зазеркалью

социальных, гражданских, политических, политизированных молодежных объединений или сборник рецептов успешного волонтеринга. Тем более у меня не было амбиций «завалить на психоаналитическую кушетку» современную молодежь, дабы сканировать и устроить чистку «конюшен» ее коллективного бессознательного. Речь о Другом: о правозащитной Реформации и кастинге на роль «коллективного Лютера», об инакомыслии «третьего поколения в третьем секторе» и тех задачах, которое оно может решить, расширяя территорию достигнутого своими легендарными предшественниками.

Разговор этот долгий. В нем нелепы любые претензии на правоту и велик риск попадания на «тупиковые ветки». Остается надеяться, что ошибки, излишняя горячность, парализующие сомнения в итоге все же дадут результат. Не беда, если это случится не в самом эссе, а в голове пристрастного и критически настроенного читателя.

II. НЕПРИКАЯННЫЕ ДЕВЯНОСТИКИ

Нагрянувшее «generation П» (Пандоры?), «поколение Y» или «XXX» уже вдоволь намозолило взгляд. Как в «Что? Где? Когда?» - внесли в студию «черный ящик», прошла отведенная знатокам минута, взяли они еще одну, добавочную, накидали энное число версий - одна правдоподобнее другой, а режиссер – вечная память, Владимир Яковлевич! – держит паузу: не дает приказ снять крышку и узнать – что же, черт возьми, туда положили.

Наши владимирские команды - Молодежная Правозащитная Группа «Система Координат» и киноклуб «Политехник» - впервые подошли к ящику в 2001-ом. Провели «разведку боем»: организовали молодежный фестиваль «Твой ход!». Затем - дать кинопортрет поколения 90-ых, посмотреть на проблемное и ассоциативное поле, внутри которого крутится, сгущается и проветривается его идентичность. Отобрали фильмы, сделали разметку тем для дискуссий, сверстали газету. Короче – месяц недосыпа, шкрябания по сусекам и – вперед!

«Перед» вышел скандальным. На открытии, как водится, выступали председатели областного и городского комитетов по делам молодежи. Хорошо выступали, правильно: что молодежь у нас «о-го-го!», что «без идеалов» она – «брехня», что «молодым везде у нас дорога», а стройки капитализма всем без исключения сулят бочки варенья и коробки печенья. Едва закончились напутственные слова, в зале погас свет, пошли первые кадры фильма Аку Лоухимиеса «Неприкаянные»: камера кружила над эрегированным членом главного героя – темпераментного финского парня. Контекстуально это читалось как наш «ответ Чемберлену», хулиганская выходка в адрес властей. Ей-богу, сценарием не предусмотренная, но воспринятая именно так.

Одна из местных газет в рецензии написала: «Поколение девяностиков, судя по его киношному отражению, инфицировано микробами всех социальных болезней. Насилие, отчуждение, безработица, муки сексуального, этнического, религиозного самосознания,

наркотики, инфантильность, цинизм, ядовитое дыхание всепроникающего стёба по поводу святынь – это неполный список. Понятно, что экран отражает лишь патологии, что сюжеты построены на искусственной драматизации, но – все равно страшновато». Журналист, правозащитница Наталья Новожилова, наблюдая реакцию зала, слушая чего мы несем на дискуссиях задумчиво подвела итог: «Вроде, и время другое, и страна... А нахло «совком».

Задним числом понимаю: оплошный символизм первой фестивальной сцены – не только жест в сторону начальства и публики. В равной мере он адресован самим организаторам, полезшим с примитивной «фомкой» потрошить оцифрованный ящик.

III. КТО ВЫПУСТИЛ КАРАЦУПУ?

Пять лет назад разговор о поколении все-таки был надуманным, факультативным. Вдоль возрастных границ не ходил с овчаркой Карацупа, не стояли шлагбаумы. Стар и млад – все крутились в одном колесе, играли в одну лотерею.

Практика совмещения учебы и работы, необходимость с нуля осваивать целину рынка, трудности адаптации к резким структурным переменам – все это нивелировало возрастные дистанции. Гиперинфляции подверглась главная валюта, с помощью которой поддерживался вековечный порядок вещей – доминирование старших и подчинение младших; эта валюта – значимость пережитого опыта, стажа, знакомств, накопленных знаний.¹⁰ И первое, и второе, и третье относились к прошлой, если и не «затонувшей», то изрядно «притопленной», жизни. Далеко не все усвоенные уроки и поведенческие рефлекссы срабатывали в настоящем.¹¹ Искусство забвения сплошь и рядом оказывалось нужнее памяти, что не могло не сказаться на системе среднего и высшего образования. Последняя перестала выполнять функции основного шлюза социализации, воспроизводства элит, передачи коллективных ценностей, авторитетов, «авторизированных» моделей поведения.¹² Эти роли были изъяты из ведения государства и «рассеяны» среди новых рыночных институций (сырьевые корпорации и торговые фирмы, хай-тек, реклама, индустрия развлечений, масс медиа, курсы интенсивного, дистантного, дополнительного

¹⁰ «Может быть, не зря на рубеже 80-90-х годов 43% граждан тогдашнего СССР с гордостью чувствовали себя родителями своих детей, но лишь 20% испытывали гордость оттого, что они - дети своих родителей? Теперь, в марте 1998 г., 58% опрошенных молодых россиян до 30 лет признают, что выросли такими же, как их матери и отцы (четверть считают, что решительно отличаются от своих родителей). При этом 45% хотят, чтобы их собственные дети и внуки стали совсем другими» - Дубин Б. Между всем и ничем // http://index.org.ru/journal/cont3_98.html

¹¹ «Молодые люди должны социализироваться в обществе, которое для их родителей, по сути, является новой неизведанной страной. Если родители достаточно честны сами с собой, то они должны признать, что у них нет права навязывать своему отпрыску определенную модель поведения, ибо их собственный опыт социализации может оказаться сегодня абсолютно не применимым» - Минин П. Свободное поколение или поколение маргиналов. Молодежь и молодежная политика в Санкт-Петербурге // http://www.pchela.ru/podshiv/26_27.htm

¹² См. статью Льва Гудкова «Кризис высшего образования в России // Гудков Л. Негативная идентичность. М. 2004, С. 687-736.

образования, корпоративные тренинги и др.), неформальных социальных сетей (родственных, мафиозных, армейских и др.), организаций «третьего сектора», религиозных и квази-религиозных культов. Бизнес как род деятельности и среда, ей порождаемая, стал доминирующей, нормативной моделью социальных отношений, вытеснив с этих позиций бюрократию, армию и правоохранительные органы. Особенно это было заметно по экспансии коммерческой лексики и ориентирующих схем, по меркантилизации образа жизни и характера связей между людьми.

Транзитному обществу неведомы проблемы поколений. Не потому, что для них нет предпосылок (этого-то как раз в избытке). Поводов нет. Ведь на этапе транзита общество неизбежно «деградирует» (теряет прежние качества). Его традиционные институты снижают свой вес (власть, влияние, значимость). Вертикальная мобильность становится проблематичной ввиду проблематичности самих вертикалей (профессиональных иерархий). Межличностные и групповые отношения поражены аномией (отсутствием или непроясненностью правил игры, сосуществованием взаимоисключающих норм), чьи метастазы распространяются в том числе и на внутренний мир, лишая человека какого-либо четкого мировоззренческого и этического каркаса, превращая его в ситуативно действующее, растерянное, развоплощенное существо. Или – сменим оценку с минуса на плюс – в существо принудительно свободное, отвечающее за самого себя и за реальность, держащую свою форму благодаря его личным усилиям.

При таком положении дел оппозиция «учителей» и «учеников» лишена своего древнего смысла. В состоянии невольного адептата пребывают все разом. Ни одна из стратегий индивидуального спасения, выживания, преуспевания не является гарантированной и тем более универсальной, пригодной для тиражирования без сносок на время и место. Молодость при таком раскладе – скорее преимущество, чем помеха; прочные, вязущие, долгие социальные связи – скорее тормоз, чем ресурс; четкая, алмазно твердая идентичность – ограничение спектра выбора, а не общепризнанная и поощряемая добродетель.

Забродившая в «апофеозе частиц» Россия была наспех склеена символами единства (советский гимн, царский герб, триколор, торговые бренды). Они отражали чудовищную асинхронность, «нестыкуемость», фрагментацию стихийно сложившихся социальных практик, но не давали общей картины, не позволяли «определить общий курс» и сделать реальность более предсказуемой, укрощенной. Это делало будущее свободным для любых фантазий – оптимистических, тревожных, личных, групповых...

2004-й и в особенности 2005 год стали рубежными. Даже беглый контент-анализ прессы показывает активацию старой, как мир, парадигмы «отцов и детей». Об этом свидетельствует далеко не только шум и пыль, поднятые партиями и Кремлем вокруг феномена молодежной политики («политический бэби-бум»).¹³ Есть иные, более глубинные и долгосрочные по «эху», причины. На них, в частности, указывали эксперты Фонда «Территория будущего», подготовившие в 2003 году доклад под названием «Революция 2005»: «Нарастающую опасность представляет фрустрация

¹³ Данилин П. Новая молодежная политика 2003-2005. М. 2006.

молодежи. Поколение сегодняшних семнадцатилетних, по данным социологических опросов, в большей степени ориентировано на личный успех: по данным некоторых социологических исследований, проводившихся в конце 2002 года, 77% россиян в возрасте 16-17 лет нацелены на индивидуальный карьерный и социальный рост. Между тем, крупные компании России на сегодняшний день не нуждаются в дополнительных кадровых ресурсах. Новых рабочих мест в сфере крупного бизнеса не предвидится, напротив, руководители сырьевых гигантов говорят о возможном сокращении существующего персонала до 40% (в условиях наметившейся передачи крупных российских компаний западному капиталу этот процесс может пойти гораздо быстрее). Возможности массового создания рабочих мест вне крупных компаний на сегодняшний день отсутствуют. Не стоит также забывать, что в ближайшие два года во взрослую жизнь должно вступить поколение демографической волны второй половины 80-х годов. Ситуация, сложившаяся сегодня в экономике и социальной сфере, ставит под вопрос их успешную социализацию. Большинство сегодняшней учащейся молодежи может оказаться списанным практически в полном составе».¹⁴

Помимо перечисленных, на усиливающееся напряжение вдоль возрастных границ, оказывают воздействие и другие факторы: продолжающаяся война в Чечне, сохранение армии по призыву и «кастрированный» закон об альтернативной гражданской службе, ограничения в доступе к качественному образованию и нереструктурированность системы образования в целом, растущая диспропорция стартовых позиций столичной и провинциальной молодежи, сильный разрыв коммерческих образов молодости и бытовых реалий обыкновенного подростка, трудности внутрисемейной эмансипации и вынужденного деления жизненного пространства с людьми старших поколений, проблемы молодежной трудовой миграции, карьерный застой амбициозной «лимита» в мегаполисах, коррумпированность институций, худо бедно исполнявших функцию «социальных лифтов» в эпоху СССР (номенклатура, армия, милиция и др.) и корпоративизация рынка. Зловещим символом «молодежи» как уготованной к закланию жертвы стал Беслан. Осетинские школьники погибли меж двух огней. Их смерть – мощнейшая психотравма для нации и в особенности для тех, кто в эти дни ходил в такую же школу, но в другом городке.

Эти и другие причины делают тему отцов и детей весьма конфликтной. Молодежь рассчитывала на деда Мазая. Вместо этого ее встретил Карацупа и его четвероногий друг. «Молодость» на глазах превращается в резервацию, из которой, согласно истории, есть несколько выходов: *реформы, революция, массовая эмиграция, война*. Если, конечно, не считать выходом самоуничтожение (спились, «снаркотились»), благополучный индивидуальный прорыв (галолирующая карьера) или искусственно организованные «заморозки» (очередная циклопическая «стройка века» с целью занять безработных; социальные движения компенсаторного типа, «спускающие давление в котле» и «отапливающие вселенную»).

¹⁴ Из доклада «Революция 2005» (доклад Фонда «Территория будущего», 2003 год).

IV. ZIP: КОСМОНАВТЫ, РАСТИНЬЯКИ, БУМЕРЫ, УШЕЛЬЦЫ

Окинуть сквозным взором весь рой современных молодежных практик, пробивающих или сияющих пробить стенки поколенческой резервации, физически невозможно. Даже если ты – Елена Омельченко, Татьяна Щепанская или Александр Тарасов.¹⁵ Посему – отложив на время эмпирический перебор солидарно-групповых, субкультурных, организованных – словом, коллективных «молодежных тел», я сделаю попытку эскизно выделить и описать типовые портреты «бунтующих одиночек» (мотивы эмансипации, самоутверждения, социального действия) – тех, кому тесно в «Доме, Который Построил Пу», тех, в ком есть хоть какая-то воодушевленность, энергия, направленность, мысль.

Само собой, ни на какую научность мой полухудожественный импрессионизм не претендует, хотя в основу дифференциации я закладывал три вполне наукообразных критерия: первый – *критерий ценностного дефицита* (к чему тянутся, нехватку чего особенно остро переживает российская молодежь?); второй – *критерий социализационного лага* (как соотносятся актуальные условия включения молодежи во взрослый мир и ее базовые, впитанные в период социализации, ценности); третий – *критерий способа достижения* (методы, избранные для сокращения дистанции между дефицитными ценностями и повседневностью). Будем считать, что полученные четыре персонажа – некие имиджи: полного портретного сходства не дают, однако помогают сжать тысячи разрозненных впечатлений в портативную, удобную для установления личности форму. Не требовать же всякий раз паспорт, куррикулум или досье.¹⁶

Итак, первый имидж – молодые **«космонавты»**. Его появление генетически связано с началом 90-х годов, когда молодежь стремилась оправдать общественные ожидания о себе, как о *первом несоветском поколении*. Идеологическая разгерметизация и институциональная эрозия советского космоса, появление рынка, дыхание глобальной поп-культуры ослабили дидактическое давление взрослого мира и пустили процессы социализации на самотек. Стать «космонавтом», стартующим на пустом месте и преодолевающим тяготение социальных страт, в которые были вписаны родители – это была отчасти добровольная, отчасти вынужденная (иконка «копировать» барахла) стратегия успеха.

«Звездные карьеры» (бонапартного типа) подразумевали безжалостное откидывание ступеней с отработанным топливом. Способность схватывать

¹⁵ Авторы наиболее живых и квалифицированных публикаций по социологии молодежи.

¹⁶ Тезис о неоднородности поколения, о наличии внутри него нескольких групп с различными жизненными установками, типом поведения, общения и т.п. подтверждается многими социологическими опросами. В частности, см. результаты исследования «Молодежь новой России. Какая она? Чем живет? К чему стремится?», проведенного в 1998 году Российским независимым институтом социальных и национальных проблем по заказу Московского представительства Фонда им.Ф. Эберга: «Судя по основным ожиданиям, жизненным целям и планам, идеалам и приоритетам, следует вести речь не просто о молодежи как однородной демографической группе, а о принципиально различных типах современной российской молодежи внутри одного поколения» // <http://www.rezko.ru/human/hum05/005.shtml>

на лету ценилась больше знаний, опыта, привычек. Вожденная «социальная невесомость» (свобода от материальной зависимости, норм традиционной морали и т.п.) достигалась через культивацию и агрессивный пиар «товарных» личностных качеств (индивидуализм, этическая и профессиональная перформность, мобильность, знание иностранных языков, владение компьютером и навыками электронной коммуникации). Завоеванные статусы этой группы (как правило – внутри новых рыночных иерархий) стоили вполне космических перегрузок и рисков. Однако и игра стоила свеч: усилиями рекламы, глянцевого журналов, клубной культуры и рынка в целом имидж «предпринимателя», «нарушителя» и «покорителя» границ стал привлекательным для всего поколения, хотя, конечно, в первую очередь в нем привлекали отнюдь не «производственный этос» (проектное мышление, самодисциплина, культ новизны и спортивный культ конкуренции), а «ценности досуга» – экстравагантное, продвинутое, элитарное потребление, эмансипированные, подчас на грани эпатажа, формы публичного поведения («без комплексов») и социальный травестизм (при котором персональная безграничность трактуется как безформенность или способность к перетеканию в разные формы). Эдакая реинкарнация «человека без свойств», описанного Робертом Музилом на руинах австро-венгерской империи и династии Габсбургов.

Было бы ошибкой равнять «космонавтов» с «золотой молодежью». Типичный «космонавт» чаще всего не знатен и не богат от рождения. Карьера и деньги для него – фишки в азартной игре, один из стержней самооценки; однако куда важнее – упоенность движением, ранее не испытанными эмоциями, ролями, контактами. Любой «потолок» – вызов, уже достигнутое – трамплин. Жить в состоянии испытаний и приключений, менять место жительства и работы, экспериментировать с образом жизни, идентичностями, кругами общения – вот его кредо; играя, быть всегда вне игры – концепция свободы; творческий хаос, неопределенность, зыбкость опор – тонизирующий фон.

Нетрудно заметить, что в имидже «космонавта» воплощены инфантильные фантазии человека постиндустриального (информационного) мира. Мечтать о нем проще, чем жить в его постмодернистской, лоскутной шкуре-скафандре. Вольнодумство, легкость на подъем, космополитизм, критическое отношение ко всему стабильному или претендующему на стабильность при смене ракурса оказываются пофигизмом, отсутствием душевных привязанностей, социальной безответственностью, короткой памятью и столь же короткой мыслью. «Твой этот век, твоя компьютерная эра! Главное не человек, а его карьера!» – шутовски склонил голову перед «космонавтами» Шнур из «Ленинграда». И зря. Потому что на молодежной авансцене наметилось лидерство другого типа.

Имидж **«растиньяка»**.¹⁷ Его радикальное отличие от «космонавтов» – в диаметрально противоположной реакции на сумятицу 90-х годов; смутное время всегда беременно ресентиментом – ностальгией по убогому, но зато обжитому, прирученному миру. Вот и «растиньяк», лимитчиком попав в большой мир, кое-как в нем обустроиваясь, все же на подкорке носит ценности породившей его среды (семьи, двора, провинции, общества с

¹⁷ В честь одного из героев «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака, прибывшего покорять Париж с голыми ягодицами и ужаленным честолюбием.

«устаканенным» укладом...) и втайне мечтает воспроизвести жизнь по ее былому образу и подобию. Его традиционализм (контрмодернизм, консерватизм, патриотизм, фундаментализм или их прикладные версии - антиамериканизм, евразийство, кишечная слабость к патриархально-пасторальным, конспирологическим сюжетам и др.) – психическая самозащита, способ хоть как-то упорядочить жизнь, «*быть нормальным*» в этом «безумном, безумном, безумном мире».

«Все фигня», - попугайски повторяет он речевку резвящихся «космонавтов». Затем, спохватившись, добавляет: «... кроме пчел». И тут же, сам себя страшась, отгоняет нашептанный внутренним голосом вполне пелевинскую догадку: «...хотя и пчелы по большому счету фигня». В переводе с подросткового на язык кустарной метафизики это означает: «я знаю, что в мире не осталось ничего прочного и мои попытки в нем утвердиться обречены на провал», затем - «жить без точки опоры слишком мучительно и лучше вколотить в текучую стену реальности гвоздь любой, даже самой абсурдной веры», «главное – гасить сомнения в произвольности веры, раз и навсегда встроить себя в то, что принято считать порядком и устойчивым основанием». Тертуллиан – пожизненный могильщик постмодернизма.¹⁸

«Растиньяки» пребывают в стилевом резонансе с «двухсерийной» (хочется верить) эпохой Пугина. Под них подогнана модель корпоративного государства и авторитарной модернизации, в которых, несмотря на трудности перехода в класс суверенов суверенной демократии, есть какие-никакие (какие? никакие!) гарантии, что за верную службу и минимум вопросов на прозябание в вассальный «демос» тоже не отдадут. И не надо возводить напраслину на «растиньяка»: вовсе он не безликий человек массы, продающийся за грош и «стыда не имущий». Его *idee fixe* (сверхидея, ведущий мотив) – во что бы то ни стало не быть «быдлом», не иметь ничего общего с «толпой хронических неудачников», именуемых в просторечьи «народом». Деньги, власть, слава, престижный диплом для него - индикатор «отрыва», «избранности», «положения над...». Кроме того, они - компенсаторный элемент господствующей системы обмена, где приходится торговать своей лояльностью, исполнительностью, готовностью переносить унижения средней степени тяжести.

Однако куда дороже денег и даже слаще, чем иллюзия элитарности для Растиньяка – тот смысл и эмоциональная устойчивость, которые привносятся в его индивидуальное существование «корпоративным стандартом». Не суть важно как называется корпорация – «Газпром», армия, церковь, спецслужбы, «Единая Россия» или как-то еще. По контрасту с окружающим миром, Корпорация – это жесткие, «спущенные с трансцендентного верха» правила игры (любые: разумные, справедливые или нет), предсказуемые отношения в духе «табели о рангах», инструкции, негласные нормы, помогающие определиться с выбором одежды, жилья, машины и не задавать себе бередящих вопросов. Обретая свое «Я» через аутотренинг – самоотождествление с анатомией и судьбой Корпорации, совпадение с ведомственной функцией и «социальным положением» – «растиньяки» и мысли не допускают о карьере как «подъеме переворотом». Лучшие из них – самураи своего ордена и своих суверенов. Большинство

¹⁸ Квинт Септими́й Флоренс Тертулли́ан - раннехристианский схоласт, автор афоризма «Credo quia absurdum est» («Верую потому что абсурдно»).

же... Я бы не советовал Совету Директоров надолго поворачиваться спиной. Чиркнуть зажигалкой времени хватит, а сигарету докурить – нет. Кожнут.

Конформизм этой группы и запрос на редукцию «социальной неоднородности и многоцветия» к простейшим командно-административным схемам делает ее бережным наследником опыта советских поколений, приученных к монополизированной структуре власти и плановой экономике, к «смазке» их негативных эффектов разветвленными сетями неформальных связей (блат, кумовство, соседство и др.). Единственная напасть – оптовая торговля «растиньяками» сейчас катастрофически превышает спрос. Проще говоря, Корпорация – не резиновая. И даже гиперлояльность (чаще выдаваемая за прагматизм, реализм, меркантильность) далеко не всегда дает пропуск за ее ворота. Отсюда – разогретый миф о «Наших» - опричниках, волею радеющего царя вытесняющих с занятых синекур «пораженцев»-бойр и параллельно гнобящих другие алчные контрэлиты. Старая песнь о вотчинном и служилом дворянстве. Аминь. То есть – чур, чур, чур.

В отличие от «растиньяков» **«бумеры»**¹⁹ не питают иллюзий по поводу своих шансов на «миноритарное акционерство» в корпоративном строю. Им не светит даже роль наемных рабочих, не говоря уже о «менеджерах среднего звена». И что, спрашивается, делать среднестатистическим мальчишкам и девочкам, если воображение распалено картинками рекламного изобилия, если все вокруг бредят успехом и потреблением, а они чувствуют себя принудительно заземленными, оторванными от заоблачно дорогих брендов, лишенными всякой надежды на слияние с объектами своих папуасских соблазнов? Между ними и телевизором слишком большой зазор, чтобы сокращать его с помощью работы, учебы, саморазвития. Жить же ощущением, что жизнь пронесется мимо, что временные лишения и монотонный труд не гарантируют пропуск в потребительский рай – это для «терпил». А они – другие. Их ставка – не карьера, а пиратская вылазка, «чудесное превращение». Потом – хоть трава не расти и цыгарки не клейся. Если «космонавты» ищут свой кайф в адреналиновых достижениях, «растиньяки» уповают на пошаговый карьерный рост «в хвосте правильно угаданного паровоза» или, на крайняк, согласны на вариант с удержанием статуса, то «бумеры» хотят достичь без достижений и стать без статусов. Просто хотят. Не «социального лифта», который ржавая лебёдка покровителей тащит по этажам, а самолета с вертикальным взлетом или мгновенной телепортации. Дамоклов меч жесткой посадки при этом не так уж страшен. Летать так летать.

В идеале это выглядит как какой-то краткосрочный «трудовой подвиг». Диапазон: от криминального (силовое предпринимательство, драгдилерство) и революционного (открывающего, как известно, тысячи новых вакансий) – до телевикторины, службы по контракту, гастарбайтерства в Москве или за границей, нежданной протекции, брака по расчету и т.п. При этом – далеко не всегда «бумер» - это провинциал, обитатель «спальных районов», «ребенок из неблагополучной семьи». «Срубить бабки с одной сделки и отвалить» - весьма распространенная, навеянная мифом о новорусском Клондайке начала 90-х, фантазия («Леня Голубков»,

¹⁹ «Бумер» - в память о героях одноименного фильма (режиссер – Петр Буслов) – road-move с криминальной канвой.

«комсомольский бизнес», семинар экономистов Змеиной горки и проч.)²⁰. Популярная до сих пор. Главное – оказаться в нужное время и месте.

«Бумер» - «вечно молодой, вечно пьяный» enfant terrible, Крокодил Данди в краю небоскребов, взбешенный соглядатай Тверской. Не рад он – ни служить, ни прислуживаться. Он презирает конформизм, как установку сломленного, дрессированного, проданного с потрохами человека. Романтическое, «предельное» киновоплощение этого типа – Данила Багров из балабановских «Братов»: минимум рефлексии, максимум действия, презрение к компромиссам, иерархиям, законам, «понятиям». Кто-кто, а он не баран, чтобы верить, будто святой Петр открывает врата Санкт-Петербурга. Ведь сила – в правде, правда – в везении, везет – сильным. От казака до разбойника – один шаг. Прочее – для лохов, «рыбьей крови».

Отрицание Системы и склонность к конструированию параллельных миров свойственны **«ушельцам»**²¹. Биосоциальная инерция понуждает их вписываться во взрослую жизнь, разучивать затейливые па и позы «общества спектакля», но переносить туда персональный «центр тяжести», сокращать дистанцию между собой и социальной ролью, «искренне вписываться в распорядок и повестку дня»... Это неприемлемо, поскольку угрожает в пубертате взлелеянной, по настоящему ценной, но, к сожалению, никем – ни рынком, ни государством, ни обществом – не востребованной идентичности. Ее защите служит солидный гардероб шапок-невидимок или сундук с карнавальными масками. Первое – популярно у «двигателей внутреннего сгорания» (внутренние эмигранты), второе – у stalkеров альтернативных социальных пространств (творцов субкультур).

«Двигатель внутреннего сгорания» - экологически чист, то есть – выдает минимум отходов и продуктов в окрестный мир: все выхлопы – вовнутрь (если не считать блоги в ЖЖ), все такты – холостые (неженатые). Контакт с внешним миром – ровно в той степени, какая необходима для поддержания штанов (юбок). От шизофреника отличается тем, что – не шизофреник (хотя сравнение льстит). Недостаток финансового и социального капитала «одинокое ушельца» из равновесия не выводит. Но попробуйте оспорить его право на капитал символический (высокую степень посвящения в какие-либо гуманитарно-художественные, научные и околонаучные, «астральные» и тому подобные иерархии)! Это в «реале» он скромный банковский клерк, аспирант, застенчивый тинэйджер, «серая мышка». А вообще-то перед Вами – «никем не пойманный Бэтмен», Арагорн, сын Араторна, Мишель Мерабович Деррида. Главное – с сарказмом не переборщить: среди сотен тусовщиков-самозванцев есть и настоящие

²⁰ «Поколение, которое пришло к власти в России в начале 90-х годов, было поколением торговцев джинсами, которые на руинах Советской империи поняли сермяжную правду нашу, домотканую, посконную – оказаться в нужное время в нужном месте. Она остается главной ценностью этого поколения, нынешнего правящего слоя /.../. Приходит новое поколение, которое я условно определяю как «поколение БМП». Это значит – «без меня поделили». То поколение, которое не является выгодоприобретателем 90-х годов, зато у него было время получить образование и подумать о судьбах страны. И это образование вкупе со сформировавшейся картиной видения нашей страны, энергией и волей ее преобразовать и желанием жить в России и через 20, и через 30, и через 50 лет – именно в России, а не на Лазурном берегу – это важнейший национальный актив, который мы надеемся мобилизовать для решения как экспертных, так и политических задач» - Белковский С. Сермяжных политиков сменяют молодые интеллектуалы // http://apn-nn.ru/autor_s/43.html

²¹ Существует Московское общество ушельцев - <http://www.kulichki.com/tolkien/textrus.html> (см. «Архивы Минас-Тирита», «Игры и конь»).

Бэтмены. Наплыл же Бродский на русскую литературу, минуя литературный институт им. Горького и «университеты евонного имени». Собственно, в псевдоморфозной среде (в тумане дутых репутаций и сплющенной публичной жизни) иначе никак. Либо бамбуком прорастешь сквозь асфальт, либо – карма сколиозной карельской березки.

«Ушельцы-коллективисты» - творцы автономных культурных пространств - конвертируют неизрасходованные запасы социальной энергии в групповые эксперименты с образом жизни, моделями ролевых отношений, восприятием и фокусами мышления. Они создают «игровые миры», которые не претендуют на реальную альтернативу Системе, но «чищают чакры» от пребывания в ней (своего рода «комнаты отдыха», «клубы выходного дня»), позволяют побыть в режиме стертых, ослабленных норм (приличий, правил и т.д.), удовлетворяют потребность в инаковом, коммунитарном общении, в сопереживании и самовыражении. Общественная ценность автономных пространств – в артикуляции упущенных возможностей, инвариантов публичной жизни. Через суб- и контркультуры социум как бы ощупывает ландшафт, выбирает направления, чтобы затем затащить свою грузную тушу в одно из них, определяя мейнстрим. Бывает, что слухи о «палестинах» и «беловодьях», найденных «ушельцами», стимулируют массовую миграцию; так соблазненное диссидентами население некогда поголовно «ушло» из Советского Союза задолго до его фактического распада («гардеробом», через инакомыслие, преступление или таможду); так Уильям Пенн однажды сел с единоверцами на три корабля, раздувших паруса в сторону Нового Света...

«Двойная жизнь» дается нелегко: каждый год приносит новый слой психической копоты – раздражения, усталости, одиночества. «Ушельцы» без аппетита накапливают титулы и регалии в тех производственных нишах, в которые их занесло Провидение, но свой круг общения и личностный рост ориентируют через альтернативные символы, авторитеты, ритуалы, «культовые» книги, музыку, кино. Радикальные «ушельцы», когда становится совсем невтерпеж, отрываются от родовой пуповины (как правило, в одиночку, реже – коммунами, на манер «Вежливого отказа») и окончательно переселяются в Иной мир (Интернет, наркотики, «шамбалы духа», за границу, на периферию и т.д.). Большинство же с годами ветшает, превращается в кичливых мистиков-надомников или рассасывается по предыдущим трем категориям.

Перечисленные четыре имиджа – нарочито утрированные публицистические карикатуры, макетики из папье-маше. Для серьезной аналитики они не годны. Но о какой «серьезной аналитике» может идти речь, когда под «микроскопом» не законченный, сросшийся в основных связях объект, а квантовые, «мерцающие», едва-едва вылупляющиеся из системной скорлупы контуры вероятного будущего? Почему знать, какой именно «чёртик» выпрыгнет из «табакерки»? И «чёртик» ли? Вдруг, вопреки мерзости, запустению, одержимости и интеллектуальной протрации, главные роли в спектакле эпохи исполняют юноши и девушки, занятые на «подтанцовке», взявшие тайм-аут, собирающие резервистов в засадные полки?

Что, собственно, во всех этих описаниях «поколенческого»? Подобные типажи при желании легко сыскать в любое время, в любой среде и даже в

любом возрасте. Дело в пропорциях? Или в том, что эти, маргинальные для стабильных сообществ, социальные практики оказались на гребне ветреной молодежной моды? Или же – их доминирование вообще не имеет никакого отношения к загадке поколения и объясняется исключительно форматом современных масс медиа, заставляющим журналистов воронами слетаться на все некондиционное, поблескивающее скандалом и истероидным желанием «попасть в кадр»?

V. ПРИЗЫВНИКИ И ПРИЗЫВНЫЕ ПУНКТЫ

Самый очевидный, напрашивающийся ответ на серию предыдущих вопросов: «космонавты», «растиньки», «бумеры», «ушельцы» - это те, кто не прошел «воспитательный карантин», кто был отбракован конвейером, бесперебойно производящем «нормальную», успешно социализованную молодежь. Последняя же, несмотря на количественное большинство и привилегию носить титул «цветов жизни», лишена стимулов к кооперированию по возрастной горизонтали. Она равномерно и бесконфликтно рассасывается по имеющимся ячейкам социального пространства и посему не заметна как слой с какими-то специфическими интересами, проблемами, отношениями.²² Хлесткая кличка-диагноз, данная Гертрудой Стайн современникам, взрослевшим в период между двумя мировыми войнами – *generation perdue*, «потерянное поколение» - это что-то вроде «масла масляного». Коль уж зашла речь о поколении, то всякий раз это - «лишние молодые люди», их «общественные течения», то, как они справляются со своей заброшенностью и ментальными вывихами. «Отбракованность», «отчуждение» - не их вина и не только их «головная боль», «поскольку общество «закрыто», недифференцировано, продвижение в нем контролируется с предельной жестокостью, невзирая на объем «социального брака», то зачатки, стимулы движения в обществе принимают вид разрыва, раскола либо осознаются таким образом, что и фиксируется в виде «проблемы поколения».²³

Подобное видение хорошо тем, что оно «пеленгует» и описывает массу молодежных состояний, самочувствий, практик в максимально широком контексте – социальном, экономическом, политическом, историческом, но при этом избегает гипостазирования образа поколения, то есть приписывания ему каких-либо врожденных, субстанциональных качеств. Оно подчеркивает ситуативность «поколенческого спазма» и не позволяет заочно, гуртом, записывать «биологическую молодежь» на роль «пролетария современности» и «нового революционного класса», как это делали некоторые из идеологов 1968 года (Маркузе, Сартр, Ги Дебор, Ванегейм) и их

²² В противопоставлении «нормальной» и «девиантной» молодежи, часто встречающемся в публицистике на молодежные темы, проглядывается различие между двумя типами мотивации – «статусно-распределительной» (главное – семья, душевное равновесие, прочная позиция на рынке труда, «лады с окружающими» и др.) и «достижительной» (на первом плане – карьера, знаки отличия, личностный рост, индивидуальность). Поскольку «нормы» сейчас задают группы, занятые извлечением административной ренты («пилите, Шура, они золотые!»), «нормальная молодежь» - та, что молча принимает правила статусно-распределительных игр.

²³ Дубин Б. Поколение. Социологические и исторические границы понятия // Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. М. 2004, С. 53.

наследники, как это делает сейчас Эдуард Лимонов²⁴ и прочие «ловцы пассионарных человек». Нет таких исторических ситуаций, из которых автоматически, как вода из крана, вытекает какой-либо тип поведения. И «особая онтология» нынешних 17-30-летних, обусловленная распространением Интернет, мобильных, SMS, блогосферы, iPod, Skipe и прочих технологических новшеств – еще не гарантия того, что ее «форма (тип) социальной связи и фокус символической солидарности»²⁵ будут чем-то радикально отличаться от опыта предшественников. Поколение – это общность проблем, а не реакций или способов их разрешения.

Все, вроде, стройно в этой трактовке. Все на месте. «Напряжения в системах мобильности и признания, указывающие на институциональные и гратификационные дефициты общества».²⁶ Высокий уровень внутренней конфликтности, беспокойства, внушаемости, страха. «Поломанные лифты». Сожженные кнопки верхних этажей. Проблемы лидерства, признания, преемственности. Недостаток опыта позитивной социальности. Ржа тотального недоверия и девальвация смысла каких-либо усилий.

Чтобы картина была законченной, не хватает одного-единственного, завершающего пазла, элемента. Ведь логично предположить, что фрустрированное, неудовлетворенное, погоняемое как пегий мул поколение рано или поздно примется решать свои проблемы или, на худой конец, захочет дать сдачи, выплеснуть эмоции и т.п.? Не все ж ему утираться, изловчаться в прогибах позвоночника, заниматься слаломом, огибая тысячи красных флажков на трассах своих биографий. Должны же быть хоть какие-то порывы собраться, поговорить, попытаться изменить свое положение? То есть – исходя из чисто теоретических раскладок, мы были бы вправе ожидать перехода наиболее задетой, «униженной и оскорбленной», думающей части молодежи из «объектного» в «субъектное» (активное, волевое, вербализованное) и «коллективно-субъектное» (организованное, кооперированное) состояние.

Однако с гражданской активностью молодых происходят странные вещи: либо серьезность поколенческих проблем сильно преувеличена, либо

²⁴ «Ты идешь по улице. Менты в серых армяках. Мятая толпа ментов. Тычут в грудь дубинкой. «Регистрация есть?» «Где регистрация?» «Билет есть? Когда приехал?» «Что здесь делаешь?» «Где штамп о прописке?» «Почему не в армии?». Облавы на иногородних, на призывников, на кого угодно, от кавказцев до белокурой Василисы из Вологды. И на тебя - тебя выдает твоя молодая рожа. Шмон. «К стене! Руки за голову!» «Ложись, сука!» - полная программа унижений. Повод: твоя молодость. С твоей юной физиономией ты далеко сияешь как краснокожий ацтек среди оливковых и белых испанцев. Молодой - значит неблагонадежный. Молодой и экстремист - синонимы. Молодой - значит фашист, коммунист, дезертир, призывник. Гражданин должен быть пожилым, потертым, потрескавшимся, морщинистым, бабушкой или ребенком. Тогда он благонадежен. Тогда на нем не задерживаются глаза работников правоохранительных органов. Для государства было бы удобно, если бы все граждане были стариками и функциональными инвалидами, но так чтобы у одного остались руки - на станке работать, у другого глаза - зачитывать нужные государству тексты, у следующей категории были бы только ноги - бежать по поручениям чиновников. Что, слишком гротескно? Да, гротескно, но отвечает духу Российского гребаного государства в первый год XXI века. Здоровые и молодые люди ему не нужны. Их спешит сбавить в тюрьму и в армию. РФ агрессивно антимолодежное государство» - Э. Лимонов. Другая Россия. Лекция третья «Самый угнетенный класс» // http://nbp-info.com/new/lib/lim_anotherrus/04.html

²⁵ Дубин Б. Поколение. Социологические и исторические границы понятия // Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. М. 2004, С. 47.

²⁶ Дубин Б. там же, С. 50.

«системы общественного дозора» (СМИ, социологические службы и др.) слишком несовершенны, чтобы зафиксировать «формы» и «точки», в которых «набухает молодежный протест», либо недовольство еще не нашло адекватных способов выражения, либо... Факт остается фактом: протестная (отрицание) и социал-конструкторская (утверждение) энергия молодежи «датчиков» не зашкаливает и послушно течет в русле «рекреационных» (воспроизводящих) социальных практик.

Вдвойне удивительно молодежное молчание и уход в несознанку на фоне стыдливо-сумасшедшего спроса на «поколение». В потоке песен протеста, артистических манифестов, аналитических записок, рекламных роликов, речей политиков и публицистической эссеистики слово «поколение» встречается с симптоматической частотой. Гораздо чаще, чем, к примеру, на молодежных форумах, в чатах, повседневном общении. Такое впечатление, будто в обществе (или - в тех, кто пишет и публично говорит) есть жгучее желание вручить кому-либо аванс на лепку «поколения» и его магическое выкликание из бездны истории. Словно Система задыхается в себе, в своих путаных противоречиях и исподволь заманивает в себя внесистемного игрока, заранее соглашаясь на неизбежные издержки, связанные с его гуннскими повадками и натурой. Это ощущение усиливается от созерцания ожесточенных схваток (как информационных, так и «на кулаках»), вспыхивающих между политическими и субкультурными группировками молодежи.

Зов времени услышан. Начата борьба за символическую апроприацию образа поколения, права говорить от его имени, выражать его скрытые чаяния.²⁷ Число вовлеченных в эту интригу относительно невелико, но медиатически очень активно. Серии статей, интервью, обзоров, посвященных молодежной политике, волнами накатывают на Интернет и печатные СМИ, не достигая, впрочем, самой влиятельной, конструирующей массовые образы реальности, сцены – ТВ. Политизированная, граждански и социально активная молодежь, как правило, не видна. Ее голоса (поступки, жесты, слова) практически никогда не идут прямой речью и представлены либо в статусе анонимного хора (данные социологических исследований, скандирующая толпа, пассивные слушатели лидерских выступлений), либо в виде реплик лидеров молодежных движений и организаций,²⁸ либо – что

²⁷ Предпринимались, но пока не привились попытки запустить идеологему «путинского поколения»: «В России во время Путина (2000-2005 гг.) выросла и окрепла прослойка молодых и относительно молодых людей (в возрастном диапазоне примерно между 25-33 годами), которая добилась успеха. Кто-то сумел раскрутить бизнес (некоторые вплоть до того, что стали миллионерами), кто-то сделал карьеру на государственной службе или в частных структурах, кто-то добился признания в некой творческой профессии и т.д. Их уровень жизни в целом выше среднего по стране или хотя бы соответствует ему, что уже немалое достижение, учитывая возраст. Можно их называть «российскими яппи», «молодым средним классом» и еще много как, но все эти определения будут неполными, неадекватными. Я предпочитаю «путинское поколение», оно еще более размытое, но зато отражает временной отрезок, на который пришелся взлет. А это довольно существенно» - Виталий Иванов. Baby-boom // www.russ.ru, 23.09.2005.

²⁸ Феномен молодежного лидерства и его присутствия в массмедиа чрезвычайно любопытен. Непосредственно после «украинских событий» достаточно было объявить себя лидером некоего виртуального молодежного сообщества, чтобы получить право публичного высказывания в СМИ. Питерская группа «Идущих без Путина», состоящая из 5-6 человек, по частоте упоминаний в прессе едва ли не «перекрывала» орды «Идущих вместе». Число мистификаций (свыше десятка разноцветных «Пор» и др.), разыгранных на ниве молодежной политики как властью, так и оппозицией, «самоскопило» эту сферу и сделало пародией на пародию взрослой политики, едва ли не исключительно происходящей в зоне политической рекламы и пропаганды.

чаще – в форме публицистических или экспертных интерпретаций (которые ни доказать, ни опровергнуть).

Под молодежный протест, буде таковой случится, упредительно выстроена солидная, превышающая размеры разумного, инфраструктура. Учтены пожелания бунтарей разных формаций. Созерцая воздвигнутые бастионы, окопы и «малоземельные» плацдармы нет-нет да приходит на ум, что ранее описанные имиджи и социальные практики – «космонавты», «растиньяки», «бумеры» и ушельцы» – не только и не столько отражение неких бессознательных стилевых ориентаций российской молодежи; они – сложносочиненные продукты медиа-излучения различных «призывных пунктов», построенных конкурирующими между собой элитами или, точнее, различными порождающими средами.²⁹ В каждом из таких пунктов ведется непрерывный набор новобранцев. Есть площадки для встреч, тренировок, спайки групповой идентичности, целеполагания.

Не стану утомлять досужими рассуждениями о том, кому и зачем это нужно. Тема, спору нет, интригующая, просвеченная вдоль и поперек разнолагерными полит-конспирологами. Только нас она уведет слишком далеко в сторону. В данный момент ограничимся экспресс-обзором тех социальных форм, которые доказали свою эффективность как резервуары для селекции, сбора и мобилизации выделенных мною типажей с повышенным уровнем тестостерона.

Растиньяк-орг

С точки зрения затраченных ресурсов, количества занятых, доли присутствия в медийной и публичной сфере, самыми громкими «призывными пунктами» молодежи последнего времени были мега-проекты «Новая цивилизация» (New Land, Ньюландия) и «Наши». Оба они позиционировались как эдакие «трансформаторные будки» для преобразования витальной энергии поколения в некий осмысленный и синхронизированный порядок действий, жестов, квалификаций, навыков социального поведения. На «выходе» планировалось получить когорту молодых управленцев нового типа, поколение, которому «правильно инсталлированы мозги»,³⁰ которое отличается историческим оптимизмом и вкусом к выполнению команды «равняйся». Попадание в проект подавалось как большая удача. Оно в одночасье переводило участников в разряд подростковых и молодежных лидеров, людей с обоснованными карьерными амбициями. Тень высокого покровительства и разовые контакты с VIP-ами

²⁹ Я не имею в виду каких-то конкретных «заказчиков» – персоны, организации или «силовые центры». Под «призывными пунктами» подразумеваются сконструированные социальные поля, детерминирующие индивидов в ценностных и целевых ориентациях, поведении, формате коммуникаций и т.п. С некоторой долей условности конфликт установок «космонавтов», «растиньяков», «бумеров» и «ушельцев» допустимо представлять как столкновение глобальных парадигм «традиционного общества», «модерна», «контрмодерна» и «постмодерна».

³⁰ «Участники нашей игры не за партой, а в реальной, хоть и смоделированной взрослыми жизни, учились современной экономике, политике, разбирались, как работает эффективное Государство, овладевали искусством менеджмента, закаляли характер в самых настоящих приключенческих экспедициях. За 10 лет участниками «Новой цивилизации» стали более миллиона мальчишек и девчонок, юношей и девушек, работников образования и молодых лидеров далеко не школьного возраста» – <http://www.newcivgroup.ru/about>

придавали уверенность в завтрашнем дне, в личной востребованности, адекватности. Потребность в признании удовлетворялась ритуалами сплочения и солидарности, движением по иерархической лестнице организации, получением знаков отличия и материальных поощрений в виде подарков, бесплатных походов в дансинги и кинотеатры, участия в летних лагерях и турпоездках.

Немудрено, что возможность получить халявные инвестиции в личностный рост, развитие лидерских качеств, накопление социального (престижные знакомства, связи в среде сверстников, менеджерские навыки) и символического (известность, дефицитные знания) капитала привлекала (а в случае с «Нашими» влечет по сей день) в первую очередь «растиньяков». Этим объясняется поразительное, даже чисто визуальное сходство ребят, попавших в радиус действия «Новой цивилизации» и «Наших». Не секрет, что скаутские технологии первых (методики вовлечения, тимбилдинга, обучающих политико-экономических игр и др.) были тщательным образом изучены создателями «Наших» и копированы (с поправкой на цели) практически один в один.³¹ Из заметных отличий – отношение к конкуренции (соревнованию): «новый растиньяк» не хочет, чтобы над ним или его оппонентом висел «потолок», «наш» – за «картельный сговор». Но это так... Не принципиально. Когда судебное преследование Ходорковского и «распил» «ЮКОСа» вошли в решающую фазу, выяснилось, что прагматизм и «технократство» позволяет «растиньякам» без лишних раздумий менять «суверенов», «корпоративную принадлежность», привыкать к иной «корпоративной культуре».³² Рыночный и бюрократический карьеризм в постсоветской России, как ни странно, на поверку оказались близки.³³ Странно, потому что бизнес и государственное управление – это принципиально отличные институциональные логики, требующие культивирования несхожих личностных качеств, компетенций, навыков, опыта поведения в коллективе. Но – то ли буржуазия у нас по-прежнему робка и труслива в своих эмансипаторных порывах,³⁴ то ли чиновники слишком расширительно трактуют метафору уподобления РФ акционерному

³¹ См. реплики А. Ермолина в интервью на радио «Эхо Москвы», в передаче «Активизация молодежных движений в России» (18.05.2005) // <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/36488>; Притворное «незнание» по части закромов, из которых по сусекам наскребли «Наших», проявляет автор маргиналий к книге П. Данилина («Новая молодежная политика») Михаил Кордонский: «Похоже, что «Наша» – добротный, высококачественный проект возрождения системы молодежных клубов на основе советского опыта. Где он разрабатывался и кем, мы не знаем. Но в только что начавшейся реализации видна рука мастера (группы мастеров)» // Кордонский М. «Наша» как социально-педагогический проект // <http://www.russ.ru>, 03.02.2006.

³² «Наша», скауты Ермолина, стипендиаты Потанина, СКМ, члены Союза молодых юристов, «молодогвардейцы», члены молодежных парламентов, функционеры студенческих профсоюзов – при всех идейных противоречиях и «прописках» на жилплощади той или иной влиятельной группы интересов между этими ребятами есть какой-то зримый «пиджачно-галстучный консенсус».

³³ Опять же, процитирую А.Е. Ермолина: «Сможет ли кремлевская администрация создать сильное молодежное движение? Если за это возьмется лично Владислав Сурков, то да. Энергетика и технологичность ума этого человека мне хорошо известны. Организационные ресурсы власти сегодня почти безграничны. «Застроить» под этот проект бизнес – тоже не проблема». («О Кремле и молодежи» - <http://www.newcivgroup.ru>). С «энергетикой и технологичностью ума» нынешнего главы президентской Администрации г-н Ермолин познакомился в бытность последнего главным пиарщиком ЮКОСа.

³⁴ Поведение РСПП (Российского Союза Промышленников и Предпринимателей) во время кризиса вокруг ЮКОСа как жирный крест на идее «хартии вольностей» финансово-промышленных баронов. Крупный бизнес, скрипя зубами, нехотя перешел в режим поднесения яиц (Фаберже).

обществу с ограниченной ответственностью...³⁵ Во всяком случае, переориентация молодежного карьеризма с успеха в бизнесе на занятие должностей в госаппарате заметна невооруженным глазом.³⁶

Глубинные, стратегические целевые установки названных молодежных проектов совпадали по вектору («корпоративное государство»), но различались по сценарию, списку лидеров и действующих лиц. В случае «Новой цивилизации» - это путь поколенческого выхода в глобальный мир на шее крупных частных корпораций российского происхождения. Сценарий «Наших» предполагал то же самое, но с другим субъектом – «национально мыслящей» бюрократией, контролирующей крупный бизнес и его финансовые потоки, мобилизующей нацию на «великую историческую миссию» (вначале было слово и слово было Суркова).

Примечательно близки были отправные посылки проектирования: взрослое население России заочно признавалось антропологически не годным для модернизационного рывка. И потому тактике кропотливых реформ и длительного согласования скандально противоречивых общественных интересов предпочли путь создания «параллельных стран»: «парниковых» молодежных пространств с другими, лабораторно заданными правилами игры, бонусами, героями. Далее обещалась естественная, пластунски ползущая экспансия «параллельных миров», выдвижение их креатур на позиции лидеров мнений, во властные структуры, масс-медиа... Ленин, чтобы сменить режим, благословлял большевиков на захват банков, телеграфов, мостов. XXI век и революцию, и «охранительство» сделал предприятиями менее затратными, более эргономичными, манипулируемыми.

Зачем что-либо оккупировать, кого-либо убеждать? Достаточно удерживать горизонтальные связи между людьми в зачаточном состоянии и жестко замкнуть ожидания стадно пасущегося населения на инициативу номинальной, мнимо монолитной, правящей элиты. Таким образом, проблема модернизации формулируется как проблема лидерства («надежда на доброго царя» и «просвещенных вельмож») и сплочения нации вокруг ее

³⁵ См. статью В. Иноземцева «Власть как бизнес» // Политический класс, №12, 2005: «В России, где демократические традиции отсутствуют, а жажда личного финансового благополучия выступает - будем откровенны - единственным побудительным мотивом значительного числа людей, хоть сколько-нибудь проявляющих свою инициативу, ситуация еще более драматична. Сырьевая специфика экономики и этатистская традиция в общественной жизни делают бизнес зависимым от власти в гораздо большей степени, нежели, например, в Соединенных Штатах. Близость к власти в путинской России становится залогом не столько успеха бизнеса, сколько его элементарного выживания. В такой ситуации представители власти не покровительствуют бизнесу, результатами которого стремятся (или надеются) воспользоваться в перспективе; они непосредственно вовлекаются в бизнес, становятся бизнесменами и действуют уже не столько как государственные чиновники, оглядывающиеся на интересы корпораций, сколько как корпоративные менеджеры, получившие возможность использовать государственную власть с целью обеспечения монополии для собственных компаний, подавления конкуренции или получения государственных субсидий, преференций или особых условий хозяйствования»

³⁶ «Социологи и руководители рекрутинговых агентств отмечают, что число молодых людей, стремящихся добиться высот в бизнесе, постепенно сокращается, в то время как число будущих чиновников (желательно — высокопоставленных) растет опережающими темпами. И это логично, потому что уровень доходов в этих сферах постоянно сближается, в то время как уровень риска несопоставим: в чиновничьей среде при соблюдении внутрикорпоративной этики он вообще близок к нулю» - Полухин А. Превед, бюджет! // Новая газета, № 63, 21.08.2006.

«пастухов». Как пишут «Наши» в своем манифесте: «Вопрос лидерства России есть, следовательно, вопрос смены поколений лидеров. Наше поколение должно сменить у руля управления страной поколение пораженцев. Наше поколение должно осуществить революцию в образе мышления и стиле управления страной».³⁷ Этот многократно растиражированный тезис вызвал не только глухое раздражение «пораженцев», победно восседающих в дорогом стоящих креслах, но и у людей среднего поколения, успевших проделать немалый путь из «грязи в князи» и не согласных пускать кого-либо без очереди. «Вас тут не стояло!» - осаживали одни. «Педократы на марше!» - фыркали другие.³⁸

Итожим: под «растиньяка» нужна Организация корпоративного типа (с ранжированной иерархической лестницей, механизмами ходьбы по ее ступеням и правдоподобным посулом, что достигнутые «понарошку» вершины впоследствии можно будет перевести в реальные должности, титулы, зарплату; модель «комсомола» как переходно-подготовительной структуры, аффилированной или кооперированной с институтами власти или бизнеса в этом случае наиболее соответствует ожиданиям).

Бумер-маи

Другим выдающимся «призывным пунктом», который больше десяти лет исправно собирает сотни социально реактивных молодых людей, является НБП. Ни карьеры, ни денег, ни широкого общественного признания членство в этой партии не дает. Наоборот, сулит репутацию пожизненного бунтаря и маргинала, возводящего в культ свое «лименство».³⁹ Тем не менее, даже недруги готовы признать, что это один из самых массовых и «продуктивных» (регулярно извергающих события и тексты) поколенческих проектов, четко адресованный всем «бумерам» вне зависимости от семейного происхождения, уровня образования, тонкостей мотивации (есть и парни с рабочих окраин, и студенты МГУ, и артистическая богема). Жизнь с нацболами – увлекательный приключенческий квест, полоса испытаний, смысл которых – доказательство и себе, и другим своей исключительности, исторической призванности, героизма. Атмосфера риска, романтизация своего жертвенного существования, форсированное докрасна воображение и предельная, панковская искренность в глазах нацболов искупают многочисленные издержки, связанные с их политикой и образом жизни. У них возникают проблемы с семьей и работой, они выпадают из сетки неформальных связей

³⁷ Из манифеста «Наших» (<http://www.nashi.su/>).

³⁸ Эдуард Корнеев в статье «Педократы на марше!» на примере «пермского рейда «Наших» (обвинение пермского губернатора Олега Чиркунова в потакании неонацистам) жестко критиковал возню с политическими бэби-бумерами, предостерегал, что это может кончиться движением хунвэйбинов и «духовной педократией», описанной в «Вехах» 1909 года философом Сергеем Булгаковым (<http://www.apn.ru>, 15.02.2006).

³⁹ «limen» – в терминологии этнолога В.Тернера (кн. «Символ и ритуал») – «человек порога»; лиминальный статус молодежи – изобретение эпохи модерна, в которой полноценная социализация молодых людей предполагает овладение суммой базовых знаний (читать, писать, считать...) и социальных навыков (синхронизация режимов дня и др.); в традиционных обществах лиминальный статус «выдается» на краткий срок прохождения ритуальной инициации при переходе с одной позиции на другую.

со сверстниками?⁴⁰ «Чушь» - говорит Лимонов. И то, и другое заменит партия, воедино сплавливающая личное и публичное, переводящая стрелки поколенческого невроза на колею направленных вовне психотических реакций.

Какие-либо оценки идеологии, анализ организационной структуры и прочие нюансы я намеренно опускаю. НБП – на 99% эстетический, коммунитарный, миллениаристский, «телесный» проект. Мысль в нем присутствует только тогда, когда она не тормозит действия, не мешает току взрывных эмоций. Процесс - важнее целей. Чувство несправедливости – острее любых идеологем. Будущее – актуальнее настоящего; собственно оно задает тонус и ценность жизни «здесь и сейчас». Партия – единственный арбитр и значимый социальный круг. Она «расплачивается» со своими сторонниками признанием, солидарностью, общением, «адреналином», чувством причастности «маленького человека» к «большой миссии». С партией у «бумера» появляется будущее. Не беда, что оно закапсулировано внутри самой партии и не имеет выхода на общество в целом. Это сейчас так, а в случае победы... Сбербанк будет сорван. Победа же – это легитимизация своего положения (как минимум, регистрация партии), «обналичивание» нарами и потом вырванных трофеев.

Как и в случае с «растиньяками», «бумеры» горизонтально подвижны внутри своего имиджевого ряда и совместимы с другими «бумерскими» проектами. Показательно, что СМИ, несмотря на очевидные, кулаками и бейсбольными битами подчеркиваемые различия между нацболами, скинами, фанатами, АКМовцами, евразийцами, православными и исламскими фундаменталистами, «бригадами» и прочими группами «силового прорыва» обобщенно валят всех в одну кучу. Общественное мнение при идентификации совершает ту же ошибку. К примеру, нацболы ни разу не были уличены в нападениях на иностранцев, иностранных студентов или представителей этнических диаспор, но молва продолжает заносить их в «черный список» патологических ксенофобов и шовинистов.⁴¹ В ЖЖ даже новые дефиниции ввели: есть «фашисты», есть «фашысты» и «фошисты», есть «нашисты»... Поди разберись, кто тут травояден, а кто хищник, когда на клетке медведя фломастером написано «кролик».

Вывод: *под «бумеров» нужно контркультурное Движение* (с харизматическими лидерами, «исторически гулкими символами», ритуалами коллективных радений, доминантой аффективного поведения, упором на

⁴⁰ «Семья, верно, чувствует, что национал-большевизм выводит человека на новую жизненную орбиту, вселяет в него слишком необыкновенные чувства, чтобы продолжать наслаждаться обыкновенными семейными радостями. Уж лучше водка и бабы (в промежутках между выполнением семейных обязанностей), чем революция - рассуждает семья. Пусть ему (сыну, мужу, брату) лучше разобьют башку в пьяной драке, чем «заметут» на пикете. Расчет верен: в первом случае он вернется в семью с чувством вины, поджав хвост, что и требуется. На примере наших бывших товарищей мы видим это очень отчетливо. Семья давит и на тех, кто проявил стойкость» - Э. Лимонов. Другая Россия. Лекция первая «Монстр с заплаканными глазами: семья» // http://nbp-info.com/new/lib/lim_anotherrus/02.html

⁴¹ Ксенофобский дискурс, безусловно, присутствует в риторике НБП, но образ врага в нем значим не сам по себе (и потому – выполняет роль переменной), а как средство воспроизводства непрерывной мобилизации, поддержания пассионарного накала, «сплоченности рядов» и др. Атаки на «режим Путина», НАТО, представителей международных финансовых институтов в данном случае носят демонстративно ритуальный характер. Их подлинным адресатом выступает не столько общественное мнение или «объекты ненависти», сколько сами национал-большевики.

неформальные связи в противоречивой связке с элементами «военной демократии» и т.д.). Я бы добавил, что в отличие от классических социальных движений (рабочее, синдикалистское, антивоенное и др.) и тем более от движений «постматериального типа» (экологических, за права эмансипирующихся меньшинств, в защиту локальных интересов, стигматизированных идентичностей и др.), «бумерская» манера «двигаться» прототипом должна иметь *Племя* (вождь, волхвы, дружина, «мужики»).

Космос-net

Самым массовым серийным производителем молодых «космонавтов» с начала перестройки были постмодернистская литература, музыкальные каналы и «арт-хаусное» (авторское, независимое, малобюджетное в духе «Догмы-95» Т. Винтерберга и Л. фон Триера) кино, программы международных студенческих обменов и стажировок, совместные волонтерские проекты западных и российских НПО, культурно-просветительские инициативы, знакомящие молодых россиян с жизнью за руинами железного занавеса, депроvincialизирующие сознание и сеющие зерна «глобализации».

В 2005-ом и 2006-ом кто только ни брался за то, чтобы собрать урожай со всех этих посевов. Формат молодежных политических и гражданских организаций спешно перекраивался или камуфлировался под «сеть». Сетевые взаимодействия, отсутствие или «спрятанность» иерархии, театральные уклон, внимание к виртуальным и медийным «зеркалам», перенос диалоговых режимов live journal, интернет-форумов и чатов в практику клубных дискуссий, сближение с андеграундной и интернациональной артистической средой – все для того, чтобы чуждый любой догматике и прессыющей организационной культуре «космонавт» чувствовал себя в родимой «неопознанной летающей тарелке». Как на дрожжах росли компактные экипажи, соревнующиеся в демистификации социального порядка, принудительной экспроприации символического капитала у бронзовеющей власти и декоративной оппозиции, высмеивании архаических предрассудков общественного мнения. Подавляющее большинство их акций, символических жестов, текстов не ставили целью изменение реальности, а следовали обходной логике гельмановского проекта «Россия-2».⁴² Они «разжимали» семиотизированное социальное пространство, реинтерпретировали реальность, моделировали «альтернативные зоны», то есть проводили эксперименты с формами межличностной связи, действовавшими «поверх» реального «расклада сил» (осуществляли своего рода «гоблинский перевод»), «поверх» повседневности с ее «железобетонной» арматурой власти и подчинения, курьезами административного рынка и т.д. Эти связи, пульсируя, образовывались между членами виртуальных community, участниками выплеснутых на площади художественных постановок, уличными акционистами. Их длительность определялась

⁴² Марат Гельман. Журнал-каталог «Россия-2»: «Россия-2» существует в географических границах РФ, но более демократична, интернациональна, настроена на исследование пограничных тем и не замкнута в рамках официально допустимого. Она занята обычной для художника работой – проектированием будущего, не зависимо от «здесь и сейчас». В свою очередь, цель художественного проекта «Россия-2» – найти нужную частоту и собрать на ней (в разных форматах – интернет-портала, выставки, литературного сборника, встреч, перформансов) проявления этой другой России» // <http://www.gif.ru/themes/culture/russia-2/marat-text>

хронотопом какого-либо конкретного события (перфоманса, хэппенинга, акции, флэш-моба) или проекта. Затем – все складывалось на манер парашюта. Фланирование между реальностью и гиперреальностью, запуски симулякров с их последующим разоблачением, ироническое остранение, «метания помидоров» и бесплатная раздача апельсинов – органичны для «космонавта», поскольку имитируют его зыбкое, номадическое, мультимедийное состояние.

Под этот типаж не создавали «глубоко эшелонированных клеток», наподобие «Наших», «Новой цивилизации», НБП. Чем многолюднее тусовка, тем вероятнее, что «космонавт» запустит свой стартовый двигатель, дабы перескочить на следующую орбиту. Мания инноваций, чуткость ко всему «продвинутому», презентация себя «человеком без свойств», открытого всем свойствам одновременно, делают этот тип самым интеллектуальным, креативным, но крайне ненадежным, капризным союзником. Его тошнит от колонн, маршей, дисциплины, принуждения, прописанных обязательств.⁴³ Это не значит, что у него нет запроса на «чувство локтя», коллективное действие, «мышление вслух», сопереживание. Напротив, оторванный от своих «корневых общин», порастерявший на пути эмансипации эмоциональную связь с «близкими по рождению», «космонавт» крайне нуждается в чуткой и отзывчивой среде. Но... Как «искушенный потребитель», он крайне привередлив в выборе «форм общества и общения» и тщательно следит за тем, чтобы не попасть в «крепостную зависимость» от взятого напрокат «социального тела». Ему по душе открытые, игровые, неформализованные пространства. Его влекут те, кем он не является, на которых он не похож. Ему в кайф необременительные, скользкие контакты с себе подобными.

Оптимальный формат для «космонавта» - открытая Сеть, допускающая «провайдерство» и «модерацию», но наотрез отторгающая цензуру, контроль, жесткие идентификационные рамки. Существенный признак «космических» сетей – их заведомо временный (проектный), подчиненный конкретному поводу (проблеме, цели) характер.

Ушель-цзы

Последняя оставшаяся группа – «ушельцы». Чтобы охарактеризовать и подчеркнуть древность одеваемых ими «социальных хламид», приведу пространную цитату из эссе Игоря Аверкиева: «Российский человек, как и все прочие люди, остро ощущает унижение своего человеческого достоинства, в нем все кипит, когда он сталкивается с произволом власти. В веках он выработал свои моральные нормы, помогающие ему сопротивляться произволу и унижению. Одна из таких норм – «право на побег». «Право на побег» как право уйти, отвернуться от произвола, причем «произвольщик» не может не считаться с этим «правом». Побег как признаваемая всеми форма протеста против произвола и унижения. Отсюда официальный «Юрьев день», официальные «государства беглых» в лице «Запорожской сечи» и прочих казацких вольниц. У российского человека, в отличие от европейца, всегда было куда бежать и в смысле географии, и в

⁴³ Закону, как норме, претендующей на вечную актуальность, «космонавт» предпочитает норму контракта, то есть – «закона на время», регламентирующего связь с группами проектных партнеров.

смысле просторов «внутреннего мира» /.../ «Побег от плохого начальства с работы («летуны» в советское время). Побег от несправедливой организации и оплаты труда в лень, в низкую производительность труда («они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем»). Современный побег в криминал от несправедливостей жизни. Побег от произвола внутрь себя: в религию, в отрешение от мира, в монашество, в сторожи-дворники, «в народ». Побег советской инакомыслящей творческой элиты в дачные поселки. Наконец, эмиграция диссидентов /.../ Как не странно, многие эти варианты «побегов», хоть и не нравились власти, но, так или иначе, признавались ею, или, как минимум, власть на них закрывала глаза. «Право на побег» у нас реальное моральное право, то есть, почти общепринятое. В советское время бежать от произвола власти особенно было некуда, но для «внутренних беглецов» существовали «специальные профессии» (кочегары, сторожи, дворники, разнорабочие в геологических партиях и т.д.), в которых «беглецам» позволялось работать и где их, в общем-то, не трогали. Элементы подобного «права» существуют и в других обществах, но там это именно элементы, в России же - явление, архетип».⁴⁴

Существует специфика «молодежного побега». Она обусловлена тем, что «убегать», собственно говоря, неоткуда и некуда: неоткуда, поскольку молодежь – это социальный слой, толпящийся у входа в систему разделения труда и взрослой жизни без флаеров и скидок; некуда, поскольку технологии современного контроля, при всем их несовершенстве, позволяют покрывать практически все населенное пространство, включая самые что ни на есть периферийные зоны. «Нас не догонят», - уверяют «Тату». Лукавые девочки. Ваше бегство – часть «Матрицы». Тщательно, любовно, с калькулятором прописанная часть.

Молодежные субкультуры, условно взорвавшие мир в 1968-м, ныне окончательно коммерциализировались, потеряли критический запал и исправно исполняют роль «громоотвода». Вместо языка сознания или переживания кризиса они превратились в ловушки забвения и высокоточные маркетинговые залпы легкой промышленности (мода, развлечения, экстрим с ремнями и подушками безопасности). Ни проколотые в трех местах уши, ни волосы, крашенные в «кислотные цвета», ни радикальный «прикид» уже не являются четкими маркерами нонконформизма и трансгрессивности. разве что военкомовский психиатр по старинке запишет в учетную карточку что-нибудь про «акцентуацию личности» или ее «перверсии». А так – делай что хочешь: слушай «готыку», клубись на Казантипе, пыхай каннабисом на растаманском джеме, маши деревянным мечом с «ролевиками» и «толкиенутыми». У современного общества, даже такого консервативного, архаичного, агрессивного к безобидным формам инаковости, как российское, хватает ума, чтобы не поддаваться очередным «моральным паникам» по поводу таких проявлений молодежного протеста. Они даже косвенно поощряются. Но только в специально отведенных для этого местах - зонах контролируемого безумия, самозабвения, транса (клуб, стадион, концертный и спортивный зал, танцпол, «фестивальная поляна» и др.).

Как оказалось, неформальные лидеры отдельных контр- и субкультурных практик, взрослея, не прочь капитализировать свой

⁴⁴ Аверкиев И. Зачем человеку права человека // <http://www.prpc.ru/averkiev/040408.shtml>

авторитет, обменяв шаткую независимость на реальные бонусы, которые приносит интеграция в какой-либо крупный полит-педагогический (растиньяковский) или радикально-политический (бумерский) проект: скины и панки могут симпатизировать НБП, национал-патриотическим группировкам, радикально-экологическим, анархистским и антиглобалистским движениям; на «Наше» дело готовы сдать свои мускулистые тела часть легионеров из фанатских фаланг; отдельные «группы исторической реконструкции» рукоплещут политикам, обещающим реконструировать интересующий их период в полном объеме. Правда, чаще всего подобная сдача авторитета внаем - журналистская «липа»: коллаборационизм в «ушельской» среде карается по всей строгости субкультурного канона. Шпагу над головой не ломают, но и руки не подадут, отзывая подаренные «феньки», «обнуляя» репутацию и распространяя слух о «грехопадении».

По понятным причинам эти ограничения не распространяются на практику участия в разного рода внесистемных политических и квазиполитических движениях. И «новые левые», и «ультра-патриоты» сумели «внедриться» в существующие и создать собственные неформальные пространства, куда по закону больших чисел постепенно засасывается значительный сегмент субкультурных кочевников. К примеру, с «новыми левыми» осознанно ассоциируют себя лидеры рок-групп, играющих «альтернативу»,⁴⁵ ряд издательств, книжных магазинов и клубов, выпускающих или распространяющих модную литературу, видео, DVD, проводящих субполитические дискуссии и «сейшены» (Гилея, Фаланстер, Час Ч, Ультра.Культура, Ad marginem, клуб Джерри Рубина и др.), творческие группы, производящее экспериментальное и радикальное кино (фестиваль сверхлюбительского, радикального и экспериментального кино «Стык»,⁴⁶ «Свои 2000», замершее движение «ЗАИБИ – За Анонимное и Бесплатное Искусство»), художники, занимающиеся нефигуративным искусством, арт- и медиа-критикой (<http://www.mediaartlab.ru>, www.getto.ru, <http://dxlab.org/ru>), лаборатории тактических медиа (проект видеодокументации социальных акций <http://www.indyvideo.by.ru> Дмитрия Моделя сотоварищи; русскоязычная версия международного проекта IndyMedia <http://www.russia.indymedia.org> Влада Тупикина и Утэ Вайнманн).⁴⁷

Тем не менее, большинство «ушельцев» не так-то просто «развернуть» на активное участие в жизни того самого общества, из которого им хочется «слинять» на время или навсегда. Из всех социальных форм, они, как правило, избирают «модель герметичной тусовки», в которой «практика стилизации потребления» (музыки, кино, одежды и др.), ритуализации

⁴⁵ «Альтернативность» в данном случае определение довольно условное, учитывая всеядность музыкального рынка и довольно просторный формат «политкорректности» на музыкальных радиостанциях. Однако можно отметить как тенденцию возрождение социально-протестных интонаций в рок-музыке (Арефьева и «Ковчег», «Король и шут», «Зимовье зверей», «Запрещенные барабанщики», «Сница», «Звезда Полюнь»), «политизацию рэпа» («Sixtynine», «Каста», Дельфин и др.), рост популярности oi, ska с политизированным или гражданским подтекстом и др.

⁴⁶ <http://www.styk.nm.ru>

⁴⁷ Прошу прощения у названных институций и людей за перечень через запятую (да еще и в разделе об «ушельцах»). Острота противоречий между протагонистами «левой сцены» ставит под вопрос ярлык «новые левые». За ним нет никакой общей организационной (партии, движения) или идеологической структуры, но есть читающая, дискутирующая, знающая друг друга в лицо публика.

общения, символического обмена и т.п. превалирует над жадой социального самоутверждения. Вместо обмена апперкотами с Системой и ревниво опекающих ее репрессивных органов, «ушельцы» погружены в себя и ту констелляцию межличностных отношений, которая кропотливо творится, придумывается ими «из ничего».

Резюме: *«ушельцам» – субкультурные заповедники*, чья основная функция - производство альтернативной идентичности (неструктурированные отношения по типу контактных и дружеских кругов с внутренней мифологией, текстами и вещными артефактами, неформальными кодексами поведения, телесными практиками и др.) и создание «убежищ».

Вернемся вновь к теме «призыва». Не такая уж невестребованная эта современная молодежь. На ее мобилизацию, де(-мо-)билизацию и «скульптурную обработку» работает множество групп интересов, лишенных власти и влияния в настоящем, но стремящихся получить их в будущем. Доступные нынешним студентам и подросткам возможности самореализации, образования горизонтальных связей и сетей обмена, развлечения и получения знаний - все на порядок выше, чем у предшественников.⁴⁸ К услугам поколения – сотни разноцветных политических, гражданских, социальных, культурных объединений, средства коммуникации, упраздняющие время и расстояние, колоссальный архив исторического опыта, расфасованный и готовый к переосмыслению, электронный и туристический доступ к инновационным практикам сверстников, живущих в странах «золотого миллиарда». Более того, какие б зловещие сказки ни рассказывали про «кремлевскую диктатуру», «олигархат», «вашингтонский обком», в стране формально наличествует (пусть и в «обесточенном», стерилизованном виде) полный джентльменский набор «взрослых» демократических институтов (партии, парламент, суды, СМИ, муниципалитеты, профсоюзы и т.п.), которые после починки и запуска всегда можно превратить в инструменты реализации своей воли. Большинство из них «сшиты на вырост» национального организма и ждут своего часа, чтобы быть снятыми с «вешалок» гражданской пассивности и узурпации власти.

Однако, несмотря на все это богатство, молодые россияне не спешат пускать его в ход - бороться за права и свободы, продвигать свои ценности, кооперироваться по интересам, брать ответственность за «свое время». Как их только не тормозили, чем только не соблазняли... Но стоит «раздражителям» отойти в сторону, заданный импульс гаснет как спички фабрики Балабанова. Остается чесать затылок: ну должно же быть хоть какое-то остаточное брожение, какие-то - пусть чахлые, наивные, неумелые,

⁴⁸ «Из-за привычной виктимизации молодого поколения мы можем просмотреть уникальность современной социальной ситуации в России, которая характеризуется явлением новой молодежи, уже при молодости своей заполучившей свое будущее в полном объеме и с правом полного его использования. Молодежи, социальное бытие которой определяется не привычной и ожидаемой «нехваткой» и скудностью социальных ресурсов, а наоборот - их полнотой и даже избытком. Поколение, которому не нужны красочные реликты субкультур молодежного протеста и молодежного страдания. Поколение, которое нуждается только в технологиях использования имеющегося набора ресурсов, а не в благородных практиках отказа от чего-либо или борьбы за что-либо» - Шмидт С. Ювильная лужа. Заметки о победившей в России молодежной революции // <http://www.russ.ru>, 23.10.2005.

но порывы к социальному зодчеству, вступлению в права собственности на государственные активы, защите прав, полученных предками ценой страшных ошибок, лишений, потерь...

На месте долгожданного поколения - «черная дыра». Крикни «ау!» - эхо не вернет. Может оттого, что кричат в толпу, а не выкликают по имени?

VI. ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ ПИЗАНСКОЙ РАБОТЫ

Июнь, 2002. Поселок Московский, Учебный центр ЦК профсоюза работников АПК РФ. Семинар «PR для правозащитных организаций», организованный Агентством социальной информации.

Тренеров - Дениса Антонова и Елену Темичеву – удалось уговорить чохом взять семь человек из региональных групп, входящих в Международную Сеть «МПД» (Молодежное Правозащитное Движение). Все – из разных городов (Москва, Воронеж, Владимир, Ставрополь, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Рязань). За два дня семинара мы хотели разработать PR-проект с кодовым названием «Герои Нашего Времени» или, сокращенно, «Бэтмен». Цель – сделать эскиз привлекательного образа молодого гражданского активиста и придумать схему его трансляции.

Все семеро относительно недавно вошли в «третий сектор», были полны энтузиазма и желания поделиться своими открытиями со сверстниками, знакомыми, друзьями. Мы отчетливо сознавали, сколь значительная дистанция разделяет эти миры. Почти как от Марафона до Афин. Ну и что? На радостях можно и добежать. Главное - сделать видимым для других хоть краешек того, что увидели, чем загорелись мы сами.

А чем, собственно, загорелись? Что увидели? Ясно, что каждый «клюнул на своего червяка», но ведь было же и что-то общее в знаменателе, какой-то сквозной, «канительный» мотив. Разомкнутый, экзотический круг общения? Подпоясанный смыслом день? Инфраструктурный «рычаг» для решения личных проблем? Наверное и то, и другое, и тридцать третье. Но прежде всего – пришли на Людей. Не случайно в анкетах корреспондентов и участников МПД, где среди всего прочего предлагалось ответить на вопрос «что такое правозащита?», подавляющее большинство ставило галочку напротив строки «стиль жизни (образ действий)».⁴⁹

Этого самого «образа жизни» не хватало нам всем - столь разным, нестыкуемым в повседневности. Ведь буквально ничего общего, если не считать каких-то неуловимых, бог-весть-что-значащих совпадений: всем почему-то нравились цыгански сумасбродные фильмы Эмира Кустурицы, многие в детстве не раз и не два меняли место прописки, большинство имело в биографии какую-то травматическую «поворотную точку»...

⁴⁹ Другие варианты ответа: «рыцарство», «занятие приятное, хотя и почти бесполезное – этот мир все равно лучше не станет»; «такая же профессиональная деятельность, как и любая другая»; «один из разделов правовой (юридической) деятельности в целом»; «другое».

Показательно, что за два дня при плотном семинарском графике так и не удалось найти хоть какие-то формальные категории, пеленгующие нас целиком. «Читающая молодежь», «гуманитарият», «студенчество», «молодые специалисты», «неформалы-нонконформисты»... Все – не то. Одни в рюкзаках носили Бродского, Булгакова и Кундеру, другие – что угодно, но в жанре «фэнтези», третьи – под беллетристической подразумевали Ф. Котлера и учебники по теории систем, четвертые – печатное слово переносили только в виде дайджеста, пресс-релиза или юридических документов. С образованием – та же история: от кандидатов наук до бросивших или изредка посещающих вуз. При таком разбросе сомнительно, чтобы какой-нибудь супер-пуер «социал-маркетолог» или «связник с общественностью» смогли бы вычислить нас как *target group* программы поиска волонтеров. Стандартный заход со стороны хрестоматийных «места жительства-учебы-работы-досуга», уровней семейного достатка, культурных и идеологических предпочтений, хобби *etc*» никогда бы не собрал и не удержал нас вместе. Скорее, он показал бы линии напряжения и вероятного раскола, нежели точки сближения и солидарности. «Скрепку» следовало искать через что-то другое: через визуализацию и вербализацию тех самых воображаемых, идеальных представлений и ценностей, что в сумме давали «правозащиту как образ жизни» и «социальный мир, в котором этот образ – норма для всех».

Эти и сопутствующие соображения закрыли тему «целевой аудитории» и ее «сегментирования». Если и есть в природе какие-то специфические социальные среды или поля, стабильно колосающиеся правозащитниками, экологами, антифашистами и миротворцами, то нам они неизвестны. К примеру, экстремальный опыт пребывания в зоне межэтнического конфликта, дискриминации, пыток, полицейского произвола не дает никаких гарантий «правозащитной реакции» со стороны жертвы или свидетеля. Побег, «закрывание глаз», пресмыкание, ответная агрессия – куда более естественны и распространены в таких обстоятельствах. Напротив, «правозащитный путь» с точки зрения расхожей обывательской мудрости – это какой-то ментальный сдвиг, донкихотство, знак то ли мудрой силы, то ли отчаянной храбрости, то ли юродства. Всяко – это что-то не от мира сего, вопреки природе вспыхивающее посреди «здорового смысла» и «скованности одной цепью».

Озаренных вспышками назвали «Героями Нашего Времени». Мы были убеждены, что наше время нуждается не в «конкистадорах с панцирем железным», не в «торквемадах идеи» или «робеспьерах революции», а в тех, кто способен сделать общество чуть более гуманным, пригодным для достойного существования, «нормальным» – в смысле договорившимся до «базовых норм цивилизованного общежития».

Семинар помог сделать наметки проекта. Спустя месяц на флип-чарте в воронежском Админ-Центре были составлены «фотороботы» героев. Их более менее развернутые описания можно найти на специальном сайте.⁵⁰ Здесь же я дам краткие выжимки.

Первый, редко встречающийся, но существующий в природе, тип «героя» – «Социальный Архитектор»; молодой человек, который уже поймал драйв от успешного

⁵⁰ Мега-проект Герои Нашего Времени - <http://www.heroes.ynnet.org>

воплощения какой-либо общественной инициативы, который знает или догадывается, что и как он хочет сделать еще. Ему не хватает помощников и ресурсов. Ему нужен совет, критика, ободрение. Но цели и смыслы он в состоянии вынашивать сам.

Второй «бэтмен» - «Нереализованный Одиночка». Он еще не понимает как, в какую сторону, во имя чего он хочет изменить этот мир, но при этом осознает, что ни принять, ни приспособиться, ни улизнуть от корябающей его реальности ему не по силам. В нем есть надежда открыть свое предназначение и сознание, что оно открывается через Других. Этот тип «вечно беременен», но рождает только в присутствии «акушера». Сократ поблизости - сын повитухи и каменщика - самое то.

Третий - «Истинный Безумец». Попеременно может пребывать в трех ипостасях - Благородный Сумасшедший, Чудак, Малопризнанный Гений. В одном случае безумцем назовут того, кто взял на себя высокую, социально признаваемую, но слишком опасную или изматывающую миссию; в другом - того, кто занимается чушью и пустяками, но так, что из них вырастает нечто волшебное; в третьем - того, кто в слепом порыве или педантичном труде создал нечто, чему нет цены в настоящем, но непременно отыщется в будущем.

Мы хотели выстроить особые «коммуникативные пространства» (и времена) для молодых людей всех названных категорий. Не «попользовать», не «вовлечь в гражданскую активность», не имплантировать микрочип Всеобщей Декларации Прав Человека, а просто высвободить место для встречи тех, кто «ощущает себя героем какого-то социального действия или творческого процесса», «одним из главных героев драмы (а может - комедии или трагедии) своей собственной жизни». Нам не хватало таких людей. Не хватает сейчас. У нас нет никакой уверенности, что мы сами - герои.

По завершении семинара участники сделали символический жест - из кусков разноцветной бумаги склеили макет Эйфелевой башни. Потом - разъехались.

Марго Гришечкина, по слухам, родила ребенка, переехала в Калининград и там пропала. Роджер (Лёня Диденко) - колумнист в воронежском «Коммерсанте». Из МПД ушел. Пишет «в стол» фантастические рассказы и футурологические эссе. Маша Середа - не знаю где она в эту минуту, но не сомневаюсь, что связи с рязанским «Мемориалом» и www.hro.org не потеряет никогда. Таня Горячих - в Минэкономразвитии («под Грефом секретно»). Макс Абрахимов переехал из Ставрополя в воронежский Админ-центр МПД, а затем - перебежал на «комиссарство» к «Нашим» (чем вынес в аут всех, кто его знал). Федор Микушин - совершенствует свои тренерские добродетели, курирует массу проектов в пуле дружественных ростовских НПО, все чаще пускает в ход свои лычки кандидата экономических наук, чтобы заработать денег и «отдохнуть» от «пещерного менеджмента» своих молодых коллег. Я - преподаю в универе, женился на итальянке, мотаю нервы ей и себе, ища как сесть на шпагат между Римом, Москвой, Владимиром и другими городами Сети.

Такие вот пироги. Такие, блин, Бэтмены.

VII. МЕНЕДЖЕРЫ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Приток какой молодежи ожидается правозащитниками? Какие позиции сообщество готово доверить новому поколению? Пересекается ли правозащитный запрос на «молодежь» с запросами других «групп интересов»? Если эти пересечения есть, то где, в каких точках, они происходят? Можно ли связать права человека с глубинными интересами тех или иных поколенческих течений?

Нужны ли, к примеру, для правозащитных организаций «растиньяки», чьи амбиции, анфас, профиль и деловая хватка отшлифованы школой «Наших», бизнес-классами Ходорковского, молодежными парламентами, студсоветами, школьным самоуправлением, скаутскими дружинами или чем-то подобным?

Не стоит торопиться с ответом: мол, ату их, бюрократов, карьеристов, приспособленцев и киборгов. Равнодушный к идеологическим «журавлям», «растиньяк» - признанный дока по части «синиц». Его мотивация позволяет быть эффективным офис-менеджером, администратором крупных (межрегиональных, международных) объединений, юридическим консультантом, организатором гражданских кампаний, сотрудником юридических клиник и общественных приемных, аккуратным делопроизводителем, бухгалтером, фандрайзером, пресс-секретарем, заведующим издательскими программами... Короче, ему по плечу любая деятельность с калькулируемыми результатами, четко прописанными инструкциями, алгоритмами и процедурами принятия решений, с внятной субординацией и механизмами перехода по «служебной лестнице». Чем старше, «продвинутое», профессиональнее та или иная правозащитная структура, тем больше в ней ценятся не только хорошие люди и идейно выдержанные сотрудники, но и те рабочие лошадки (технический персонал), что способны переносить рутину,⁵¹ делать не только то, что нравится, но и то, что надо, исполнять приказы в случае цейтнота или нехватки сил на объяснение задач. Кроме того, есть огромный спектр общественных благ, для продуцирования которых недостаточно «благородных эмоций»; нужно участие дипломированных, нацеленных на профессиональное самоутверждение, «холодных» и нейтральных специалистов. «Третий сектор» должен быть привлекателен, удобен, престижен для них. Это – один из индикаторов прогресса в становлении гражданского общества. Это – один из индикаторов роста и системной стабильности гражданского общества.

Потребность в «растиньяках» растет пропорционально тому, насколько быстро развивается организация - от неформальной инициативы в сторону стабильно работающей общественной институции. В этом смысле закономерен замеченный экспертами кадровый дрейф правозащиты во

⁵¹ Чаще всего причинами формализации и «рутинизации» деятельности НПО выступают не сами активисты, решившие «положить конец разброду и шатаниям» через прописывание инструкций, зон ответственности, процессуальных моментов и т.п.; более весомая причина - формат, выставленный общественным объединениям со стороны контролирующих органов государства (отчеты, протоколы, документооборот в организации, справки и проч.) и благотворительных фондов (гранты, отчеты, сбор публикаций и др.). Одна из целей пресловутых поправок к закону об НПО – по уши загрузить организации третьего сектора канцелярскими хлопотами.

второй половине 90-х годов: с одной стороны, диссиденты, борцы, романтики первой волны через поколение воспроизводили себе подобных (внуки - молодые идеалисты), с другой – наблюдался численный рост офисных сотрудников, которые в большей степени ориентировались на модельный образ «профессионала».⁵² Костяк второй волны составляли люди среднего возраста. Как правило, они очень редко выдвигали себя на лидерские позиции, были менее публичными (известными, вовлеченными в контакты за пределами сообщества) фигурами, отличались «реалистическими», «прагматическими» взглядами на то, как следует защищать и продвигать права человека, как надлежит отделять зерна «прав» от «плевел» интересов, «гражданскую активность» - от «политической» и «социокультурной». Для них аксиома, что успешная защита прав зависит от умения увязывать спрос населения с конъюнктурой фондовых конкурсов и человеческими ресурсами, имеющимися в распоряжении НПО, что спрос формируем при условии значительных финансовых инвестиций на исследования «рынка», социальный маркетинг, упаковку услуг в гляцевые потребительские пакеты...

Подобное видение – ночной кошмар для тех, чье мировоззрение сложилось в «эпоху развитого социализма» и диссидентского пангуманизма. В ту пору слово «карьера» и, тем более, «общественная карьера» по умолчанию считались чем-то если не неприличным, то, как минимум, двусмысленным; общество нередко связывало продвижение по служебной лестнице слишком с нравственной нечистоплотностью, готовностью поступиться свободой, дружбой, личными принципами. Это отношение то ли как рудимент, то ли как осознанная позиция миновали блокпост перестройки, бессознательно проецируясь на тех, кто в нынешнее время шагает наверх по ступенькам госаппарата или штурмует корпоративные пирамиды. Сама постановка вопроса о «правах человека» как «товаре», который предстоит продать и оценить с точки зрения потребительских предпочтений, который необходимо должным образом позиционировать на рынке социальных услуг и доказать выгодность твоего предложения в сравнении с туфтой, выпускаемой конкурентами... От этого волосы на груди

⁵² См. Положение в обществе современного правозащитного сообщества и его идей. Основные тезисы по результатам исследования «Положение в обществе современного правозащитного сообщества и его идей», проект Института прав человека при финансовой поддержке Фонда «Общественный вердикт», ноябрь - декабрь 2004. Подготовлен Центром ДЕМОС для Института прав человека // <http://www.publicverdict.org/ru/articles/research.html>

встают дыбом, а в горле – комок⁵³. Общественное мнение, в целом высоко оценивающее заслуги старшего, «диссидентского поколения», отнеслось к «средней правозащитной генерации» довольно недоброжелательно: молва приписывала ей «грантоедство», спекуляции на ниве стихийной протестной активности населения, занятие «непыльных» должностей в нарождающемся классе «общественной бюрократии», «делание политической карьеры окольным путем».

После столь весомых обвинений на имеющихся «растиньяках» впору ставить крест и не давать им размножаться, а на тех, что «толпятся в прихожей», заготовить осиновые колы. Этот типаж настолько заклеван юристами и ревнителями гражданской веры, что менее всего хочется подставляться, выступая его адвокатом.

Критики, безусловно, морально правы. Их обеспокоенность чистотой помыслов гражданского активиста заслуживает уважения. Постараемся понять «прагматиков» и их аргументы.

«Растиньяку» и впрямь могут быть «до фонаря» права человека вместе с его достоинством. Его случайно занесло в сообщество. Случилось это в ту пору, когда казалось, что правозащита вот-вот «встанет на ноги» (будет не только миссионерским, рискованным проектом), наладит бесперебойную систему сбыта своих услуг согражданам, страдающим от произвола, «капитализирует» последствия «диалога с властью», застолбит за собой функцию посредника между общественными ассоциациями, государством и транснациональными, межправительственными структурами. Во всем мире общественная деятельность по мере усложнения социальной структуры и повышения частотности «вертикальных конфликтов», становится

⁵³ Изменение социально-исторического контекста и диктуемая им необходимость перемен в организации защиты прав человека болезненно переживается людьми старшего поколения. Получение зарплаты за общественную работу до сих пор нуждается в легитимизации, оставаясь одним из расхожих пунктов обвинения, предъявляемых сотрудникам НПО. Публика, как встарь, не готова принимать «третий сектор» как место работы, несмотря на формализованный и контрактный характер отношений между командами проекта и донорами (фондами, муниципальными службами, частными благотворителями и др.). См: «Природа движения 60-70-х годов была *личностной, нравственной*, а сегодня мы должны говорить о необходимости *технологизированной, профессионализированной деятельности*, которая определяется совершенно *иными законами*, отличными от законов, по которым свершается личностный, духовный акт. Приводилось такое сравнение: диссиденты 60-70-х годов свою деятельность, свои поступки оплачивали неволей, изгнанием, потерей каких-то возможностей. А сегодняшние правозащитники за свою деятельность, точнее - работу, получают деньги. Сейчас движению нужны не герои, а рабочие лошадки, которым надо выполнять повседневную, рутинную работу. Она отнюдь не всегда сопряжена с духовными порывами, она требует профессионализации, *требует других людей*. Это надо понимать и осознать... Я сказала бы, что правозащитники сегодня - это своеобразные социальные работники в некоторых сферах общественной жизни. Здесь могут работать волонтеры, но также и люди, выполняющие свои служебные обязанности. Я совсем не считаю, что получать деньги за работу, которую ты делаешь, - аморально, что этого надо стыдиться. Весь мир работает так. И мы должны понимать, что живем в ином времени, отличном от того, что было 30 лет назад, и решаем другие задачи. Мы должны осваивать другие ценности, другие технологии, другие формы деятельности и самоорганизации. - Карнозова Л.М. Проблемы правозащитного сообщества в России: материалы приложения к докладу // www.russ.ru, 10.05.2006.

востребованной, почетной, сносно оплачиваемой профессией.⁵⁴ Ей будут учить. Будет разработана какая-то программа сертификации качества «продукции» и тестирования персонала. Появятся свои стандарты, общепризнанные методики, совместимые «технологические цепочки». Подобную трансформацию – от «самодеятельности» к «профессии» – прошли сотни разновидностей труда. Социолог Энтони Гидденс приводил цифры – от 20-30-ти специализаций в примитивном первобытном социуме до 40 тысяч – зарегистрированных в обществе современном (в реестре профессий на бирже труда). Если на рынке есть «ниша», рано или поздно возникает группа людей, удовлетворяющих спрос на нее. В случае с правозащитой – «ниша» есть и она не исчезнет, покуда существует диспропорция отношений «власти и единицы». Как шутил Марек Новицкий: «...власть всегда нарушала, нарушает и будет нарушать права человека. Это неотъемлемое ее стремление, ей так проще – не обращая внимания на ущемление чьих-то прав и достоинства, идти вперед к светлому будущему. И там безработица правозащитникам не угрожает. Я думаю, что это одна из двух самых стабильных профессий в мире. Первая – похоронщики. Все остальные могут бояться, что у них не будет будущего».⁵⁵

На лавры пророков и харизматиков «труженики второго гражданского эшелона» никогда не претендовали. Они добровольно уступали «старшему поколению» право быть спикерами сообщества, прикрывая их «гуманитарную крылатость» и любовь к «небесным кренделям» своими деловыми качествами, специальными знаниями, вниманием к мелочам. Некоторые «растиньяки» никогда не скрывали, что права человека для них – это «инструмент», «технология», «процедура», правозащитные НПО – не форма призвания, служения, образа жизни, «досуга с благородным смыслом», а, прежде всего, место работы или транзитная кочка в карьере. Как не скрывали и того, что могут уйти в не слишком подходящий момент, если кто-либо предложит более высокую зарплату, звучную должность, перспективы профессионального роста. Среди «растиньяков» встречались даже «перегоревшие» романтики, чья вера в скорую гуманизацию общества и установление гражданского контроля над госорганами постепенно иссякла, трансформировавшись в этику компромисса и кропотливого труда, в идеологию «какого угодно строя, но с человеческим лицом».

Союз «борцов» и «профессионалов» а priori чреват конфликтами. Обсуждать их исключительно в этической плоскости бессмысленно, поскольку они тут же превращаются в межличностный клинч и воспринимаются как сведение счетов. Прав Сергей Шимоволос, предлагавший выработать гласные процедуры самоорганизации сообщества и своеобразный кодекс чести, чтобы регулировать отношения «идеологов» и «технологов» по каким-то понятным для всех и признаваемым всеми правилам. Личный опыт «укрощения растиньяков» Сергей признал неудачным: «10 лет я последовательно проводил стратегию – растить лидеров

⁵⁴ Появление института омбудсмена, образование комиссий по правам человека в субъектах Федерации, создание Общественной Палаты, возможности карьеры в международных фондах, NGO, неправительственных организациях и по сей день, несмотря на «шпионские скандалы», по-прежнему делают стратегию профессионализации вполне рациональной (стаж в независимой НПО – отличная подготовка для работы в этих структурах).

⁵⁵ Новицкий М. Безработица правозащитникам не угрожает. Конспект прочитанной в 2002 году лекции в Школе по правам человека «Стратегия действий неправительственных организаций, а также людей, которые хотят влиять на ход событий в своей стране» // <http://hro.org>, 22.05.2006.

и создавать «профильные» организации, определять их миссию и готовить для них первые проекты. Но в последние годы большинство из таких организаций либо «умерло», либо утратило «правозащитный» смысл. К руководству пришли откровенные циники, которых я сам привел к власти и которые сейчас называют меня своим врагом. И во всем этом есть и моя вина: НЕЛЬЗЯ поддерживать и ставить во главу организаций людей с неправозащитным мышлением, движимых собственным честолюбием и амбициями; НЕЛЬЗЯ приучать к зависимости от грантов, к привычке искать деньги на любую правозащитную проблему, тем более привлекать к работе очевидно меркантильных людей; НЕЛЬЗЯ упускать контроль за тем, что создаешь. Ответственность остается, но уже нет возможности исправить ситуацию».⁵⁶

После столь горьких выводов читатель ждет анафемы, посыпания головы пеплом и прочих покаянных жестов. Но автор поступает иначе: «Далеко не все приходят в правозащитные организации по убеждениям. Для многих мотивом становится достижение сугубо личных целей – в политике, карьере, учебе за границей и даже в бизнесе. Их работа в общественных организациях часто полезна в качестве сотрудников. Но именно здесь и должна лежать граница – люди без убеждений не должны быть лидерами правозащитных организаций (по крайней мере, не называться правозащитниками), даже если это хорошие менеджеры. Это вовсе не обструкция – профессиональные сотрудники, менеджеры, эксперты просто необходимы, но они так и должны восприниматься...».

Заканчивается статья Сергея выводом-призывом: «время менеджеров должно уйти – возвращается время идеологов». В «переводе» на язык моего эссе: «растиньяку – растиньяково; надо вывести его за штат или развести в организационном пространстве с подлинными носителями правозащитного духа. Плюс – замуровать для «растиньяков» подступы к руководящим позициям. Если этого не сделать, не выработать каких-то мер самоконтроля и «лицензирования» под угрозой окажется ценностная идентичность и пассионарная энергетика правозащитных НПО».

С общим пафосом статьи, трагиковой наиболее одиозных событий и оргвыводами трудно не согласиться. Правда текст, как мне кажется, нуждается в продолжении. Весьма вероятно, что время менеджеров уйдет вместе с менеджерами. Сошлюсь на три броских, разворачивающихся в последние годы тенденции, которые могут повлиять на этот процесс.

Первая – резкое сокращение ресурсной базы правозащитного сообщества.

Иностранные инвесторы⁵⁷ по разным причинам уходят или сокращают свои гражданские и социально-гуманитарные программы в России. Оставшиеся испытывают скрытое давление и все чаще предпочитают работать с партнерами, «умеренными во всех отношениях». Западные компании, пришедшие на российский рынок, давно освоились и

⁵⁶ Шимоволос С. Правозащитники и Паркинсон // <http://www.prpc.ru/reshr/lib.shtml>

⁵⁷ Частные транснациональные фонды, фонды иностранных правительств, фонды межправительственных организаций типа ООН, Совета Европы, средства, собранные среди бенефициаров зарубежных NGO и др.

адаптировались к местным «правилам игры». Для них не новость, что рост продаж и увеличение объема производства никак не связаны с созданием благоприятной социальной среды и расположением общественного мнения. В разреженной атмосфере меньше сопротивления и, соответственно, меньше лишних затрат (не считая «откатов»). Разгром «Открытой России» фактически закрыл тему прозрачных, взаимовыгодных отношений с крупным национальным бизнесом. «Политэкономические эмигранты» невменяемы и зациклены на виртуальных покусо-полизованиях Кремля. Какие-либо контакты с ними в настоящий момент не несут ничего, кроме ощущения скуки и бездарной траты времени. Неплатежеспособность большинства «потребителей правозащитных услуг», отсутствие традиций благотворительности, административно-налоговые проблемы организации сбора пожертвований, пропаганда недоверия к «эффективности и чистоте намерений» правозащитных организаций отрезают НПО от других потенциальных доноров. Прямыми последствиями этих и других событий станут проблемы с удержанием штатного состава и офисов, обострение конкуренции между профессионалами, рост безработицы, трудности в создании новыми людьми новых организаций. С технической и инфраструктурной точки зрения многие региональные НПО могут быть отброшены на несколько лет назад – к домашним кухням, принтерам и телефонам. «Колоссы» (МХГ, Мемориал, Союз комитетов солдатских матерей, «Гражданский контроль», Движение «За права человека» и др.) выстоят, но поредеют и «потеряют темп».

Вторая тенденция – «ГОНГизация всяя Руси».

ГОНГО⁵⁸ - стремительно растущий общественный сектор (по объему вложений, числу занятых, «покрываемой географии»). Безусловно, он существовал и ранее, будь то в виде незатонувших островков «советской общественности» или в форме «VIP-аэродромов»⁵⁹ - многочисленных исследовательских институтов, фондов, центров, объединений, созданных бывшими чиновниками или экс-партийцами, которые выпали из «колоды», но сохранили деньги и связи, чтобы по оказии попасть в нее вновь. После «цветных революций», монетизации льгот и появления бюджета на контрреволюционный комплот ГОНГи вошли в фазу расцвета. Им нужны и кадры, и массы. Родственников уже не хватает. Обычным явлением стал наем профессионалов из независимых гражданских организаций на сезонные работы в пользу своих прямых идеологических оппонентов. Для «взрослых», «засвеченных» «профи» подобный соблазн обычно выглядит как череда разовых контрактов (образовательные, консультационные услуги).⁶⁰ Молодым же в лоб предлагают «играть за другую команду», авансом подкрепляя серьезность своих намерений.

⁵⁸ «Ручные», квазиобщественные организации (Governmental Nongovernmental Organizations), чье рождение инициировано федеральными, региональными, муниципальными структурами государственной власти.

⁵⁹ См. «Гражданское общество: в поисках определения. Беседа с Борисом Хлебниковым и Владимиром Якимцом» // Неприкосновенный запас, 2003 №2 (28).

⁶⁰ Поддавшиеся «соблазну» без всякого давления со стороны окружающих склонны замалчивать или подолгу оправдываться за лекции, тренинги, семинары, данные «Нашим», «молодогвардейцам» и проч. Постепенно реанимируется почти забытая с советских времен речевка с лейтмотивом «надо идти в чрево системы, дабы развалить ее изнутри» (т.е. прибыль подается как жертва).

Вопреки распространенному мнению, ГОНГизация публичной сферы – не сиюминутный, связанный только с предстоящими парламентскими и президентскими выборами, процесс. После «зачистки» партийной системы, нейтрализации и маргинализации критических настроенных СМИ, «равноудаления» (сиречь – определения порядка рассадки и очередности доения) финансово-промышленных групп Кремль практически исключил для себя опасность появления легальной (системной) политической оппозиции. Внешнеполитическая конъюнктура также вполне благоприятна: неафишируемая программа «нефть в обмен на молчание» превратила Россию в «слепое пятно» на событийной карте мира. Осталось только мониторить гражданское общество и смотреть, чтобы та или иная общественная инициатива не перебрала «социального капитала» и не создала инфраструктуру, пригодную для внесистемной атаки. Для этого учредили Общественную Палату, изменили законодательство, регулирующее деятельность НКО, запустили «охранительные молодежные проекты», подобные «Нашим», Евразийскому Союзу Молодежи, «Молодой гвардии», Всероссийской Альтерглобалистской Лиге, «России молодой», «Местным» и другим. Опрометчиво было бы считать, что подобные образования – исключительно разновидность «потемкинских деревень», «мосфильмовская массовка», «потешные полки». С пассионариями там не густо, но они есть. Разочаровываясь и покидая ряды «сурковского комсомола», молодые растиньки остаются носителями корпоративной модели мира и сосредоточены на том, как бы эту добродетель выгодно перепродать.

В конструкции управляемой демократии ГОНГО берут на себя скорбный труд «смотрящих по зоне», «клапанов для выпуска пара», «отбойника от пятых колонн», «карбюратора для медиа-впрыска нужных интерпретаций реальности». Вне сомнения, настройка «ручной общественности» будет продолжена. Несмотря на внушительные финансовые вливания, прямую протекцию, консалтинг- и информ-поддержку властей, предоставление в пользование части государственных институций (системы образования в первую очередь), эффективность нынешних ГОНГО все еще вызывает нарекания. К примеру, «Наши» и Союз православных граждан, обещавшие отнять у «правозащитников-пораженцев» «монополию на гражданское общество и права человека»,⁶¹ до сих пор медлят с развертыванием собственных многократно

⁶¹ «Времена «профессиональных» правозащитников, отрабатывающих зарубежные гранты, как и их монополия на право выступать от имени общества, уходят в прошлое» - заявление молодежного движения «Наши»: «Время монополии на гражданское общество прошло!» // <http://www.nashi.su>, 21 марта 2006; сюжет с «перехватом инициативы и монополии на гражданское общество» (именно с таковой формулировкой-рефреном) настойчиво развивается в СМИ на стыках разных историй. См. к примеру: «Дело Щербинского» выиграно – выиграно им, выиграно защищавшими его автомобилистами, выиграно, наконец, гражданским обществом. И то, что у гражданского общества непривычные черты Кучерены, Гудкова, Хинштейна и «Единой России», - не должно никого смущать. Наверное, это не самые симпатичные черты. Но выбирать приходится не между «Единой Россией» и ангелами, а между «Единой Россией» и привычными борцами с режимом, торговцами бедой. В случае с Щербинским их монополии на правозащиту нанесен серьезный, а может быть, и сокрушительный удар. Хочется надеяться, что этот удар не станет последним» - Кашин О. Странные черты гражданского общества // <http://www.globalrus.ru/comments/780901/>

анонсированных правозащитных программ.⁶² Деньги у них есть. Не хватает мозгов и подготовленных «профи». Будут покупать.

Для «растиньяков», мотивированных на карьеру в системе государственных органов, ГОНГО – это чистилище («фильтр»), фарм-клуб (показ себя во всей красе потенциальным работодателям), «скамейка запасных».

Третий, едва заметный, но ударно торящий свою лъжню, тренд – рождение так называемых ПОНПО (PONPO - Profit-Oriented-Non-Profit-Organizations - коммерческих некоммерческих организаций). Разогнавшийся клин национальных и мультинациональных корпораций, поглощая ресурсы и извергая густые клубы прибыли, рано или поздно натывается на интересы территориальных сообществ. У последних, как это ни удивительно, в системе ценностей на первых позициях могут оказываться столь «непрогрессивные» блага как продолжительность и качество жизни, сохранность окружающей среды, традиционных промыслов и форм хозяйствования... При фатальном несовпадении планов корпорации и населения, народившегося на путях чьей-либо гениальной схемы (трубопровода, транспортной магистрали, промышленного строительства, утилизации производственных отходов и т.д.), неизбежен конфликт. Его формы зависят от десятка переменных (масштаб и серьезность общественного ущерба, характер и число участников переговоров, степень коррумпированности власти и др.), увеличивающих инвестиционную стоимость проектов за счет расходов на «экологию», «связи с возбужденной общественностью», согласования с местными властями и компетентными ведомствами. Но бизнес есть бизнес. Он не был бы самим собой, если б не стремился к минимизации расходов и максимизации прибыли. Те же топ-менеджеры на досуге не прочь проронить скупую слезу над природой и аборигенами, живущими ее дарами. Но то на досуге. А на работе – они ни при чём, поскольку руководствуются токмо волею пославших их акционеров. Акционеры же благоволят процентам.

Самым популярным методом продвижения корпоративных интересов вплоть до последнего времени было образование тактических альянсов бизнеса и власти. Злые языки называют это коррупцией. Добрые – административным рынком или самобытным историческим путем. При населении, не желающем становиться обществом, этот метод работает. Горстку протестующей общественности подкупают, заматают по судам, обмажут дегтем в СМИ и выкинут на помойку обывательских сплетен. Однако время от времени случаются сбои. На два года застряли лукойловские надежды осушить нефтяной шельф близ национального парка «Куршская коса» (в Калининградской области). Против этого Голиафа с многомиллиардным оборотом вышли сотни Давидов, организовавших по призыву «Экозащиты!» акции прямого действия (кампания «Стоп Дб») по всей стране. Офисы и бензоколонки компании окружила молодежь, клеящая

⁶² Намерение Русской Православной Церкви поддержать правозащитные программы подтвердил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в интервью после всемирного Русского народного Собора: «Наша правозащитная программа предполагает в первую очередь диалог с отечественными правозащитными организациями. Есть среди них такие, с которыми, наверное, говорить будет очень трудно, поэтому я думаю, что мы с ними дискутировать и не станем. Но есть в правозащитном движении мыслящие и ответственные силы, серьезно озабоченные проблемами человека в нашей стране и болеющие за Отечество. И с ними мы, конечно, будем вести диалог» (<http://www.mospat.ru>).

стикеры, рассказывающая рядовым сотрудникам «Лукойла» и шоферам о том, что Куршская коса внесена ЮНЕСКО в список уникальных природных комплексов (как объект Всемирного Наследия), что нефтедобыча и шастанье танкеров с горючим в непосредственной близости от песчаных дюн грозит региональной экосистеме... Акции поддержали европейские «зеленые». Кончилось тем, что петро-лобби были вынуждены временно ретироваться (в 2004 году добыча была начата). Та же участь постигла стратегов (из «Транснефти»), решивших протянуть ветку трубопровода рядом со священным Байкалом с его запасами кристально чистой пресной воды. Не говоря уже про «мелкие неприятности», доставленные Конфопом (Конфедерацией обществ потребителей) крупным мировым производителям и дистрибьюторам товаров народного потребления. Конечно же, российские активисты пока еще не в состоянии затеять массовые потребительские бойкоты, подобные тем, которые регулярно доставляют головную боль таким гигантам как «Shell», «Еххон», «Nestle», «виргинским табачным баронам» и др. Однако совсем сбрасывать со счетов представителей сотен экологических, потребительских, антиядерных, зоозащитных организаций нельзя. «Пипл все хавают» только тогда, когда не знает, что именно протакаивают в его желудок и среду обитания. Узнав же о рисках, связанных с поеданием генетически модифицированных организмов, с использованием вредных химических веществ при производстве детских игрушек, с вдыханием паров тяжелых металлов, коими кишит атмосфера промышленных городов, обыватель начинает нервничать. На приковывание наручниками к дверям Госдумы или оккупацию рельсов на пути транспортировки ядерных отходов он вряд ли отважится, но в глубине души с ними согласится и корзинку домашних пирожков в лагерь активистов принесет.

Наиболее дешевым противоядием против прискорбной спайки общества и общественности являются ПОНПО. Формально они абсолютно независимы и вправе гордиться юридического лица необщим выраженьем. Единственное, что их выдает – источники финансирования и явная тенденциозность в выборе объектов для атаки. ПОНПО – идеальный партнер для изображения социальной ответственности коммерческих компаний: они стоворчивы при обсуждении результатов независимых экспертиз, удобны для предварительной вспашки общественного мнения перед началом строительства производственных объектов, гадящих в черте города и т.д. Но это «цветочки». Подлинный потенциал ПОНПО лучше всего раскрывается не столько через пиар «материнской платы» (компании-заказчика), сколько через так называемую недобросовестную конкуренцию. С одной стороны, это можно только приветствовать; шельмовать конкурента да еще под заведомо святыми знаменами беспокойства о жизни и здравии потребителей – это менее опасно, нежели устраивать «маски-шоу» с привлечением админресурса или насыпать фанатеющих от бейсбола братков. С другой стороны, ПОНПО наносят реальный вред репутации гражданского общества и сжирают его самый ценный и дефицитный ресурс – доверие населения. Полностью ликвидировать ПОНПО или излечить «ПОНПО-соблазн» для независимых организаций, наверное, нельзя. Единственный способ удержать их в рамках приличия – саморегулирование третьего сектора, прозрачность схем его финансирования и механизмов принятия решений.

Все три тенденции – сокращение ресурсной базы, усиление конкуренции со стороны ГОНГО и ПОНПО – постепенно «вымывают» из правозащитной среды людей с мотивацией «растиньяка». Впервые, начиная

с начала 90-х годов, рекреация и пополнение этого слоя в сообществе стали проблемой.⁶³

Что делать? Радоваться уходу «полезных», но «безыдейных»? Давать в газеты объявления о конкурсах на занятие вакантных должностей? Брать технический персонал со стороны? Это тактически возможные варианты, но под их реализацию нужны зарплаты, сопоставимые с уровнем дохода специалистов того же уровня⁶⁴ в других отраслях. При глобальном скукоживании ресурсной базы НПО этот сценарий «не катит».

Остается одно: искать молодых профессионалов или, точнее, тех, кто хотел бы ими стать, трудом расплачиваясь за науку, стаж и связи. Так на горизонте появляется юный «растиньяк», чей главный признак - это наличие амбиций при недостатке ресурсов (денег, престижного образования, опыта работы и др.), чтобы их удовлетворить. Часть этих ресурсов есть в «третьем секторе». Проблема в том, как, на каких условиях провести «размен». Не одна организация уже обожглась на проходимцах, которые пользуют ее как «ресурсный центр» и «банк, который грех не кинуть с кредитом». Но с «растиньяком» уместен «торг». Он хорошо понимает и его язык, и его законы. Хуже, если разговор начистоту вовсе не состоится.

Наиболее отзывчивой средой на предложения «места работы, стажировки, повышения квалификации» могут стать молодые ребята с невысокими стартовыми позициями, которые по тем или иным причинам находятся в группе риска быть дискриминированными или недооцененными на общем рынке труда.⁶⁵

⁶³ В отличие от Москвы и мегаполисов, где худо-бедно сложился рынок труда «профессионалов гражданского влияния», где отдельные специалисты легко пересекают границы между организациями, кооперируются для работы в рамках проектов и модульных программ, провинциальные НПО буквально задыхаются от «технологической кустарщины» и «изобретения велосипедов». Для привлечения специалистов не хватает ресурсов. К тому же – компетенции номинальных (по диплому, по стажу работы и др.) специалистов часто оказываются недостаточными для эффективного действия в третьем секторе. В нем ограниченно применимы приемы «приказа» и «денежной стимуляции» плюс выше требования к искусству рациональной (убеждение, аргументирование), психологической (пробуждение эмоциональной вовлеченности), нравственной (обращение к совести, чувству сострадания и справедливости) мобилизации.

⁶⁴ От рядового сотрудника средней правозащитной организации требуется владение внушительным списком профессиональных качеств «многостаночника» (помимо знания собственно правозащитных технологий): навыки пользования базовыми компьютерными программами и навигации во Всемирной паутине, знание основ делопроизводства, законов фандрайзинга, менеджмента организаций, социального маркетинга и PR, умение управлять проектом и работать в команде, элементарные представления о методах социологического исследования (фокус-группы, глубинные интервью, методики опросов, анкетирования и др.). На общем рынке труда такой специалист (и его подготовка) стоят недешево.

⁶⁵ Работать и зарабатывать в обществе, подобном российскому, – дело нехитрое; хитрое – делать и то, и другое одновременно. Положение «молодых специалистов» на рынке труда двояко: с одной стороны, при прочих равных условиях работодатель предпочтет заполнить вакансию молодым сотрудником; с другой – в мелких и средних предприятиях и торговых фирмах некуда расти. Работодатель не заинтересован в лишних тратах на повышение квалификации молодежи. Нередки случаи, когда в нарушение закона он отказывается предоставлять сотрудникам время для получения дополнительного образования, справедливо опасаясь, что, обзаведясь дипломом и набрав лишних баллов в резюме, они уйдут.

Первый «записной» кандидат на эту роль – амбициозная молодежь из небогатых и неблагополучных семей: с одной стороны, нужда заставляет их искать заработки и очень точно, не распываясь, делать ставки на профессию, стабильное место работы, лиц, могущих составить протекцию, с другой – они, как правило, склонны себя сильно недооценивать и преувеличивать степень «кастовости» окружающей среды. Им кажется, что принятие законов бюрократической и коммерческой «дедовщины», терпеливое «чего изволите?» и тихие радости а-ля «шинельный» Акакий Акакиевич – вечные спутники «низкого старта». А чувство собственного достоинства, личное мнение, свободы... Все это будет. Потом. Когда позволят положение и кошелек. Сейчас же... Гляньте на них: батрача барменами и официантами, рыская с «сетевомаркетинговой» кошелкой дешевого парфюма, клея предвыборные листовки «какого-то м...ка», они всем видом выказывают «смирение». Потому что в «честную карьеру», в российскую меритократию⁶⁶ они не верят. И готовы идти в обход, прекрасно понимая, что и при обходе их шансы довольно призрачны (ни блата, ни денег на «позолотить ручку», ни даже шарма светского, чтобы величаво подать тапочки).

Если будет место, где спину позволительно держать прямо, где научат, как сопротивляться несправедливости, как заставлять Систему действовать по правилам открытой конкуренции, где вдохнут веру, ободрят, повысят самооценку, дадут квалифицированный совет... Опыт работы в гражданских организациях, выстроенных как «некоммерческие фирмы» (в смысле – столь же технологичные, профессиональные и т.д.) или «вертикали гражданской власти» (то есть – влиятельные, уважаемые), имеющих послужной список судебных и внесудебных побед над сильными мира сего даст «растиньяку из низов» те ресурсы, которых ему не хватает. Доброжелательный климат и взаимное уважение создадут атмосферу, в которой он – зажатый, закомплексованный, свикшийся с лакейской позой – может «раскрыться». Такие «растиньяки» умеют быть благодарными: мечтая вырваться «из болота», они не знают, как это делать и признательны тем, кто «подставит плечо» в самом начале. Испокон веков Д'Артаньянам нужны де Тревили, Мюратам – Наполеоны, Соросам – Карлы Попперы, Золушкам – феи. Они не были покровителями и благодетелями. Их дело – дать шанс и дорожный атлас.

Такой же шанс нужен другой группе со схожими качествами: тем молодым людям, что приехали в Город (мегаполис, областной центр) на учебу из провинции, «районного захолустья». Подобные перемещения для многих, даже вполне состоятельных по местным меркам, семей, довольно тяжелы. И все же – ужимаясь, экономя на мелочах, родители не скупятся на образовании отпрысков. Расчет – «сами не пожил, так хоть детям...». Дети же, учась на 1-3 курсе, попадают в веселое муравьиное гетто «вузобщегитие» без внятной программы интеграции в новое, кажущееся закрытым местное сообщество. Чаще всего им не угнаться за тем образом жизни, потребления, досуга, который ведут их городские сверстники, однокурсники, друзья. «Контрактная работа по гибкому графику» даст мелкие деньги, но отнимет время, чтобы их тратить (еще и учиться нужно). В итоге – замкнутый круг. Приход на (пусть временную, по проекту, не- или

⁶⁶ Меритократия – греч. «власть достойных»; общество, в котором принадлежность к элите достигается через личные заслуги, экстраординарные и социально признаваемые личные качества и др.

малооплачиваемую) работу в НПО реально решит часть их проблем: даст ощущение востребованности, позволит накопить знакомства, узнать «как тут все устроено», «зацепиться» за людей вне «институтского (университетского) мира». ⁶⁷ Трудно сказать почему, но особенно часто подобная потребность возникает у девушек. Вероятно, «гендерные стереотипы» среды в большей степени блокируют женский «карьероцентризм».

Другим, наиболее известным случаем такой блокады являются этнические стереотипы. Как и все прочие, они действуют как в дискриминирующей части общества, так и в самих дискриминируемых. Молодежь из семей беженцев и мигрантов повышено чувствительна к теме личного достоинства и фрустрирована перспективами своей профессиональной самореализации. Далеко не всех из них устраивает вариант замыкания внутри диаспоры. Есть и те, кто под влиянием нового окружения и образа жизни, проходя через тяжелый процесс поиска личной идентичности и непроизвольно вступают в конфликт с консервативными установками родителей, стремящимися сохранить привычный для покинутой родины жизненный уклад. Как закономерность можно отметить, что такая молодежь, приходя в гражданские организации, избегает прямого участия в проектах, адресованных диаспорам и этническим меньшинствам. Она не хочет спекулировать на своих отличиях. Но тема инаковости (какой угодно: субкультурной, интеллектуальной, политической и др.) и ее правовой защиты так или иначе остается для нее ключевой.

Отдельная категория – студенческая и постстуденческая молодежь из семей со средним и выше среднего достатком. Период раздумий о желаемом месте работы у них может длиться дольше, нежели это предусмотрено стандартным жизненным циклом (после 22-23-х – в гандикап по местам службы, зарабатывания и др.). Они как бы «зависают» на перекрестках профессиональных карьер (в аспирантуре, на изначально «не своем» деле, дома и т.д.). Им нужна «пауза», но родители, общественное мнение, их собственное Alter Ego гонят «определиться». В этих случаях нужна инстанция-parking⁶⁸, то есть – социально одобряемая (близкими родственниками – в том числе) занятость, которая помогает разобраться в себе и дает более широкую точку обзора на будущее. В настоящее время, как это ни печально, эту роль исполняют второе высшее образование (в том числе – за рубежом) и аспирантура. Они дают временный социальный статус и досуг, но чаще всего не двигают человека с «мертвой точки». Чтобы найти себя, нужно путешествовать, делать то, что раньше никогда не делал, выходить за круг привычного общения. Мир же учебы и работы организован так, что в нем мало возможностей для зигзагообразных, «поисковых» траекторий. Они ведут человека по заранее расставленным, предсказуемым вешкам. Напротив, третий сектор идеален для «проб» и более чувствителен к

⁶⁷ «Молодежь, относящая себя к «продвинутым, включенным, активным», в качестве достойных образцов «успеха» и целей, к которым следует стремиться, называет такую «тройку»: деньги — качественное образование — власть/статус. В то время как для сельской молодежи самое важное — уехать из села, соответственно их «тройка»: город — рабочее место — деньги» - Молодежь для политиков vs молодежь для себя? – Омельченко Е. Размышления о ценностях и фобиях российской молодежи // <http://www.polit.ru/research/2006/06/15/youth.html>

⁶⁸ В Европе бытует не далекая от правды шутка: бакалавриат, магистрат, докторантура – «места парковки для тех, кто хочет пролонгировать детство». В развитых странах период социализации молодежи длится дольше, чем в России; средний возраст вступления во взрослую жизнь – 25-27 лет, средний возраст вступающих в брак – 29-31.

персональной мотивации активистов. В нем сложно четко провести грань между ориентацией на клиента (социальный сервис) и нацеленностью на самораскрытие творческого потенциала сотрудников и добровольцев. Более того, среди команд, образующих гражданское общество, есть сообщества, имеющие прототипом разнообразные институциональные практики: есть транснациональные корпорации, некоммерческие фирмы, бюрократические конторы, «рыцарские ордена», спортивные клубы, религиозные общины и монастыри, армии и др. Есть, где примерить на себя тысячи функциональных ролей, максимально приближенных к тем, что существуют за пределами сектора. Для «растиньяка» в первую очередь интересны именно эти «симбиотические» формы гражданской активности – те самые, что носителями классической правозащитной парадигмы рассматриваются как порочные отклонения, бросающие тень на их репутацию. Их соседство терпят как неизбежное зло, но при каждом удобном случае подчеркивают «замещающий характер деятельности» и вторичность. Сильной натяжкой следует считать утверждение Елены Стецко, что в количественном и качественном росте неправительственных ассоциаций не стоит «искать проявлений особого альтруизма активистов гражданского общества или стремлений создать новую, негосударственную систему общественного управления. (Хотя подобные взгляды и имели место на заре создания неправительственных организаций и в умах идеалистов). В настоящее время НПО, особенно международные, стоит рассматривать как некий симбиоз - современного бизнеса и государственной или межгосударственной идеологической организации с присущей ей бюрократией, а иногда и с функциями разведки».⁶⁹ Практика показывает: век жизни «симбиотических» структур крайне недолог и погоды они не делают. Смертно все, за чем нет идеи, убеждения, страсти.

Третий «зверь семейства растиньяковых» - молодой честолюбец. Не слишком выделяясь в учебе, не слишком любя работу, приносящую деньги, он меланхолично движется к разлитию желчи и прободению язвы. Дать ему пространство, где он значим, где, пусть внутри «игрушечной» иерархии, у него пост... В том случае, если его личные карьерные интересы и приоритеты развития организации совпадут, следует ожидать гиперактивного вклада. Причем это касается как растиньяков-эмбрионов (студенты, стажеры), так и более взрослых экземпляров. Популярная в 90-е годы модель синхронной и параллельной карьеры в бизнесе и партийной политике по мере приближения лакмусовых 2007-2008 теряет свою привлекательность из-за чрезмерно высоких рисков в случае ошибки. Страховать бизнес через членство в той или иной влиятельной политической корпорации стало слишком опасно. Да и корпорация сейчас, как ее ни называй, только одна. Потому уже в предыдущем электоральном цикле многие кандидаты предпочли заблаговременно позиционировать себя в общественном мнении в качестве лидеров или представителей тех или иных неполитических объединений, занимающихся заведомо благим, общественно одобряемым видом активности. Для лишенных административного ресурса - это единственный способ добиться известности и признания, окружить своей бизнес щитом заочных симпатий, нарастить нематериальные активы, получить неформальный доступ к властям. Далекое не все правозащитные организации в черном списке «врагов народа». Есть и такие, чья миссия и методы работы частично или полностью совпадают с ведомственными или

⁶⁹ Стецко Е. Неправительственные организации: новая модель межгосударственного сотрудничества // http://www.megaregion.narod.ru/articles_text_5.html

персональными интересами отдельных чиновников. Защита прав ребенка и военнослужащих (особенно – солдат-новобранцев, ветеранов военных действий), противодействие дискриминации женщин и бездомных, защита прав потребителей и отдельных групп социально-трудовых прав вполне подходящи для «раскрутки» молодого растиньяка именно в силу общего одобрения или нейтралитета. Карьера через скандал (гражданские действия, идущие вразрез с общественным мнением и политическим курсом властей) может заинтересовать честолюбивых артистов (музыканты, актеры, художники, писатели), но в этом случае маловероятно, что правозащитные НПО, отважившиеся «выйти на линию перекрестного огня», заходят принять PR-спекулянтов.

Назову еще одну группу «растиньяков» (на сём – баста). Она легче всего входит в контакт и адаптируется. Имею в виду юристов, менеджеров, маркетологов, социологов, журналистов, гуманитариев, ставших жертвами массового перепроизводства. Все 1990-е и начало 2000-х система образования без устали штамповала специалистов престижных профессий. По-стахановски. То есть – много и небрежно. Так «много», что ни рынку, ни крапивой разросшемуся госаппарату не переварить.⁷⁰ И так небрежно, что, как шутят в МПД, ни одному патентованному менеджеру нельзя поручить организовать кофе-брейк, без пяти минут экономиста без толку просить расписать проектную смету, а будущие «золотые перья» делают первый пресс-релиз таким комом, что ясно – второму не бывать. У всей этой «непораженческой элиты» жуткий гонор. Те, что поумнее, быстро соображают, что диплома и разгонных мощностей папы с мамой для найма на прилично оплачиваемое место может и не хватить. Поэтому, начиная с первых курсов университета, эта публика начинает искать стаж. Те же студенты-юристы, чьи родители не из «корпорации» адвокатов, судей, нотариусов, прокуроров рано приходят к выводу, что начинать «на побегушках» - верный способ на них и застрять. У правозащиты же масса резонансных дел. Можно набить руку и сделать имя. Для «растиньяков», не ищущих легких путей и по-настоящему заинтересованных в разнообразии опыта и умений добиваться своего при дефиците ресурсов, «третий сектор» - тренажер № 1 (см. опыт екатеринбургского «Сутяжника»). Не так уж редки случаи, когда та или иная изначально коммерческая идея, запускается вначале под видом «нонпрофитного проекта», чтобы протестировать спрос и реакцию рынка. К примеру, конкуренция развлекательных заведений в больших городах предъявляет особые требования к способности образовывать клубные комьюнити (постоянные клиенты), изобретать оригинальные концепции интерьера, сценических выступлений, меню и др.

⁷⁰ Резкое увеличение числа вузов и их «пропускной способности» - одна из наиболее очевидных предпосылок «брожения умов» молодежи. В середине XIX века это стало причиной разрастания класса разночинцев, чьи высокие амбиции приходили в состояние конфликта с существующим «общественным базисом» и приводили умников «мантис без дворянства» в лагерь революционно-демократической интеллигенции, подпольных кружков и организаций. А.И. Герцен так описывал эту среду: «Среда пестрая, хаотическая, среда брожения и личного выработывания, среда алчущая и неудовлетворенная, она состоит из всего на свете – из разночинцев и поповских детей, из дворян-пролетариев, из приходских и сельских священников, из кадетов, студентов, учителей, художников; в нее рвутся пехотные офицеры и иной кантонист, писаря, молодые купцы, приказчики... в ней образцы и осколки всего плавающего в России над народным раствором. Вступая при новом брожении в иные химические соединения, они всплывают из народа и распускаются в нем» (Герцен А. И. Собр. соч. М., 1959. Т. XVIII. С. 244). Студенческие волнения 1968 года также многими социологами объяснялись расширением состава и уровня благосостояния среднего класса, давшего своим детям высшее образование, но оказавшегося неспособным протолкнуть их на «ступеньку выше».

Множество самокупаемых и приносящих прибыль клубов, книжных магазинов, издательств, СМИ, образовательных центров выросли из «тусовок», в которых образовалось ядро энтузиастов, готовых «тусовать» профессионально.

Остановимся. Ясно, что ничего неслыханно нового я не сказал. Любой клерк с биржи занятости или из кадрового агентства разрисует «что и как» во всех интимных подробностях. Не говоря уже о некоммерческих объединениях, стабильно работающих «молодежно», «с молодежью», «на молодежь», «по поводу молодежи».

«Демон кроется в мелочах» и эта мелочь в другом: современные молодые «растиньяки» в массе своей в упор не видят правозащитные НПО ни как место работы, ни как центр стажировки и повышения квалификации, ни как социальный институт с собственной карьерной лестницей.

Причин тому несколько. Об одной из них писал Игорь Аверкиев: «Куда расти «молодым, способным, амбициозным» в некоммерческом секторе? Гражданская карьера отсутствует как явление, она бессмысленна в среде новой российской общественности. Российское гражданское общество минимально иерархично, чтобы обеспечить естественное в других секторах вертикальное перемещение достойных. Очень мало общероссийских организаций, имеющих реальную сеть региональных и местных отделений, чтобы опять-таки обеспечить традиционное стимулирующее продвижение из провинции в центр. А если это продвижение и возможно, то чрезвычайно затратно».⁷¹ Почетные премии, сертификаты по прохождению «уик-энд-двухдневных» семинаров и прочие символические жесты, свидетельствующие о признании роста, имитирующие вертикальную мобильность, тут ничего не решают. За виртуальными «лычками» должна быть какая-то реальность, переходы из точка А в точку В, находящуюся выше. Маловероятно, что это проблема будет решена правозащитным сообществом на системном уровне. Даже внутри одной организации переходы ограничены комплексом бытовых, финансовых, административных причин. Не говоря уже об образовании «рынка профессионалов». Его развитию препятствуют как проблемы стабильного фандрайзинга, так и чисто психологические аспекты: бессознательное отторжение моделей активизма, построенного на безличных (абстрактных) отношениях, абсолютизация стиля и методов работы «родного НПО» (оргпатриотизм) в противовес «соседям по сектору», «региональный сепаратизм» (естественная сердечная вовлеченность в тяжбы локального сообщества). По сути, единственными более менее внятыми критериями успешной правозащитной карьеры является не зарплата, не «масштаб действия», не статусная позиция в какой-либо известной, профессионализированной организации, а неформальный авторитет внутри сообщества (измеряемый в количестве приглашений на «знаковые» события – конференции, круглые столы, семинары), экспертная репутация («материализуемая» через участие в заседаниях правительственных комиссий, крупных международных организаций и др.), рейтинг цитируемости (или упоминаемости) в СМИ и

⁷¹ Аверкиев И. Российская общественность: тихий кризис идентичности // <http://www.prpc.ru/averkiev/040326.shtml>

приглашений на «внешние мероприятия» (партийные съезды, экспертные брейн-шторминги и др.).

Другая причина, о которой уже шла речь, «узость маневра» при выборе материальных стимулов. Только сейчас я имею в виду не «шагреновость» крупных донорских инвестиций, а проблемы с «экономикой третьего сектора» (системы социального заказа и конкурсов социальных проектов муниципального и регионального уровня, местного спонсоринга, сбора пожертвований частных лиц, «альтернативной экономики» по типу экосолидарной торговли, продажи футболок с логотипами типа «Kein Sex mit Nazis!»⁷² и билетов на непрофитные концерты, танцевальные вечера, обеды и проч.). Не только в развитых странах сотрудники НПО зарабатывают себе и на жизнь, и на исполнение миссии.⁷³ Увы, в России это практически никому еще не удавалось. Если бы вместо прав человека мы занимались футбольными чемпионатами между любительскими командами, агрикультурой или экстремальным туризмом... Налоговое бремя на НПО и регламентирующие деятельность законы таковы, что ходить с протянутой рукой по спонсорам и писать заявки в фонды по-прежнему дешевле, чем зарабатывать самим. Отдельная тема - то, что «экономика третьего сектора» построена на натуральном обмене. Деньги как универсальный посредник в процессах эквивалентного и добровольного обмена, занимают довольно скромную роль. Волонтеры работают за престижную самоидентификацию, признание, чувство востребованности, дружеской близости и др. Это хорошо с точки зрения удержания миссионерского духа и плохо с точки зрения профессионализации.

Третья причина – проблематичность конвертации социального и символического капитала, заработанного за годы работы в НПО. Проще говоря, это проблема соответствия «третьесекторных» заслуг, компетенций, опыта - «шкалам ценностей», квалификаций и иерархий других секторов и профессий. Честно, потом и морщинами на лбу накопленные «трофеи» - строчки в curriculum vitae о реализованных проектах, испытанных функциональных обязанностях, пройденных семинарах, тренингах, летних школах и т.п. практически никак не влияют при приеме молодого специалиста на работу в органы государственной власти и местного самоуправления, на коммерческие предприятия, в профсоюзы, СМИ.⁷⁴ Быть независимым и социально активным не только невыгодно, но и – чаще всего – опасно (при карьерном старте – опасно вдвойне). Это странно: ведь чем разнообразнее, насыщеннее биографический опыт, тем лучше человек подготовлен к жизни в конкурентной и быстро меняющейся среде, тем сильнее в нем развиты предпринимательские и лидерские качества, тем вероятнее, что в нем развит нетривиальный, новаторский взгляд на вещи. Для компаний, рвущихся расширить свою «рыночную долю», такие «битые» и

⁷² Нем. «Никакого секса с нацистами!».

⁷³ «Только небольшая часть НПО располагает управленческими навыками для выхода на рынок. Многие НПО опасаются, что оказание услуг за денежное вознаграждение стирает разницу между ними и коммерческим бизнесом. Кроме того, налоговый режим во многих странах мешает НПО просить оплату их продукции и услуг из-за взимания таких же налогов как и с коммерческих предприятий» - вывод из доклада USAID «Индекс Устойчивости НПО для Центральной и Восточной Европы и Евразии 2002» // 2002 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia

⁷⁴ Признак развитого общества – возможность конвертации того или иного вида капитала. Пожалуй, в России универсальной валютой является только обладание властью, которая при желании легко переводится в связи, престижное образование, славу, финансовый капитал и т.д.

«наломавшие дров» «головастики» лакомы как тирамису в «Шоколаднице». Если б еще и доля на рынке определялась через конкуренцию, а не через «стрелки», забитые в кабинетах с портретом «гаранта»...

Четвертое обстоятельство, тормозящее приток карьеристов, – слабая информированность общества об «историях успеха» правозащитных организаций. Увеличение их числа, профессионализация сотрудников, расширение географии деятельности позволяет предоставлять услуги большему количеству лиц, привлекать внимание к проблемам, до которых раньше «не доходили руки», регистрировать и брать под гражданский контроль нарушения прав человека, совершаемые в «серых зонах» социального пространства (закрытые учреждения, театр военных действий и др.). Возвратным эффектом экспоненциального роста публикаций, подготовленных на материале правозащитных мониторинговых служб, парадоксальным образом оказывается убежденность граждан, что ситуация все хуже и хуже, что «нет просвета среди туч» и, следовательно, «дёргаться – себе дороже». Учитывая же традицию подачи правозащитных новостей (мобилизующая риторика, призывающая к действию, состраданию, возмущению), не стоит удивляться, что гедонистская и карьерная часть поколения инстинктивно сторонится «неудачников» и предпочитает «телефонное право» всем прочим. Получается, что правозащитники побеждают в тысячах конкретных дел, но на глаза общественности попадают лишь макропоражения вроде унижительного закона об НПО. Чем более успешна организация, тем сильнее рост заинтересованности контрагентов в ее дискредитации. Существующие методы презентации успешных case-story (брошюры, методички, CD и т.д.), как правило, адресованы донорам и коллегам. Проблема «отчета перед обществом» ставится редко, ввиду отсутствия массового запроса и размытости критериев успешности в случае защиты прав человека (правозащитные НПО чаще всего не решают проблему, а привлекают к ней внимание и требуют действий от госслужб, в чьей компетенции находится нарушение; общество подобные ситуации и роль правозащитников в ней интерпретирует как неконструктивную критику, борьбу ради борьбы, сутяжничество).

И, наконец, последняя, на мой взгляд, основная причина – многие правозащитные организации попросту сами себя не рассматривают и не позиционируют вовне как место работы, стажировки, карьеры etc. Как следствие, не могут (а некоторые – исхитряясь быть «фоборыночными либералами», принципиально не хотят) активировать те опции и ресурсы, которыми в действительности обладают. Самые элементарные из них перечисляются из издания в издание по добровольчеству и менеджменту НКО.⁷⁵ Полный реестр «товарного ассортимента» даже скромной организации займет не одну страницу (гибкий график, получение практического опыта работы, эксклюзивные образовательные программы, контакты с сверстниками из-за границы и других регионов, трансвозрастное и транспрофессиональное общение», присутствие при статусных

⁷⁵ Привлекательные ресурсы Южного регионального ресурсного центра: квалифицированные кадры, хорошая офисная техника и доступ в Интернет, богатая библиотека и архив, связи в регионе, признание в сообществе, интересная работа и др. – см. сб. Добровольческие инициативы в НКО, Краснодар, ЮРРЦ, 2003, С. 5.

мероприятиях, «попадание в телекамеры», визитная карточка с ФИО и должностью в организации...⁷⁶).

Богаче «растиньяк» с нами не станет. Но уже не будет НИКЕМ.

VIII. РЫЦАРИ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ

А «бумеры»? Они нужны? С их культом маскулинности, заряженностью на конфликт, стихийным нигилизмом, склонностью рвать социальную ткань, вместо терпеливого вышивания реформистскими крестиками... С их бескомпромиссностью, требованием чудесных метаморфоз «по щучьему велению», гиперчувствительностью к унижению, парадоксально сочетающейся с готовностью унижать и навязывать свою волю. Описание пугающих свойств этой природы можно продолжать бесконечно, но ответ все равно напрашивается один: нужны.

Идеология защиты прав человека и продвижения общественных интересов в случае экстраординарных ситуаций, требующих немедленного реагирования и связанных с риском для жизни подзащитных, допускает использование ненасильственных «бумерских» тактик. В их числе – акции прямого действия (привлечение внимания к острой проблеме радикальными средствами, моральное давление на лиц, принимающих решение, защита закона или достоинства человека даже при опасности физических репрессий со стороны власти), символические захваты (оккупации), гражданское неповиновение, саботаж, бойкот, факсовые атаки, голодовки и др. Не случайно массовое сознание россиян размещает образ правозащитника в том же семантическом гнезде, что и архетипы юридивого, мятежника, революционера, народника, авангардного художника (среди тех, кто явочным порядком берет право на свободу, делает сам факт своего существования укором малодушной среде или «пощечиной общественному вкусу»). Даже сейчас, спустя годы после диссидентской фазы в развитии правозащитных организаций, многие воспринимают правозащиту как разновидность политического протеста, «перманентной революции», сопротивления авторитарным замашкам властей и тяготеющим к архаике массам. Но подобная оценка уходит в прошлое. Она еще теплится в людях старших поколений, помнящих о фронде времен «оттепели» и «застоя», подавлении инакомыслия через «психушки», следственные изоляторы, тюрьмы и лагеря.

Молодежь же застала другую правозащиту: частично институционализированную, уважаемую, поддержанную международным сообществом, действующую в репутационном шлейфе

⁷⁶ С улыбкой вспоминаю, как мы решали проблему борьбы честолюбий во владимирской МПГ «Система Координат»: практически каждый активист, трудом доказавший свою заинтересованность в общем деле, получал какой-то официальный титул (председатель, менеджер проекта, координатор программы, PR-директор и т.д.). Все были «начальниками». Но - только внутри очерченной зоны ответственности. Работа выглядела как постоянная смена функциональных ролей. Победила «мексиканская модель»: все поочередно командовали и «мыли полы для революции» (выражение из рассказа Джека Лондона «Мексиканец» - http://www.serann.ru/t/t43_0.html).

либеральных партий, принимаемую в Кремле и пускаемую в «телевизор». Если есть желание посмотреть на обобщенный портрет правозащитника глазами тех, кому сейчас от 16-ти и старше, поставьте в видеомагнитофон «поколенческий»⁷⁷ фильм «Пыль» (режиссер - Сергей Лобан, 2005). Его главный герой – недотепа, попавший «на наковальню» психотронного эксперимента в подвалах спецслужб - приходит в офис московского «Мемориала». Шустрый парень в галстуке и пиджаке радостно трет ладоши, шлепает пресс-релиз по горячим следам и предлагает использовать статус пострадавшего для немедленной эмиграции в «район Бенилюкса». Приличного «бумера» от такой «революционности» сначала стошнит. Потом он вытрет ноги.

Ну и черт с ним? Пусть идет к «оранжистам», ультраправым, к Лимонову, к «левакам»? Пусть, конечно. Правозащитный проект – не дело «экспроприации экспроприированного», «войны цивилизаций», «дворцового переворота» или «национально-освободительной борьбы».⁷⁸ Правозащита – это гуманитарная, морально-правовая миссия. Она – плоть от плоти (дух от духа) культуры и философии эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения с их ценностями человеческой жизни, гетерогенности, толерантности, непрерывно обновляемого общественного договора. «Бумер» же в самых крайних своих проявлениях – расхристаный пассионарий, с полпинка заводящийся на «слабо»; деклассированный люмпен, глухой к абстракциям разума, но падкий на абстракции воображения; конкретный как пень, «мустангообразный» «рыцарь», примитивный в своем «черно-белом» видении (сверхидея, друг/враг, хорошо/плохо) сложного мира. Будь он хоть крестоносец (т.е. - правый или левый), правозащитный путь к «земле обетованной» в корне иной - через «эволюцию нравов», «тактику малых дел», «роли псов демократии, облаивающих власть, которая то и дело лезет к гражданам через забор Конституции и рвы международного права». Табу на насилие, ответственное отношение к слову (без «нервно-провокативных», истерических тонов⁷⁹), избегание неоправданных рисков, сопряженных с получением или невольным нанесением физических, психических, репутационных травм должны надежно отсекают от гражданского общества радикалов, экстремистов, шпану. Какими бы красивыми лозунгами они ни прикрывались.

⁷⁷ «Поколение» как адресат фильма выкликается, в том числе, и прямолинейными аллюзиями на фильм «Асса» (культурный, эмблематический фильм для поколения Перестройки). Финал обоих фильмов – саундтрек песни «Перемен!» Виктора Цоя и группы «Кино». В «Пыли» он сопровождается утрированно экспрессивным сурдопереводом и мощным эмоциональным воздействием на зрителя.

⁷⁸ «...так ли мало - требование соблюдать писанный закон, провозглашенные и признанные права, процессуальные нормы и гарантии?! Это тот минимум, тот юридический фундамент, опираясь на который только и можно возвести надежное строение. Да, правозащитники не были революционерами, не пытались сокрушить существующий строй, не конспировали и не лукавили, но их правовое просветительство и нравственная позиция постепенно меняли интеллектуальную атмосферу и сознание общества» - Терновский Л. Идейное наследие правозащитного движения // <http://lib.rin.ru/doc/i/9525p.html>

⁷⁹ «Правозащитник действует не на основе чувства (гнева, мести или обиды), а на основе конкретных правовых знаний. Квалифицированного правозащитника отличает выдержка, спокойная, доброжелательная манера общения. Даже когда он выступает с критикой, он стремится быть сдержанным и корректным. Если вы встретите человека, называющего себя правозащитником, но при этом гневливого, агрессивного – советуем держаться от такого деятеля подальше» - Вахнина Л.В. Правозащита // цит. с сайта Молодежного центра прав человека: <http://www.ycentre.org>

Впрочем... Разные есть правозащитные организации. Да и «бумер» - вовсе не обязательно милитарист, «авторитарная личность», боевик из «Красных бригад» или анархистского «Черного блока», последователь литературного самурая Юкио Мишимы, белокурый Übermensch,⁸⁰ прущийся от хард-рока групп «Коловрат» или «Коррозия металла». Таких по всей стране – пара-тройка тысяч. Остальные – отчаявшаяся, раздраженная, давящаяся агрессивней молодежь, которая зачастую самой себе не в состоянии объяснить «где болит» и «чем лечиться». Она ненавидит свое бессилие. Ей нужен «экшн» (action), чтобы убедиться в том, что она жива, чтобы выказать презрение к окружающим ее натюрмортам (natura morta – мертвая природа), чтобы... Да какого рожна растолковывать, если внутри все кипит, а снаружи все подморожено? Перепад температур – чем не причина?

Какой, скажите на милость, рациональный смысл у акций типа «Мутин – пудак!», проведенной 6 июня 2005-го активистами Движения сопротивления имени Петра Алексеева в Санкт-Петербурге?⁸¹ Что за этим стоит, кроме «молотовской» смеси стеба, риска и безрассудства? Что за кайф смотреть на потрясающую резиновыми дубинками и щитами милицейскую фалангу сквозь прорези пассамонтаны или прятать лицо за тканью легких палестинских кефью?⁸² Чем оправдан выход на несанкционированное шествие с заранее известным финалом: руки за спину, лицом к асфальту, набитый активистами автобус с мигалкой, скорый суд с вынесением административных предупреждений «под копирку»? Сколь бы ни был несправедлив, уродлив, подл или жесток социальный порядок, стоит ли сопротивление ему тех жертв, которые давным-давно перестали быть малыми? Вправе ли правозащитники использовать риторику «гражданской мобилизации в рамках закона»,⁸³ зная, что напуганная оранжевой революцией и консолидированная страхом правящая элита сделала ставку на силовое подавление любой «несогласованной» инициативы? Как должна измениться стратегия правозащитных организаций под влиянием опасностей, исходящих от ее неинституциональных контрагентов (неонацистские группировки, футбольные ультрас, радикальные политические движения, мафия и др.)? Как реагировать на провокации ГОНГО, созданных как форма симметричного ответа на коллективные действия независимых гражданских организаций и являющихся, в

⁸⁰ Übermensch – нем. «сверхчеловек»

⁸¹ На знаменитом Доме с башнями (площадь Толстого в СПб) был вывешен и провисел около двух часов большой транспарант с надписью «Мутин – пудак!» (<http://dsps.spb.ru/actions/pudak.html>).

⁸² Пассамонтана – альпинистская шапочка с прорезями для глаз и рта, полностью закрывающая голову от ветра; кефью – палестинский клетчатый платок из легкой ткани.

⁸³ Марек Новицкий в знаменитой лекции «Власть и единица» последней, четвертой гражданской обязанностью называл: «Свергнуть власть, которая нарушает права человека. Если путем демократических выборов или каким-то другим путем к власти пришли люди, которые нарушали права граждан, которые действовали в свою пользу, а не служили людям, то нужно свергнуть такую власть. Это тоже обязанность гражданина. И интересно то, что в первом варианте французской конституции появляется эта обязанность гражданина свергнуть власть, которая начнет служить самой себе, а не гражданам. Потом, со временем, это исчезает, и сейчас во французской конституции этого уже нет» // ж-л «Карта», № 17/18.

зависимости от ситуации, то «самозванной полицией без оружия», то чем-то вроде оперной клаки⁸⁴?

С каждым годом правозащитникам становится все сложнее обеспечивать безопасность своих активистов. Если раньше под «безопасностью» подразумевалось только юридическое сопровождение публичных акций, инструктирующих манифестантов на случай незаконных действий сотрудников милиции, разъясняющих права задержанных и всякого рода процессуальные моменты (при задержании, превышении полномочий и др.), то сейчас – речь все чаще заходит о физической безопасности (причем как во время акции, так и за ее пределами) и противостоянии психологическому давлению с угрозой применения насилия (обычная практика неонацистов – групповое «дежурство» на судебных процессах по делам о разжигании межнациональной розни, запугивание свидетелей и стороны обвинения и др.). Никто не в состоянии дать надежные гарантии защиты чести, достоинства и здоровья ни потерпевшим, ни тем, кто за них вступился, кто их поддерживает. Как следствие – появление «радикальной правозащиты». Она сохраняет свою приверженность ненасильственным методам гражданского сопротивления. Ее «радикализм» – в готовности принять на себя потенциальные риски участия в том или ином «сюжете», связанном с защитой прав человека или общественных интересов. Число таких «сюжетов», к сожалению, увеличивается. Это уже не только работа в «зонах чрезвычайного положения» (Чечня; гибель журналистов-стрингеров, заказное убийство Анны Политковской и др.), но и действия по противостоянию ксенофобии (убийство ученого и эксперта Николая Гиренко, музыканта и антифашиста Тимура Качаравы, активиста африканской ассоциации студентов Ланпсара Самба и др.), по расследованию эпизодов пыток в милиции и защите социальных прав (убийство воркутинской правозащитницы Людмилы Жаровня, помогавшей жителям отсудить деньги по незаконным тарифам на ЖКХ)...

Надо иметь примесь «бумерского» безумия, чтобы подавить в себе естественный инстинкт самосохранения и держать правозащитную линию в конфликтах высокого напряжения. Не каждому по плечу такой удел. К нему нельзя подтолкнуть или принудить. Его невозможно отменить чьим-либо авторитетом. За ним всегда стоит личный выбор. Единственное требование, которому в данном случае должны следовать правозащитные организации – давать полную картину происходящего, предупреждать о рисках. Но это – если речь идет о взрослых, опытных и рефлексирующих активистах. Что делать, когда в «бумерский переплет» ввязывается молодежь, ведомая благородными эмоциями, пренебрегающая элементарными правилами безопасности или сознательно эти правила игнорирующая (т.е. – фактически жертвующая собой)? Одно дело – если это правозащитная молодежь (активисты молодежных правозащитных НПО); неформальные механизмы

⁸⁴ В 2005-2006 годах наиболее резонансные акции оппозиционных политических и гражданских организаций сопровождаются «тенью» - активисты прокремлевских молодежных движений, чередуясь, входят во внутреннее акционистское пространство, превращая факт своего присутствия в демонстрацию силы. Органы правопорядка в данном случае не регистрируют правонарушения и в лучшем случае служат барьером между манифестантами. «Клака» (фр. *claque*) - нанятая публика, которая в зависимости от воли заказчика освистывает спектакль, забрасывает артистов помидорами или, наоборот, создает дутые репутации (оказаниями и т.д.). См. блокада конференции «Другой России» активистами «Молодой гвардии» и «Нашими» 11 июля 2006.

самоорганизации правозащитного сообщества все-таки способны рационализировать (но не погасить) экспрессивные реакции на унижение и несправедливость. А если это парадигмально другие «бумеры» (субполитические радикальные группы – антифашисты, экологи, анархисты, художники, работающие на стыке искусства и политического активизма и др.) или правозащитники, регулярно и принципиально переходящие зыбкие для России границы между «гражданской политикой» (policy) и «политикой как борьбой за власть» (politics)?⁸⁵

«И что? - скажут правозащитные классики, - радикальная публика и на наших акциях – частый гость. Звать же их в организации, приглашать на конференции и Гражданский конгресс... Они себя вести не умеют. За соседство с подобными типами подмастерья из ФЭПа (Фонда Эффективного Павловского) разрисуют нас как бог черепашку. И потом – разве позволительно появляться на людях рядом с нацболами, АКМовцами, автономами, троцкистами, антиглобалистами и прочими буйноголовыми, если они в принципе отвергают приоритет личности над всякого рода надындивидуальными сущностями, прав человека - над коллективными правами, разума - над стихией толпы? Делать что-то с «Я думаю», «Обороной», «Объединенным Гражданским Фронтом», «Мы», «Да» - еще куда ни шло: все-таки либерально мыслящие, свои. Эти же – морфологически другие, в их идеальной модели мира нет места ни для прав человека, ни для правозащитных организаций.⁸⁶

На мой взгляд, тут повторяется та же ситуация, что и с «растиньяками»: мы рассуждаем, пускать их или не пускать, давать членский статус или вывести за штат, в то время как они втихую уходят или попросту не появляются. Чисто правозащитные акции, митинги, шествия и другие публичные действия в большинстве городов хронически малоллюдны. Сделать что-либо массовое получается только тогда, когда к мероприятию подключены иные, неправозащитные организации. Последние признают экспертные, административные, переговорные преимущества правозащитных НПО, с радостью используют эти качества и, гурьбой являясь на экшн, визуально (флаги, баннеры и проч.) и фоново (числом, голосом) наглухо перекрывают формальных зачинщиков. Другая, абсолютно обыкновенная история: активисты из левацких, анархистских, антиглобалистских, радикально экологических, неортодоксально религиозных, контркультурных движений время от времени попадают на правозащитные семинары, тренинги, открытые лекции. Им дают

⁸⁵ Дискуссия по поводу границ между этими сферами идет в формате Всероссийского Гражданского Конгресса, участниками которого, наряду с НПО, профсоюзами, медийным сообществом, являются оппозиционные политические партии; в правозащитной среде дискуссия возобновилась после полемики секретаря Общественного Совета Международной Сети «Молодежное Правозащитное Движение» Андрея Юрова, сопредседателя Всероссийского гражданского конгресса и президента ИНДЕМа Георгия Сагарова и председателя Межрегионального объединения избирателей Андрея Бузина // см. <http://www.civitas.ru>

⁸⁶ Для сравнения: на ежегодном празднике умеренно левофланговой итальянской газеты «Liberazione» ничто не мешает итальянским фракциям «Amnesty International» или «Красного креста» делать стенд бок о бок с палаткой молодых сквогтеров из Action (оккупируют пустующие муниципальные здания, вселяя туда беженцев, мигрантов, бездомных, странствующих художников и др.). Во время пацифистских манифестаций правозащитники идут в одной колонне с «Lotta comunista» («Коммунистическая борьба»), «I disobbedienti» (студенческое Движение непослушных), Tute bianche (no-global-движение «Белые халаты»), «сапатистами» из Forte Prenestino, «активистами» с Candida-TV и др.

социальные технологии, базовые юридические знания (как провести акцию, как обеспечить безопасность акционистов и т.д.), методическую литературу. Все это внимательно выслушивается, «берется на вооружение». Затем человек уходит к «своим». «Всем привет, всем спасибо». Меняет ли человек при этом свои установки, становится ли чуть-чуть терпимее к своим оппонентам? Или заимствуются только «инструментальные» знания, а их моральная пропитка аккуратно сцеживается и сливается в чан «постороннее»? Бог весть.

Конечно же, смысл образовательных программ и проектов, проводимых правозащитными экспертами и тренерами, не сводится к волонтерингу и, тем более, к вербовке кадров. Также никогда не ставилась задача превращения каждого «потребителя услуг» в действующего правозащитника. Подавляющее большинство НПО вообще не имеет «формального членства» (с взносами, учетной карточкой, дисциплиной и т.д.) и держит границы организации предельно открытыми, отписываясь перед регистрационными органами цифрами, взятыми с потолка. Иерархия лидеров, сотрудников, волонтеров, как правило, тоже довольно подвижна и «всплывает» только для протокола. Еще пару лет назад, если б мы попросили «классических активистов» нарисовать оргструктуру НПО, то получили бы схему микрогруппы, чей фронт простирается в народные толщи на неопределенную глубину: ведь защищая права человека (всех поколений), профессионально занимаясь продвижением общественных интересов, содействуя развитию демократических институтов мы выражаем не только и не столько свои личные потребности, сколько волю «коллективного бессознательного», надежду на «человечью жизнь», робким пингвином прячущуюся в утесах посттоталитарного общества...

При этом ни для кого не секрет, насколько пресловутое общество далеко от запроса на подобные вещи, насколько основательно в людей вросла психология подданных, а не граждан. Не важно: на переговорах с властями, во время интервью или публичных выступлений, предложения правозащитников позиционировались так, словно за спиной «массы». Сами же правозащитники – их делегаты, представители, гонцы, грамотеи, за малую мзду или доброе слово сочиняющие челобитные письма. Власть, повязанная правилами приличия «развитых западных демократий», выборочно участвовала в этом спектакле. Теперь – когда в голову ударяют то нефть, то газ – решила «отказаться от дому» и создать «цепное гражданское общество». По всем каналам прогнали картинку: сколько «Наших» и сколько «Других». Прием элементарный: «спираль молчания».⁸⁷ И ведь действует: как в случаях с НТВ, с «ЮКОСом» и др. При полном безмолвии «народа» прошли не только масштабная кампания против «пятой колонны», но и весьма конкретные, «защитные» в реальную практику законодательных и исполнительных органов власти, решения. Причем, заметим, случилось это не в Советском Союзе, где «письма трудящихся» с просьбой «унять клеветников» Даниэля с Синявским, осудить «тунеядца Бродского» и прочих, можно было списать на монопольное действие пропаганды, патологическое правовое невежество и деформацию нравственного чувства. Это произошло в стране, где уже свыше 15 лет открыто действуют гражданские союзы, где услугами правозащитных организаций пользуются миллионы людей

⁸⁷ Тактика в PR, когда медийными средствами конструируется виртуальное большинство, к которому «стадным рефлексом» стягиваются «неопределившиеся»; как следствие, группы нелояльных, инакомыслящих, разрозненных меньшинств затыкают рот и уходят из публичного пространства.

ежегодно, где проведены тысячи выставок, опубликованы десятки тысяч статей, где даже депутатам и чиновникам удалось на пальцах показать, что такое гражданское общество, какие блага оно производит и какая от него выгода. Только почему-то никто не дернулся, чтобы вступить, выразить свой протест.⁸⁸ Вышло по Розанову (в «Апокалипсисе нашего времени»): «Русь слиняла в три дня».

Потребность в «людях риска и поступка» сейчас налицо. И она не имеет никакого отношения к «майдану», к необходимости выстраивать каре «боевиков демократии».⁸⁹ Профессионализация правозащитного сообщества привела к засилью экспертных, координирующих, «формальных» организаций. Практикуемые ими виды гражданской активности, как правило, связаны с «бумагой», «переговорами», «камерными публичными мероприятиями» (круглыми столами, конференциями и др.). Грустно смотреть, как на пикетах против войны в Чечне, против милицейского произвола и пыток, против дискриминации беженцев и мигрантов стоит горстка одержимых в летах. Горько видеть, как общероссийская подписная кампания с пламенными меморандумами и вескими обвинениями в адрес режима из года в год собирает одних и тех же людей. Эти и другие акции чрезвычайно важны для тех, кто в них участвует. Они не могут иначе. Но для пресловутого «общественного мнения» подобные действия – печальный знак 100-процентного аутсайдерства и маргинальности выражаемой позиции. А в случае разгона «органами правопорядка» - символ тщеты гражданских усилий и оправдание «страусино» образа жизни.

Над страной снова висит страх. Головы опять врастают в шею. Прохожие стараются быстрее обогнуть законно организованный митинг. Примеси «бумерской» отваги требует поездка подышать в «Другой России» (конференция оппозиции и гражданских организаций накануне саммита G8), выход на площадь к мэрии, раздача листовок на улице или приход на антифашистский концерт. Поступками становятся элементарно свободные действия и слова. Контркультурная, радикальная, едва ли не революционная аура возникает над всяким, кто решается публично оспорить сложившийся

⁸⁸ Возможно, я излишне сгущаю краски. Двухдневная интернет-акция против поправок к закону об НПО, проведенная «Правозащитной Сетью» и порталом www.hgo.org, дала свыше 5 тысяч подписей. Это много, учитывая цейтнот.

⁸⁹ Терминология «постмайданного» Ильи Яшина (Молодежное «Яблоко»), классифицировавшего политизированную молодежь по трем основным группам: 1. «Нашисты»: «Наши», опричники, футбольные ультрас; 2. «Красные бригады»: НБП, АКМ, МЛФ; 3. «Боевики демократии»: молодежное «Яблоко», СПС, «Оборона» - Яшин И. Время разбрасывать камни. Молодежные субкультуры: инвентаризация // www.russ.ru, 22.03.2005.

status quo и осмеливается - наивная душа! – жить по совести и закону.⁹⁰ Чем сильнее политический дрейф в сторону свертывания демократических свобод и попираания прав человека, тем политизированнее выглядят гражданские организации. Глагол «выглядят» здесь уместен, поскольку НПО – даже если очень захочется! – политикой как борьбой за власть в принципе не занимаются и заниматься не могут (по закону, по своему организационному устройству и уставной миссии).⁹¹ Их политизированность - не в смене позиции, а в ее упрямом, вопреки политической конъюнктуре, отстаивании. Права человека - слишком деликатное «блюдо»: сочетается со всем, но подается отдельно. И «рецепт» прописан так, что не пофантазируешь. Как нельзя быть чуть-чуть беременной, так и права человека – чуть-чуть не бывает. Это как различие между категорическим и гипотетическим императивом у Канта: первый выводит нормы и правила из принципа свободы («поступай так, чтобы максима твоей воли могла иметь статус всеобщего законодательства»), второй – из сиюминутных целей (что выгодно, что приближает к цели, то и морально; потом – хоть потоп).

Разовые или даже долгосрочные коалиции с радикальными неправозащитными структурами для вовлечения их в собственно правозащитную уличную активность - это ход, но не выход. «Ход» - потому что большинство перечисленных и не названных организаций в настоящий момент готовы принять любую помощь и сами настроены на создание оппозиционной солидарности без сноски на оттенки идеологий. Если посмотреть тексты, которые в последнее время без устали производят лидеры НБП и леворадикальных групп, то в них есть «правозащитные сюжеты и мотивы»⁹²: от признания значения избирательных прав и права на свободу ассоциаций до защиты прав политических заключенных, ученых,

⁹⁰ Александр Кабаков в статье «Идущие против» с ее основным тезисом о молодежи как реальной угрозе выделяет «три вида молодых врагов общества» (это цитата!!!) - идейные бунтари, нацистские штурмовики и уголовники. Правозащитников он зачислил в «идейных», что, безусловно, не может не радовать: «Идейных, в свою очередь, можно разделить на левых и правых революционеров. К ним примыкают многие молодые деятели так называемого актуального искусства, радикально настроенные (или, чаще, демонстрирующие наигранную радикальность ради привлекательного для молодой аудитории эпатажа) журналисты и писатели, наиболее бескомпромиссные правозащитники, вообще молодые интеллектуалы-гуманитарии. Штурмовиков (что то же самое — скинхедов) можно условно поделить на антикавказцев, антисемитов и расистов, ненавидящих и преследующих черно- и желтокожих - впрочем, как правило, каждый из них ненавидит всех «нерусских». Что касается молодых уголовников, то среди них выделяются футбольные фанаты и обычные хулиганы, «гопники», в основном жители пригородов, просто завидующие обитателям мегаполисов, их «богатой жизни» — однако и эти категории перемешиваются и сливаются» - Кабаков А. Идущие против // журнал «Нева», 2006, №8.

⁹¹ Юров А. Права человека и политика - мнимое сходство и базовые различия // <http://www.civitas.ru/openarticle.php?pop=&code=100>. Определения Андрея: «POLICY - это то, что мы называем «общественной политикой». Это, если говорить точнее, не политика, а стратегия целенаправленных действий. В этом ряду мы часто говорим о молодежной политике, социальной политике, правовой политике и т.п. В этом смысле Права Человека являются такой же общественной политикой. Как стратегическая последовательность действий и «политическая воля» в направлении качественного и своевременного исполнения обязательств государства по защите прав человека в отношении своих граждан. Естественно, правозащитники постоянно вовлечены в эту самую «общественную политику»; POLITICS - это то, что называют сферой борьбы за политическую власть на каком-либо уровне. И вот как раз в той политике, что обозначается словом «politics», правозащитники не участвуют».

⁹² Забавный казус: на обложке одного из самых объемных обзорных изданий правозащитного сообщества – книге «Правозащитное движение: коллективный портрет» (М. ОГИ, 2004) помещена фотография манифестирующих молодых людей, один из которых несет в руке свернутую газету «Лимонка» с хорошо просматриваемым логотипом.

обльжно посаженных по «шпионским делам», радикальных художников (история с выставкой «Осторожно, религия!» и др.) и т.д. Даже если права человека не признаются универсальной истиной, то нельзя не заметить, что они уже вошли в «дискурс левацкой молодежи» в статусе предмета дискуссии. Маленький, наугад выдернутый из контекста пример: еще весной-летом 2004 года в журнале движения «Автономное действие» - «Автоном» (№ 22), была напечатана статья Михаила Магида «Блеск и нищета прав человека», заканчивающаяся так: «анархистский принцип свободы заключен не в обожествлении либеральных прав человека, а в их преодолении».⁹³ Прошло время. На страницах издания состоялось нечто вроде полемики. Наряду с критикой «транснационального капитала, использующего NGO и концепт «гражданского общества» для поддержания эксплуатации и политического господства», встречались статьи Ольги Мирясовой⁹⁴ и Олега Киреева⁹⁵, где роль гражданских организаций оценивается более позитивно, признается их эмансипирующая и социально-критическая роль. У ряда региональных правозащитных организаций с анархистами, «новыми левыми», контркультурными группами есть неформальный, но достаточно плотный контакт.⁹⁶

Пример из «другой оперы»: панк-журнал SXE-DIY-ZINE «ИМХО», пропагандирующий идеи «стрейт эйджа» (straight edge).⁹⁷ Миссия журнала и движения – в самом названии: ИМХО – на компьютерном сленге – In My Honest Opinion (по моему искреннему мнению).⁹⁸ Родословная, согласно самоописанию: «если говорить о sXe, то, очевидно, его идеи получили непосредственное начало в трудах великих п*здолов XX века, замечательных персонажей вроде Ортеги-и-Гассета, Фромма, Маркузе, Барта и прочих. Эти люди настолько отравили своими идеями интеллектуальный воздух Европы того времени, что ни один интеллектуал не мог обойти эти проблемы стороной. Сартры, Камю, Миллеры, да что там, вообще все практически болели этими идеями. Идеи просты: современное общество бесконечного прогресса создало новый тип личности, «одномерного

⁹³ Журнал «Автоном», № 22, С. 17.

⁹⁴ «Гражданские инициативы сознательно не стремятся изменить общество, но, тем не менее, они способствуют социальным изменениям. Они активны, они действуют, и, поэтому, они - субъекты, социальные акторы. Гражданские инициативы создают «почву» для возникновения массовых общественных и политических движений в будущем. Они преодолевают атомизированность и отчуждение современного общества через установление неформальных социальных связей. Они формируют новые практики - активного и непосредственного участия населения в локальной политике» - Мирясова О. Гражданские инициативы в России: Самоуправление, самоопределение и роль в жизни общества // <http://avtonom.org>

⁹⁵ Олег Киреев, куратор www.getto.ru, публицист, автор «Поваренной книги медиа-активиста» (изд. «Ультра. Культура», М. 2006).

⁹⁶ Из самых известных - отношения Пермской гражданской палаты с анархо-экологами, контакты Молодежного Правозащитного Движения с антиглобалистскими и анархистскими группами, «Социалистическим сопротивлением», Институтом «Коллективное Действие», движением «Еда вместо бомб», сетью против МакДональдса, феминистскими организациями, ред-скинами и др.

⁹⁷ «Straight edge» – с англ. «прямая линия», «четкая грань»; панк-философия, абсолютизирующая идею самоконтроля и личного социального действия, выступающая против употребления наркотиков и алкоголя, против беспорядочных половых связей («don't drink, don't smoke, no drills, don't fuck»), отрицающая манипулятивную поп-культуру и индустрию управления общественным мнением (полит-технологии, реклама и др.).

⁹⁸ Отрицается любая форма навязывания мнения, признается ценность личного экзистенциального поиска, подчеркивается важность социально-политической ангажированности человека при скептическом отношении к государству и бизнесу как «орудиям прогресса» собственно человеческого в человеке и т.д.

человека», потребителя без воли и разума, аппарат по производству и поглощению материальных благ. Для него нет ничего истинно ценного, его развлекает Голливуд, питает быстрое питание, муштрует Муссолини, вербует в СС Адольф».⁹⁹

Приводя (из уважения - без купюр) цитату, я вовсе не собирался доказывать, что в среде радикальных движений и контркультурных групп у нас есть тайные поклонники и единомышленники. Но, черт побери, с этими «горячими» людьми можно работать! Они думают, обсуждают, действуют. Они, словами дзэн-буддиста Винни-Пуха, «очень неправильные пчелы» и у них скорее всего (даже наверняка!) «очень неправильный мед». Но к ним есть заход с правозащитными проблемами, ценностями, идеями; есть, если их перевести и сформулировать на том понятийном и символическом языке, в котором у них «улей». Должен же кто-то рассказывать, что внепартийный «левак» Мишель Фуко – философ, автор уймы книг и статей, рефлексировавший над дисциплинарными техниками «социализации тела и сексуальности», «микровласти», практики тюремного, психиатрического, школьно-университетского «надзора и наказания» – был активистом правозащитной «Группы распространения информации о тюрьмах» (Groupe d'Information sur les Prisons). А Хаким Бей – автор теории ВАЗов и ПАЗов?¹⁰⁰ А философ, лингвист, медиа-теоретик Ноам Чомски с критикой двойных стандартов в применении норм международного права, с разоблачением манипулятивных приемов СМИ? А Наоми Кляйн с «no-логовой» защитой прав потребителей или Дуглас Рашкофф, показывающий последствия оккупированности инфосферы политическими и коммерческими корпорациями, формулирующий принципы и методы медиа-активизма как способа воспроизводства контркультурной идентичности?¹⁰¹

В конце концов, читателей левых и контркультурных публичных интеллектуалов (Барт, Бодрийяр, Хабермас, Бурдье, Дебре, Ваттимо, Агамбен, Рансьер, Касториadis, Жижек и др.) в правозащитной среде ничуть не меньше. Не говоря уже о тех, кто в состоянии их понять и обсуждать «на уровне». Только, к сожалению, зримых следов подобного обсуждения нет как нет. Робкие попытки молодых «левозащитников» войти в коммуникативное и информационное поле анархистов, антиглобалистов, «новых левых» блокируются окриками старших, поголовно «правых» и пристойно либеральных товарищей. И это – при публичном позиционировании вне «право-левой разметки» политического спектра, при решении «делиться правозащитным полем» с другими гражданскими акторами (не только с партиями, но и с профсоюзами, группами «восставшей» общественности, индивидуальными инициативами и др.).¹⁰²

Про сближение с «контркультурщиками» и вовсе говорить не приходится. Они, чего греха таить, и матерятся как сапожники, и скандалят не по уму, и на политкорректность плюют. И вообще... Эти «бумеры» что,

⁹⁹ См. «ИМХО», № 1 на сайте <http://www.sxe.ru/sxe.htm>

¹⁰⁰ ВАЗ и ПАЗ – это не автобусы; ВАЗ – Временная Автономная Зона (пространство контркультурной акции, перформанса, «Вудстока» и др.); ПАЗ – Постоянная Автономная Зона (сквот, сайт тактических медиа, фэнзин и др.).

¹⁰¹ Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М. 2003.

¹⁰² Стратегические приоритеты развития правозащитного движения в России. Результаты дискуссии на заключительном заседании конференции «Правозащитное движение сегодня: проблемы и перспективы» 21 декабря 2004 г., Москва // www.hro.org, 22.12.2004.

помимо случайных попаданий на правозащитные акции, когда-либо претендовали на позиции внутри нашего сообщества? В ответ можно загибать пальцы: троцкист Алекс Козлов из Воронежа – один из лидеров «Экозащиты!», куратор no-global-ресурса www.resist.ru, организатор доброй сотни антифашистских, миротворческих и прочих акций, эксперт и тренер на множестве правозащитных семинаров; анархист Герман Алеткин из Казанского Центра миротворческих и правозащитных действий... Если называть тех, кто еще моложе, то счет пойдет на десятки, а то и сотни людей. Было бы неверным всех записывать в радикалы, для которых права человека – инструмент продвижения маргинальных политических убеждений.

Среди членов Legal Team - группы правовой поддержки участников протестных акций и гражданских действий во время питерской встречи G8 (июль 2006) - много молодых людей с контркультурной социализацией, не скрывающих своих левых взглядов или симпатий. Оработали так, что www.polit.ru признал: «Эта группа молодых (21-25 лет) экологов, филологов и юристов стала подлинным подарком контрсаммита, его главным посланием. Не побоюсь обвинений в пафосности, но появление этой группы позволяет говорить если не о качественном скачке в правозащитном движении, то, безусловно, о смене вех».¹⁰³ Права человека для ребят – не только идеология оперативного реагирования на безобразия государства и методика защиты частных лиц, но и один из инструментов глобальной перестройки планетарного общественного порядка, допускающего «Югославию и Ирак», циничную эксплуатацию жителей стран третьего мира, нелегитимную политическую мощь транснациональных корпораций. При этом «Legal Team» – классическая правозащитная группа, специализированная на правовой поддержке публичных акций (юридический инструктаж активистов, оперативная юридическая поддержка задержанных и др.), права на свободу собраний и ассоциаций.

Как бы мы – персонально или «по группам» - ни относились к подобным темам, но нельзя не признать, что «бумерские вопросы», методы, революционная, альтерглобалистская или контркультурная риторика – это вызовы правозащитному духу, от которых не получится отвертеться ссылками на ратифицированные конвенции; нужна та интеллектуально-поступочная магма (публичных дискуссий, самиздата, философских, социологических, художественно-публицистических текстов и, главным образом, живых разговоров тет-а-тет), которая некогда «отвердела» в статьях ВДПЧ, в Декларациях ЮНЕСКО и т.п. Нужно не изрекать, не просвещать, а спорить, спрашивать, мыслить вслух. Причем делать это придется не только в «модерируемом формате» чинных научно-практических конференций, но и в режиме интернет-форумов, блогов, клубных встреч, уличных тусовок. Это, мягко говоря, дискомфортно, поскольку многие правозащитники привыкли «светить под фонарем» (убеждать убежденных), встречаться с молодежью на стерилизованной территории образовательных учреждений (где дисциплина – превыше всего, а у преподавателей – карт-бланш на монолог) или тех площадках, которые были заранее «отрежиссированы» командами того или иного проекта (конкурс, фестиваль, выставка...). Тут же – «бои без правил», где стоит смириться с тем, что чисто энергетически «бумер» способен «переорать» любую вменяемую речь, а «юридико-бюрократико-

¹⁰³ Косинова Т. Право на протест: итоги контрсаммитов. Часть 1 // www.polit.ru, 24.07.2006.

третьесекторный сленг» может вызвать у него неадекватные физиологические реакции.

В массе своей этот типаж куда больше доверяет языку тела (экстатические жесты, поступки, телесные практики – танец, музыка, совместный ритуал, одежда, прическа и т.д.), нежели пышным, рационально фундированным словам и теориям. Именно поэтому в «бумерской» среде столь ценятся прямые действия¹⁰⁴ с видимым и ему понятным, не требующим подписи, результатом. Так активисты движения «Еда вместо бомб» («Food not bombs») распространяют идеи пацифизма и антиглобализма, «упаковывая» их в практику бесплатной раздачи натуральных блюд, противопоставляя капиталистической логике эквивалентного товарного обмена логику экономики дарения. Сквоттеры оккупируют и благоустраивают пустующие городские здания, превращают их в центры альтернативного искусства, веганские кафе, конференц-залы и магазины-дистрибуторы, занятые распространением нонконформистской прессы, социально-критической музыки, андеграундной литературы. У этого движения большие перспективы в России,¹⁰⁵ поскольку для контркультуры и субполитических (не претендующих на власть, но выдвигающих политические требования) движений в стране буквально нет места (помещений для сбора, самообучения и др.). «Красные скинхеды» (red-skin, antifa-skin, SHARP – скинхеды против расовых предрассудков) скептически относятся к вразумлению неонацистов путем гражданского воспитания и моральных увещеваний, считая, что это как раз тот случай, когда злу можно и нужно противостоять контрнасилием; время от времени в СМИ появляются сообщения об их стычках с «коричневыми», граффити-вылазках, срывах концертов «нордических» групп и атаках на маршевые колонны ДПНИ (Движения против нелегальной иммиграции). Акции прямого действия также практикуют группы радикальных экологов («Хранители радуги», «Эко-защита!», ГРОЗА и др.), мотивируя это тем, что природа не в состоянии сама себя защитить и быть истцом на судебном заседании. Устраивая летние лагеря в местах варварской промышленной эксплуатации окружающей среды, привязывая себя к обреченным «под спил» парковым деревьям, прыгая в ковш экскаватора, копающего котлован для очередного «Макдональдса», призывая бойкотировать продажу генетически модифицированных или «корпоративных» продуктов, пытаясь остановить эшелоны с отработанным ядерным топливом из Западной Европы, эти молодые люди заставляют бизнес и государство считаться с ценностями человеческого здоровья и гармонии с окружающей средой. Защитники прав человека вполне могут позавидовать тому, какими темпами в молодежной среде крупных городов набирает популярность движение защитников прав животных.¹⁰⁶ Зоозащитники (русскоязычные группы поддержки Фронта Освобождения Земли и Животных) призывают к полному отказу от ношения мехов, пикетируют и срывают меховые аукционы, расклеивают гневные стикеры на витрины магазинов верхней одежды. Были прецеденты, когда

¹⁰⁴ Определение «прямого действия» с сайта Фронта Освобождения Земли и Животных: «Действовать прямо - значит адресовать кому-то действительное проявление своего отношения. Если ты действуешь против голода - это может быть простая раздача кому-то пищи. Если ты хочешь помочь бездомным - это может быть захват пустующего дома, и его обживание. Если ты хочешь покончить с жестокостью по отношению к животным, кроме всего прочего, это может быть еще и перемещение/освобождение животных из лабораторий» - <http://www.aeliberation.net>

¹⁰⁵ См. <http://www.squatting.ru>

¹⁰⁶ В Англии общество по защите животных было учреждено на 60 лет раньше, нежели общество защиты детей.

они устраивали налеты на биологические лаборатории, выпуская на волю подопытных лягушек и крыс.

«Бумерство» далеко не всегда подразумевает радикальность методов и целей, однако следует иметь в виду, что бескорыстная любовь к экстремальности (не путать с экстремизмом!) и практический утопизм – это стилиобразующий признак «бумера». Прямое действие для него – и наглядный способ достижения результата «здесь и сейчас», и своеобразное испытание «на вшивость» (доказательство соответствия декларируемых принципов реальной практике жизни), и, если угодно, обряд инициации, в ходе которой посвящаемый опытным путем постигает как устроены природный и социальный миры, каким образом и какой ценой удерживается их Порядок. Разоблачение и разрыв мнимо рациональных конвенций (в акте реального или символического насилия, через «аскетические» практики - веганство, вегетарианство, отказ от городского образа жизни и пополнения гардероба брендовыми вещами) в этом случае имеют не только социальный, но и экзистенциальный смысл (путь к подлинному себе, раскупорка чувственности, реанимация маскультом трепанированного и масс медиа оглушенного воображения). К примеру, с точки зрения «цели», акция «Бронетехника-96»,¹⁰⁷ проведенная анархо-краеведами из группы ДВуРАК¹⁰⁸, абсолютно инфантильна и в высшей степени рискованна. С точки зрения «экзистенциальной» - не нам судить. Годы спустя люди вспоминают об этом приключении как об одном из самых ярких моментов своей жизни. Будут ли столь же сентиментальны члены РВС и НРА («Новая революционная альтернатива»), отсидевшие сроки по обвинениям во взрыве памятника Николаю II, попытке взрыва церетелевского монумента Петру I и взрыве приемной ФСБ на Крымском мосту? Или «нацболы-альпинисты»¹⁰⁹ с «нацболами-декабристами»?¹¹⁰ Если знали, на что шли - это их частное дело, их «гибрис». Они могли просчитать последствия: и лично для себя, и для общества.

«Бумеры» несут свою идентичность как знамя. А знамя не должно пылиться в «красном уголке» или падать наземь. Знамя – движущийся знак, становящийся символом (знаком высшего качества) лишь на границе веры и небытия. «Небытие» - все, лишенное смысла или мимикрирующее под смысл. Соблазн «бумерства» - в той фантастической энергии, которую дает ощущение собственной твердости и правоты; той самой, что воспета Осипом Мандельштамом:

Не прелюды играл, не вальсы
И не Листа листал листы.
В нем росли и переливались
Волны собственной правоты.

¹⁰⁷ Отряд акционистов, «вооруженных» баллончиками с краской, проник на территорию военной части под Питером и за считанные минуты покрыл танковую броню изображениями цветочков и слонят, пацифистскими знаками и надписями. Группа ретировалась после того, как зазевавшийся часовой открыл предупредительный огонь в небо. См. Твердохлебов З. Где ДВуРАКи зимуют? // <http://www.cinema.wec.ru/daily.shtml?action=a&n=6&a=6>

¹⁰⁸ «ДВуРАК» - движение ультрарадикальных анархо-краеведов.

¹⁰⁹ Ольга Кудрина и Евгений Луговской, вывесившие в мае 2005 года транспарант «Путин, уйди сам!» на гостинице «Россия».

¹¹⁰ 39 членов НБП были осуждены за захват Общественной приемной администрации Президента.

Но с поправкой: предмет «бумерской» веры, как правило, не является результатом переговоров и долгого сомнения, а выдергивается наугад, схватывается интуицией и эмоциональным притяжением. Грань между волей и произволом тут достаточно зыбка, но это не повод рисовать «бумера» смутьяном и скандалистом *par excellence*, которому «по барабану», за что бороться и где получать очередную инъекцию адреналина. В какой-то момент, устав от бесконечных попыток увязать концы с концами и развязать удавку внутренних и внешних кризисов, он присягает Идее и благодарен ей за счастье быть каленым, стойким, подтянутым в дряблом, трухлявом, мякотном, дремлющем окружении. Репрессии, давление, рациональная критика эту связку не разрушают, а, напротив, лишь удостоверяют ее подлинность. За Лимоновым идут такие же, как он сам: очкарики, мечтающие снять очки и быть мачо, герильерос, че геварами. Их главная претензия к правящей элите – в том, что ее «вертикаль» не стоит, а валяется, что она неспособна «быть возвышенной», «героической», «придающей жизни оттенок великого смысла». Нечто похожее много лет назад писал Эрнст Неизвестный: мол, его разногласия с советским строем носили сугубо эстетский характер. Он бы смирился со «злодеями у власти», но когда бразды правления в руках «карликов, насилующих державу»... В этом случае девальвирован заманчивый архетип противостояния царя и поэта, из которого художник черпает вдохновение и входит в Историю с «черного входа».

Вопрос о «бумерах» в правозащите, безусловно, существует и, более того, относится к одному из самых болезненных, касающихся внутренней самоорганизации правозащитного сообщества. Ни у кого – даже у наиболее авторитетных лидеров и квалифицированных специалистов – нет права на монополию и «сертификацию» гражданской (в том числе – молодежной) активности по критерию ее соответствия «канонам» идеологии прав и достоинства человека. Если уж на то пошло, то за «сертификацию» у нас отвечают органы госнадзора, а им ничто не мешает зарегистрировать радикальные политические объединения, пожелавшие атрибутировать себя как правозащитное НПО.¹¹¹ Можно долго, убедительно и страстно доказывать, что в концепции прав человека прописана не только содержательная, но и процессуальная часть, то есть – «право считаться правозащитником» накладывает на человека или организацию определенные самоограничения, связанные с «уставными целями и профилем работы»,¹¹² а также с диапазоном инструментов, которые носят в методологическом саквояже «субъекты правозащитной активности».

«Ненасилие», «уважение к оппонентам», «действия в правовом поле», «приоритет рациональных, аргументированных, конвенциональных стратегий воздействия на лиц, нарушающих права человека», «отрицание суггестивных (гипнотических, манипулятивных) технологий управления общественным мнением»... Правозащитное сообщество выработало множество правил саморегуляции. Большая их часть «не кодифицирована», является неформальными нормами, носит декларативный, рекомендательный характер. Это не означает, что они служат только «ёлочными украшениями» (социальным дизайном). Просто вступление в силу

¹¹¹ Уже существуют правозащитники, занимающиеся «защитой прав русского народа» и др.

¹¹² Многие западноевропейские специалисты замечают, что в России и других восточноевропейских странах специализация правозащитных групп и ассоциаций значительно шире «ООНовской трактовки Прав Человека».

этих норм чаще всего непублично. Известны случаи, когда поведение активиста или группы активистов становилось предметом внутреннего разбирательства в НПО, служа основанием для исключения, давая повод задуматься о границах допустимого и неприемлемого. Не редкость, что позиционные разломы в таких случаях возникают по линии межпоколенческих границ; проще говоря, «молодо-зелено» кипит эмоциями и требует активности на грани фола, в то время как «битые и умудренные опытом» осаживают новичков, призывая к обдуманности («сценарности») и компромиссности (оставляя оппоненту пути достойного отхода) действия. Побеждает, как правило, опыт, но эти победы иногда достаточно спорны и неокончательны: у лидеров НПО, которые уже в силу своего лидерского, более ответственного и обзорно емкого положения, обычно являются сторонниками взвешенных решений, нет прав собственности на организацию (даже если они – ее основатели, публичные лица и т.д.). Кроме того, мало кто специально прописывает лидерское право на вето при демократическом голосовании. Да и само демократическое голосование чаще всего проблематично, поскольку подавляющее большинство правозащитных организаций не имеет фиксированного членства (право голоса – у кого?), не устанавливает мер весомости голосов у лидеров, сотрудников, активистов и волонтеров. Внутренние дебаты между правозащитными радикалами и умеренными чаще всего заканчиваются ничем. В региональных, численно небольших организациях проблема и вовсе не выглядит проблемой: образуются ситуативные фракции, каждая из которых действует сообразно своему пониманию, но «под общим брендом».

Ввиду скандальности темы не хочется приводить примеры «из жизни соседей». Сошлюсь на периферийный и, возможно, не очень репрезентативный, опыт владимирской МПГ «Система координат». Когда мы делали проект по избирательным правам граждан, то команда – без особых внутренних конфликтов, драматических разборок, философских прений – аккуратно разошлась «впополам»: одни (условный лидер – юрист Елена Баженова) занимались понятными (по тем временам; парламентские выборы 2003-го), «конформистскими» и «пристойными» вещами типа «ликбеза» по избирательным правам, организации работы независимых общественных наблюдателей, встреч в рамках Клуба молодых избирателей; другие (условный лидер – Виктория Громова; имя – победа, фамилия – бой) – поддержали проект «Депутаты на службе общества»,¹¹³ доводили до избирателей информацию о том, как голосовали в Госдуме по общественно значимым законопроектам депутаты предыдущего созыва, тестировали кандидатов на знание молодежных проблем¹¹⁴, дарили картонные коробки со знаками ОЯТ в офис «Единой России», призывали бойкотировать лидера ультранационалистов из РОИС Игоря Артемова (строившего кампанию на антисемитизме и слогане «Остановим нашествие с Юга!»), критиковали ксенофобские реплики претендентов от «Родины» и ЛДПР... Понятно, что первая группа находила почти полное взаимопонимание как с чиновниками из облизбиркома (правда, общественные, и в особенности международные наблюдатели, их все-таки нервировали), так и с претендентами на депутатский мандат. Вторая группа, как и следовало ожидать, мгновенно была записана в «отморозки»: активистам звонили на дом сотрудники ФСБ

¹¹³ Проект МПД – МХГ – АРПО // www.parliaments.ru

¹¹⁴ Дискриминация молодежи на рынке труда, непрозрачность правового статуса студентов, типовые внутриуниверситетские конфликты, «бездомность» молодежных НПО, доступ к образованию, альтернативная гражданская служба и др.

(приглашали «неформально побеседовать»; без повесток, само собой) и т.д. Ясно, что ни органы, ни журналисты особенно не вникали в позиционный расклад внутри организации. Репутация «радикалов» легла на всех со всеми вытекающими отсюда последствиями (внезапно проснувшийся интерес проверяющих инстанций к документации, финансам, кадровому составу и местам трудоустройства активистов). При этом обе группы ни разу не нарушили ни российского законодательства, ни границ правозащитной этики (никто ни разу не упрекнул «радикалов» в игре на стороне кого-либо из кандидатов или партий). Что делать в подобных случаях? Создавать две самостоятельных организации: одну, «растиньячную» - для «парадов», переговоров и просветительства, вторую, «бумерскую» - для экстренных действий в запущенных обстоятельствах? Первую – зарегистрировать, вторую – нет?

Феномен радикальной правозащиты в условиях очередного «ледникового периода» российской политики и общественной жизни, наверное, неустраним. Бескомпромиссность и последовательность (неизбирательность) в отстаивании прав человека, намеренное нарушение закона и административных правил в ситуации их противоречия «духу законности, гуманизма и справедливости», отказ действовать по сценариям «дипломатической арифметики» и «политического торга» - с точки зрения российского и международного правозащитного сообщества, это спорная, но легитимная, морально оправданная стратегия. Уже поэтому любая правозащитная организация или неформальная инициативная группа, сделавшая на нее ставку или вынужденно прибегающая к ней, вправе рассчитывать на солидарную поддержку сообщества целиком (за исключением тех самых случаев, когда нарушаются конститутивные принципы правозащиты как таковой и, прежде всего, принцип ненасилия). Потребность в такой поддержке особенно велика, когда «неинституционально-коллективные действия» направлены не на отмену какой-либо принятой социальной нормы, а стремятся к разрешению «неопределенных или неструктурированных ситуаций»,¹¹⁵ когда конфликт разворачивается в пространстве отношений, не подпадающих под действие каких-либо юридических норм или протекает в областях, где «закон – что дышло...».

Очень надеюсь, что сказанное не будет воспринято как призыв одеть Людмилу Алексееву в кожаную косуху с клёпками и шипами, взбить оранжевый ирокез на голове Льва Пономарева, покрыть татуировками Александра Аузана, а Георгия Джуаншеревича Джибладзе отправить на дипломатические переговоры с российскими эпигонами Rot Armee Fraktion и прочих «городских партизан». Не гоже кому ни попадя шептать «мы с тобой одной крови». Но и валить всех в одну кучу, идти на поводу у штампов «террорист», «экстремист», «радикал», инсталлированных пропагандой в массовое сознание и расширительно используемых для обозначения политических или коммерческих конкурентов, – тоже не след. Волосы дыбом встают, когда читаешь пассаж со следующими рекомендациями в адрес «молодых революционеров»: «Могу указать только на два мощных и почти не использующихся фактора сдерживания - подкуп и жестокое подавление. На предотвращение молодежной опасности не следует жалеть никаких денег. Их надо щедро тратить на организацию безобидных дискотек, рок-клубов и

¹¹⁵ Коэн Дж.Л., Арато Э., Гражданское общество и политическая теория. М. 2003, С. 640.

фестивалей (хорошо контролируемых), на адаптацию истэблшментом (попросту говоря — покушку) формальных и неформальных лидеров, на улучшение материальных условий молодежного быта (всякие субсидии и создание карьерных перспектив)... Думаю, на такие расходы можно пустить и толику стабилизационного фонда, этого виртуального национального клада. Сейчас пожадничаем, потом поздно будет. И - приговоры. Никаких судов присяжных по делам об убийствах на националистической почве. Скинхедов братъ при любом появлении и неуклонно отвешивать рядовым срок за сроком за разжигание национальной розни, лидерам националистических партий — за пропаганду. За убийство из нацистских побуждений - пожизненное. Молодость должна служить не смягчающим, а отягчающим обстоятельством, как алкогольное или наркотическое опьянение: юный выродок за долгую жизнь может еще много натворить. Молодым хулиганам за преступления против личности ни в коем случае не давать условные сроки: это их смешит. Продемонстрировать в действии статьи за оскорбление государственных символов, за унижение по религиозному признаку, за оскорбление личности. Пусть это будет похоже на цензуру - «актуальное искусство» и эпатажная публицистика бывают слишком похожи на фашистскую пропаганду. Если нет соответствующих законов, принять, ориентируясь на опыт других государств, вполне либеральных, но не отступающих перед варварами».¹¹⁶

Нельзя не посочувствовать автору. Его страшат и скины, и «актуальное искусство», и гопники из темных углов, и молодые интеллектуалы-гуманитарии... «Молодость как отягчающее обстоятельство»... Должно быть у человека были веские причины, чтобы как Хома Брут ползать по чистой странице, очерчивая магические круги и заклиная юную нечисть. Может всех этих молодых уголовников, неонацистов, бескомпромиссных правозащитников, леваков и прочих уродов сразу сослать на Землю Франца Иосифа? В трусах и тапочках на босу ногу. Заодно и Стабфонд сохраннее будет, и инфляцию не разгоним. Такая начнется борьба за мир, что камня на камне...

Ладно. Стряхнем градусник. Необходимо понять, где место «бумера» в правозащитном поле, каковы критерии и ограничители выбора союзников из этой молодежной среды. Достаточно ли выставить принципиальным условием отказ от насилия? Ведь не так уж дик и деструктивен наш «бумер». В революцию – да, наверное, быть ему полевым командиром. В обществе «прислоняющихся неумех»¹¹⁷ - чем не Айвенго? Он вызывается на турнир, где ему нечего ни защищать, ни завоевывать. На его щите – надпись «Desdichado» (рыцарь, лишенный наследства). Все, что он может сказать о себе, потеряв короля и дружину, проиграв поход в Святую Землю, лишенный чести и славы, проклятый отцом, явившийся в страну, где на троне – самозванец, а вокруг – бесчинствующие бароны во главе с Брианом де Буагильбера, Фрон де Бёфа, Филиппа де Мальвуазена – «Я буду сопротивляться». Нужно убедить парня, что его цели достижимы без «классового террора», «битых витрин», «уличных драк», «стычек с копами» и «гневных кулаков в небо». Если, конечно, он и впрямь хочет «достигать целей», а не колбаситься в терапевтических кружках на манер «Бойцовского клуба» Дэвида Финчера.

¹¹⁶ Кабаков А. Идущие против // журнал «Нева», 2006, №8.

¹¹⁷ Выражение из дневников Мераба К. Мамардашвили.

Что же касается «метафизических бунтарей», о которых писал Альбер Камю в «Мифе о Сизифе» и Достоевский в «Бесах», то им инструкторы, соратники и зрители не нужны. Их оценит либо Бог, либо История, либо Уголовный кодекс.

IX. ЗЕМЛЯ В ИЛЛЮМИНАТОРЕ

В сложившейся репутации правозащитного сообщества, хотим мы того или нет, есть устойчивые черты Байконура и «звездного городка». И по сей день, часто уже без скольнибудь весомых на то оснований, правозащитникам вменяют в вину или в достоинство западничество, космополитизм, полиглотовство, близость к богемной и андеграундной среде (писателям с букетами «цветов зла», создателям «полочных» спектаклей, фильмов, выставок), «растление молодежи» пропагандой этнической, религиозной, сексуальной, интеллектуальной толерантности. На фоне набирающих популярность ксенофобских движений ранее сочувственно или нейтрально воспринимаемая защита прав беженцев, мигрантов, вынужденных переселенцев, иностранных студентов выглядит открытым вызовом «большинству», «антифашизм» которого прекрасно уживается с «Россия для русских, Масква для масквичей». Не говоря уж о том, что лидеры гражданских организаций «имеют наглость» в открытую якшаться с международными неправительственными ассоциациями, вести «кочевой образ жизни между Страсбургом, Брюсселем, Лондоном, Иерусалимом и Нью-Йорком»... Все эти прегрешения с пеной у рта разоблачаются входящими в моду младоконсерваторами, умудряющимися консервировать кто во что горазд: традиции царской России, наследие СССР, «языческую Русь», и даже пригрезившуюся Арктогею. Публике непрерывно внушается: черенок прав человека не привить «стране родных осин»; он – атрибут материалистической и юридичной западной цивилизации, в то время как «русский мир» прекрасно разруливает свои внутренние конфликты «баринном, который приедет и рассудит», высокой духовностью, здравым смыслом. Ну, а если разрулить не удастся - так это от инородных инфекций, вражьего сглаза, «забвения корней».

Что ж... Раз правозащитники, по мнению своих заядлых критиков, такие «чересчур свободные люди в свободной стране», такие глокально¹¹⁸ мыслящие и живущие, такие «прогрессорские» (десант имени дона Руматы в стане серых штурмовиков), такие «постмодернистские» и с ног до головы экипированные трофейным хай-теком, то уж «космонавты»-то точно должны симпатизировать сообществу, исправно служить его «вмещающей и порождающей средой». Хотя бы потому, что их гиперподвижность, интернациональный эклектизм потребления, экс-центричность,¹¹⁹ перформативность¹²⁰ воплотимы только в том мире, где права человека не

¹¹⁸ «Глокальность» - один феноменов современного общества, отраженный в девизе «Думай глобально, действуй локально»

¹¹⁹ «Экс-центричность» как стремление к выходу за пределы самого себя, детерминированного средой, обстоятельствами, имеющимися ресурсами.

¹²⁰ Перформативность – способность к быстрой адаптации, перенастройке и обучению, навык жизни в гетерогенных (мультикультурных, разбитых на множество параллельных иерархий и др.) социальных средах, умение понимать (даже не принимая) устройство и стиль жизни Других.

только декларированы, но и процессуально защищены, где автономная, инициативная, предприимчивая, экспериментирующая личность – признаваемая ценность и ведущая производительная сила.

В действительности, «все значительное сложнее», как любил говорить Михаил Гелфтер. Российские «космонавты» тонким «бутербродным» слоем размазаны по крупным городам. Их встречи и «коллективные действия» в офф-лайне – едва ли не чисто московский феномен.¹²¹ Сольной партии в «реальной политике» и публичной сфере у них нет. Признаков того, что «космические» кибер-community готовят экспансию в зону индустриальной (урбанистической) и аграрной (сельской) России пока не наблюдается. Периодически возобновляемые дебаты в Госдуме о том, как бы по-китайски придержать Рунет, стоит отнести к курьезам в духе футлярного «кабы чего не вышло». «Манифесты» Джона Перри Барлоу¹²², амстердамские образы «тактических медиа», «цифровых общин»¹²³ и электронного правительства, пророчества о торжестве «нетократии»¹²⁴ и «экономики образов и знаний» – все это сладким ядом берedit мозги и сердце «продвинутой» молодежи, мечтающей испытать тоффлеровский «футурошок»¹²⁵ и пальчиками с заусенцами потрогать «общество мечты» какого-нибудь Ролфа Йенсена.¹²⁶ Будущее – чем Бог не шутит? – за всем этим. Настоящее – в руках совершенно других людей.

Давайте уточним: для кого сейчас быть «космонавтом» – не идеальная идентичность (образ-планка, к которому расти да расти), а повседневный жизненный уклад, пусть и «на цыпочках»? Это необходимо, чтобы понять – где, на каком этапе, почему правозащитная среда потеряла контакт с этим слоем и не спешит возобновлять его вновь.

Чуть-чуть предыстории. С момента возникновения правозащитное движение было не только правовым, гражданским, протополитическим явлением, но и мощнейшим фактором повседневной культуры. В «колючепроволочную» эру оно играло роль «форточки» в глобальный мир и придавало буквальный смысл выражению «международные отношения».¹²⁷ Благодаря контактам с «инопланетянами» – иностранными дипломатами, корреспондентами, учеными – в страну попадали запрещенные книги, музыка, art-альбомы, журналы. По тем же правозащитным каналам за кордон проникали произведения, у которых не было шансов обогнуть

¹²¹ Имеются в виду коллективные действия, сгенерированные лично незнакомыми людьми через Интернет и затем совершенные в «реале». Насколько мне известно, все без исключения «всероссийские молодежные организации», которые позиционируют себя как сетевые, в действительности держатся на активистах, еженедельно встречающихся очно. Виртуальные технологии (сайты, блоговые комьюнити, форумы, листы рассылки и др.) и мобильные средства связи (SMS, факсы, «мобильники») остаются хоть и модным, но вспомогательным довеском.

¹²² Джон Перри Барлоу, автор «Декларации независимости киберпространства», автор песен группы «Grateful Dead», один из основателей Electronic Frontier Foundation, занимающейся защитой цифровых прав человека.

¹²³ Ловинк Г. Сквоттер, киберпанк, дейтадэнди. Амстердам и альтернативные медиа-стратегии (1993) // <http://www.mediaartlab.ru/db/biblio.html>

¹²⁴ Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб, 2004.

¹²⁵ Тоффлер А. Футурошок. СПб, 1997.

¹²⁶ Йенсен Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит ваш бизнес. СПб, 2002.

¹²⁷ Между народами, а не между чиновниками из правительств, дипломатическими корпусами, «системными интеллектуалами» («выездными академиками», «евтушенками» и др.).

внутрисоветские цензурные бредни. На генезис идеологии и тактики правозащитного движения эта двусторонняя связь практически не влияла,¹²⁸ однако отразилась на общественном восприятии: в правозащитниках видели культуртрегеров и контрабандистов, словом и делом работающих на сахаровский план «конвергенции систем», формирующих протоэлиту русских европейцев и т.п.

Аккредитованные таким образом столичные диссиденты были воистину мифологическими персонажами.¹²⁹ Мифологизации способствовало не только «подпольное»¹³⁰ существование, но и то, что первичную информацию о них многие провинциалы получали не напрямую, через личный контакт или знакомых, а через упоминания лидеров, групп и организаций на радиоволнах «вражеских голосов». Цитирование «Хроники текущих событий», гражданской публицистики, петиций и открытых писем сопровождалось трансляцией дефицитного джаза, рока, шансона и т.д. Не стоит недооценивать вклада, который вносило подобное эфирное соседство в популяризацию инакомыслия вплоть до начала 1990-х годов. Вживую наблюдать действие «мифологизации» можно было в общем потоке «отъезжантов», а затем – по тому неформальному статусу, который занимали высланные или добровольно эмигрировавшие правозащитники в русскоязычной диаспоре за рубежом.

С началом либеральных реформ, смягчением визового режима и открытием сетей торгового обмена во внешний мир «медиаторные функции» сообщества стали по сути избыточными и перешли в режим импорта высоких социальных технологий (институт омбудсмана, методики неформального гражданского образования, независимой экспертизы законодательства, контроля над прозрачностью бюджета, общественного инспектирования пенитенциарной системы и др.). Еще в начале 1990-х годов правозащитные НПО были заметным фактором модернизации общества в целом: их активисты были пионерами в использовании

¹²⁸ Л.М. Алексеева в книге «История инакомыслия в СССР» и в публичной лекции «История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России», прочитанной в клубе «Билингва» признавалась, что «отцы-основатели» правозащитных групп вплоть до конца 60-х - начала 70-х были слабо информированы о происходившем на Западе и не имели контактов с аналогичными движениями в других странах. Этот факт подтверждает анализ ранних диссидентских текстов, проведенный А. Даниэлем: «в большинстве самиздатских статей и деклараций 1966-1968 гг. не прослеживается практически никакого знакомства с современной им европейской правовой мыслью. Более того, до 1969 г. даже наиболее продвинутые правозащитники, за редчайшими исключениями, не упоминают о таких важных международно-правовых документах, как Пакт ООН о гражданских и политических правах или Европейская Конвенция о правах человека, — видимо, почти никто из них просто не знает о существовании этих документов. В 1960-е гг. независимое общественное сознание открывает для себя концепцию прав человека заново, открывает интуитивно и совершенно самостоятельно, практически ничего не ведая ни о своих предшественниках, ни о достижениях своих современников за «железным занавесом». Это — типичный случай «изобретения велосипеда», что, на взгляд автора, не умаляет, а усугубляет интеллектуальный подвиг советских диссидентов» - Даниэль А. Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас, 2002, № 1 (21).

¹²⁹ Отголоски этого мифа часто встречаются в неофициальной литературе и поэзии этих лет (образ академика А.Д. Сахарова в произведениях Сергея Довлатова и др.).

¹³⁰ «Подпольность» была не столько характеристикой правозащитных групп (они принципиально действовали открыто, используя «конспирацию» только для обеспечения рабочего процесса; к примеру, для ксерокопирования, получения информации и др.), сколько стремлением властей «вырезать» независимые голоса из контролируемой сферы публичного пространства советского общества.

электронной почты и Интернета,¹³¹ многие прошли стажировки по программам международного обмена и первыми стали использовать модели сетевой самоорганизации, корпоративных тренингов, проектной культуры, служа наглядным уроком для ассоциаций малого и среднего бизнеса, банковских консорциумов и др. Однако по мере расширения «площадей касания»¹³² российского общества с америками и европеями, по мере банализации этих касаний (туризм, деловые поездки, челночные шопинг-туры) космополитические составляющие правозащитной репутации отошли на второй план. К концу 1990-х степень глобализации лидеров гражданского общества в сравнении с глобализованностью других групп «новых русских» выглядела уже не в пользу первых.¹³³

В постсоветском «коктейле» образовались широкие социальные круги, для которых «идея Запада» лишилась романтического флёра и заключалась уже не в нормативах гуманности, демократии и прав человека, а в стандартах качественного потребления; они подтягивали российский антропоток к правилам международной коммерции, мировым брендам и Голливуду; их интересовал Европейский Союз, а не идеалистический Совет Европы, мировой рынок, а не дружба народов. Русский патриот на «гелендвагене», с трэвел чеком, ноутбуком и безграничным презрением к тупым, законопослушным европейцам - обычное дело. Он научился перевозить или подделывать комфортные вещи. Он оценил бытовую вежливость и прочий джентльменский набор личностных и социальных свойств жителей развитых стран. Но дальше хоть cool на голове теши: не понимает он, в каком «цеху» и каким образом этот «ассортимент» производится. Как в XIX веке русские аристократы строили копии «petite France»¹³⁴ за оградами своих усадеб, так и «компрадорская буржуазия» века XXI-го с воодушевлением плодит островки цивилизации для личного и корпоративного пользования.

«Приоткрытая Россия» не стала гражданской нацией, не выработала свои коды социального творчества – институты «серийного производства» доверия, терпимости, взаимного уважения, кооперации по более сложным, нежели родственные, клановые, массовые или корпоративные типы трансперсональной связи. Фашизация¹³⁵ публичной жизни в стране, то есть – превознесение чувства общности («Единая Россия»), перекрывающее объективные противоречия частных и групповых интересов, игнорирующее

¹³¹ История Интернет в СССР началась с американского проекта «Гласнет», который обеспечивал доступ в сеть «учителей, правозащитников, экологов, неформалов и других гарантов открытого общества» // Аленичева Л. Группа «Правозащитная Сеть» // Правозащитное движение в России: Коллективный портрет. М. 2004, С. 247.

¹³² Больше количество вовлеченных, путешествующих, знающих и практикующих иностранные языки, интегрированных в совместное предпринимательство и проч.

¹³³ Этот тезис оспаривает Сергей Пономарев: «Главная проблема гражданского общества в России, что оно слишком передовое и слишком развитое. Оно просто ушло намного дальше вперед, оставив позади себя бизнес, власть и само общество. На сегодняшний день в России существуют тысячи некоммерческих организаций, которые используют самые передовые технологии. «Переговорные площадки», «гражданские переговоры», «гражданские экспертизы», «общественный контроль», «гражданские экспедиции», «подиумные дискуссии» и т.д. Кто наиболее часто использует Интернет? Кто еще так глубоко погружен и признан в мировом сообществе? Кто еще может похвастаться таким же кредитом доверия в западном сообществе?» - Пономарев С. Газон гражданской спонтанности // www.hro.org, 16.03.2006.

¹³⁴ Франц. «маленькая Франция».

¹³⁵ Fasci – ит. «пучок», «связка прутьев»; фашизация – принудительное «пучкование», «связывание».

разность общественных укладов – проблемы не решит. То, что сейчас называется «национальным единством» – крайне непрочная конструкция. Государство, в котором связь граждан поддерживается только через механизм «мистической партиципации»¹³⁶ (термин этнолога Люсьена Леви-Брюля) обречено на распад. Его нельзя избежать, совершая магические пассы по телевизору, не наращивая фактические, рациональные связи между людьми). Если граждане не сознают себя собственниками государственных институтов, если большая их часть не является акционером российских компаний (и, следовательно, лично не заинтересованы в их бытии и прибыльности), то их «гражданство» – продукт социально-психологической инженерии («нация как ситуативный эмоциональный резонанс», «воображаемое сообщество», «масса», опыленная через кинескоп и рассыпающаяся от пожара на телебашне в Останкино). Это опасно. Виртуальные объекты легко крошатся от вторжений неудобной реальности (природная или техногенная катастрофа, война, экономический кризис) и требуют непрерывных затрат на их поддержание. Задача модернизации страны в данном случае подменяется работой над «оптимизмом» массового сознания. Мобилизация «массы», как одного из наиболее примитивных состояний агрегации общества, не ведет в современном мире к прогрессу. Возможности «массы» были истощены еще годами сталинского «рывка». Крах Берлинской стены показал ее конкурентные пределы. Единственный путь в модерн – управляемый конфликт интересов. То есть – строительство институциональной инфраструктуры (независимый суд, свободная пресса, действующий парламент, партийная система, допускающая конкуренцию, сектор гражданских ассоциаций), которая допускает конфликт, но удерживает его под контролем, не позволяет выскочить на гиблый участок «войны всех против всех». С точки зрения национальных интересов, создание такой инфраструктуры – абсолютный приоритет. Но здесь же и камень преткновения: национальный интерес не совпадает с интересами властвующих элит (государственных, финансовых, интеллектуальных и др.). Последние уверены в себе только при игре в монополию.

Сказанное немного проясняет портрет молодого российского «космонавта». Эти ребята (телом, финансами, компьютерной мышью) давно

¹³⁶ «Мистическая партиципация» (термин Л. Леви-Брюля) – обретение чувства целостности через воображаемую сопричастность единичного (человек) с общим (обществом, «культурным миром» (традицией), Вселенной). Идентичность российских граждан ныне воспроизводится через участие в бюрократических процедурах (получение паспорта, регистрация, прописка и др.), государственных церемониях (праздники, награждения, президентские и парламентские выборы, просмотр «федеральных телеканалов» и др.), через «болевание» за национальные сборные (футбол, хоккей и др.) и гастрольные труппы (российская «звезда» на Евровидении, «Тату» на MTV Music Awards), через религиозную самоидентификацию (православными себя называют невоцерковленные люди и даже... атеисты). Проблема в том, что единение происходит лишь в виртуальной сфере (отсюда – нажим на концепты типа «соборность», «русскость как русский дух» и пр.). Существование же России-off-line, России как «общности людей в их экономических, юридических, социальных связях» по-прежнему вызывает сомнения. «Люди Кремля» и «жители Москвы», несмотря на близость в физическом пространстве, никогда не пересекаются (буквально: не общаются, не имеют «общих мест») в пространстве социальном и символическом. У них разные инфраструктуры (дома, магазины, ателье, сервисные службы, клубы, источники информации и др.), у них нет общего языка, правил и святынь. Национал-патриотические настроения в состоянии временно скрыть эту скандальную параллельность и невстречаемость, но не в состоянии снять ее реальную противоречивость. При трезвом анализе того, кому «Единая Россия» не только любя, но и выгодна, удобна, доступна, понятна, лично дорога невеселые мысли набегают сами собой. Когда это поймут... «Пропал Калабуховский дом». ОАО «Путин и С» это прекрасно осознают, но продолжают подменять реформы «пиаром». Не исключено, что их патриотизм искривлен. Но – он пагубен для страны.

бороздят просторы большого мира, получают образование в знаменитых университетах и бизнес-школах, приводят ТНК на сафари за прибылью в саваннах российского рынка. Они составляют класс «новой интеллигенции»,¹³⁷ у которой свое, мягко говоря отличное от представлений «интеллигенции старой», видение прошлого и перспектив «народа-богоносца», петро-экономики, Лубянки и Кремля. За свой развитый скепто-критицизм и ежедневные контакты с миром биржевых, кибернетических, политических и прочих призраков «космонавтам» приходится платить атрофией гражданской воли и веры. Боюсь, что даже Христос для них – продукт двухтысячелетнего пиара и гуманитарных технологий. Не говоря уже про всякие-разные НПО-НКО: как пить дать – плавающая статья бюджетных расходов на трансакции: связи с общественностью, косвенное стимулирование спроса, достижения *publicity* и репутационной устойчивости кампании. Ну или политика неполитическими средствами, что, собственно, тоже форма бизнеса, но только более застенчивая, выдающая себя за филантропию, цивильный лоббизм и т.п.

Экологи блокируют строительный объект, пикетируют Минатом по поводу отработанного ядерного топлива, призывают к саботажу Лесного и Водного Кодекса? К гадалке не ходи: эти отчаянные «волосатики» - либо наемники конкурентов, либо – что и того хуже – «разведенные втемную» пешки.

Правозащитники «бьют в колокола», протестуя против «зачистки Благовещенска», «темников» в редакциях теленовостей, «шпионских процессов»? Не иначе как «лорд Джэдд» в гости пожалует. Или Бушу-младшему с неоконами приспичило протащить в ООН «правильную» резолюцию по Ирану.

Бескрайний цинизм, всеразьедающий стёб, ершистое недоверие «космонавта» - это страховка и «защитный экран» от реальности, выдающей себя за реальность или от частных интересов, ряженных и выдаваемых за всеобщие. Как это делается, он прекрасно знает «по работе» или по Уэльбеку, Бегбедеру, Бодрийяру и прочим отлично продаваемым «рекламоборцам». Что забавно – тирании рынка и толпы он боится больше, чем тирании государства,¹³⁸ прессинг и жесткий нрав первых ему знакомы по личному опыту, в то время как садистские наклонности последнего обычно выходят наружу «где-то в Чечне», глухомани, «на дне». В быту «космонавты» стараются с государством не пересекаться и относятся к нему как к тупой, прожорливой корове. С той лишь разницей, что доят не ее, а она (налоги, взятки, «презенты»). Попадая из «дистиллированного» мира кредитных карт, интернет-магазинов, электронных баз данных и прочих технотронных сервисов в убогую реальность среднестатистического россиянина – за

¹³⁷ Неустоявшийся термин, построенный на противопоставлении: «старая интеллигенция» - работники системы *государственного* образования, науки, культуры, СМИ; «новая» («офисная») - банковские клерки, финансовые аналитики, специалисты по дизайну, рекламе и PR, маркетингу, телекоммуникациям, компьютерным технологиям, моде, то есть – люди новых интеллектуальных профессий, работающие на рынок и формально не аффилированные госструктурами (хотя государство остается одним из самых крупных и выгодных заказчиков).

¹³⁸ Вспомните героя фильма «Гений», на мякине проводящего своих преследователей в голубых мундирах и изрекающего афоризм «край непуганых идиотов».

справкой в районное УВД или ЖЭК, за посылкой на почту и т.п.¹³⁹ – «космонавт» испытывает жесточайший шок и зарекается держаться от этих мест как можно дальше. Проблемы «фабричной» и «огородной» России его мало волнуют. Зато отсутствие И-нет-странички с расписанием пригородных автобусов и затык с покупкой билета в on-line может вывести из себя. Не говоря уже о тарифах на мобильную связь, перегрузе оптоволоконных линий для ADSL, камерах видеонаблюдения за «офисными рабами», при которых «ни в носу поковырять», «ни чулки поправить»... Бесплезно стыдить «космонавта» тем, что его «заморочки» - ерунда по сравнению с тяготами алтайских крестьян или калужских электриков. У него свой мир, своя структура потребностей. Он может быть нищ, как церковная крыса, но оплатить провайдеру трафик, держать сколько-то у.е. на счету оператора сотовой связи, заменить накрывшийся DVD-плеер - это святое.

Зря ругают СПСовцев за предвыборный ролик с самолетом, сквозь облака колыбельно несущего буревестников «либерального империализма». Более притягательной и эротичной картинкой для «космонавта» не подобрать. Чтобы все эти «визы», «прописки», «регистрации», «волокиты», «фельдфебельство младших чинов», «дани борзыми щенками» и прочие прелести крепостничества - через иллюминатор. Те же, что на земле... Пусть правильно голосуют и рвут жилы, чтобы прыгнуть со своих шести соток на шестисотый «мерс». Американская мечта – она и для Пучежа, и для Красной Горбатки.¹⁴⁰ На этот счет «космонавты» - абсолютные оптимисты. Как в клипе у Луи Армстронга: влюбленные на берегу океана, горящие от напалма вьетконговские леса... На все эти контрасты - «one wonderful world» с чеширской улыбкой в тридцать три коренных зуба.

Они, безусловно, как и прочие смертные, живут и зарабатывают в обществе. Но не идентифицируют себя с ним, трактуя любые статусы и роли как временные, «игровые», «контрактные». В целом, они - ходячие иллюстрации к олсоновскому парадоксу «безбилетника»¹⁴¹, подсолнухом поворачивающиеся вслед за «цивилизационными точками роста» и предпочитающие вселяться в «лубяные избушки» прогресса за чужой счет. Собственно именно это, а не катакомбные установки третьего сектора, служит главным препятствием для прихода «космонавтов» в правозащитные организации.

Возможно ли преодолеть взаимное отчуждение?

Сергей Цирель в статье «Какие силы могут создать гражданское общество в России?» приходит к выводу: «... предполагаемое гражданское общество, вне зависимости от того, какой слой - предприниматели или новые трудоголики - станет его основой, будет существенно более

¹³⁹ Словом, туда, где тесно, душно, нервно, где все чудовищно непродуманно и неудобно, где земное притяжение зримо и навязчиво бестактно (запахом, локтями, коммунальной речевертью).

¹⁴⁰ Городок на Волге в Ивановской области и село во Владимирской области.

¹⁴¹ Проблема «безбилетника» (free-rider problem) - известный парадокс нобелевского лауреата по экономике Мансура Олсона. В изложении проф. А.А. Аузана проблема выглядит как некупаемость суммарных издержек, которые берет на себя часть общества для производства какого-либо «общего блага» («Результаты достанутся всем, а издержки должен понести кто-то» - Лекция Александра Аузана «Общественный договор и гражданское общество» // www.polit.ru, 13.01.2005). Стая «космонавтов» в случае системного кризиса готова в мгновение ока сняться с мест и «перелететь на другую поляну». Им нет смысла «обустраивать место», «вращать в окружающую среду».

«западным», чем несостоявшееся гражданское общество перестроечных лет. Неформальные структуры «интеллигентского братства», во многом восходящие к традициям Древней Руси, уходят в прошлое, а сами образцы, в первую очередь физики и правозащитники, потускнели. Вопрос состоит в том, какие западные (или незападные) образцы могут прийти к ним на смену?».¹⁴² Иного мнения придерживается Игорь Аверкиев, который, отдавая должное вкладу западных НПО, фондов, правительств, тем не менее считает, что потенциал адаптации западных моделей развития гражданских инициатив оказался исчерпан, что послужило одним из факторов системного кризиса идентичности» правозащиты.¹⁴³ Менее категоричен Томас Каротерс, вице-президент по вопросам глобальной политики Фонда Карнеги, видящий миссию международных структур в том, чтобы выстраивать гибкие стратегии взаимопроникновения, принимая во внимание, но не абсолютизируя, неизбежные «пробки» на этом пути: «Подводя итог десятилетия оказания западной помощи построению гражданского общества в Восточной Европе и странах бывшего Советского Союза, можно сказать, что он представляется довольно скромным: они пришли, чтобы учить; они остались, чтобы учиться; они учатся до сих пор».¹⁴⁴

Нельзя сказать, что ставки на проект модернизации как вестернизации (подтягивания не к западному образу жизни, а к западным институциональным стандартам) окончательно проиграны. Выдохлись «букмекеры», в мыле - жокеи (западники в России), но забег не закончен. Правда выбор фаворита по-прежнему вызывает сомнения. С чего мы взяли, что активными сторонниками вестернизации будут те, кто этим феноменом порожден в 90-е годы ушедшего века? Почему бы не оценить стати темных лошадок?

Сергей Цирель, вглядываясь в лица «новых трудоголиков» (в моей классификации – «космонавты»), отмечает ряд черт, которые делают проблематичным им же сделанный прогноз: «слой новых российских трудоголиков в основном состоит из людей молодого и среднего возраста (для определенности - 25-50 лет¹⁴⁵), жителей Москвы и других больших городов, обладающих высшим образованием, как правило, не обремененных очень высокими духовными запросами и чрезмерной моральной щепетильностью...»; «среди них немало людей вроде амбивалентного героя «Generation «П»», готовых принять любые, в том числе самые аморальные, правила игры»; «материальные запросы московских трудоголиков по российским меркам относительно велики, и частично они удовлетворяются за счет неадекватного перераспределения доходов в их пользу. Готовности поделиться своими доходами ни в целях повышения конкурентоспособности, ни в целях достижения большей социальной

¹⁴² Цирель С. Какие силы могут создать гражданское общество в России? // Неприкосновенный запас, 2003 № 2 (28).

¹⁴³ «Многие западные смыслы и технологии гражданской активности до сих пор так и не укоренились в российском обществе, и для удержания их на поверхности жизни требуется все больший объем финансовой подпитки извне (например, защита личных и политических свобод в современной России невозможна и даже не очень актуальна без поддержки западных благотворительных фондов)» - Аверкиев И.В. Российская общественность: тихий кризис идентичности.

¹⁴⁴ Каротерс Т. Этажи демократии. Помощь Запада становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. Размышления по поводу десятой годовщины падения Берлинской стены // <http://www.ilpp.ru/518301875>

¹⁴⁵ Я бы «сузил»: верхнюю планку - до 40 лет, нижнюю – до 18-ти.

справедливости у большинства из них, как мне представляется, не наблюдается. Тем не менее, в силу большей общности социального положения и образа жизни сосуществование новых трудоголиков и старых русских в одних и тех же общественных структурах возможно и без формирования клиентских отношений».¹⁴⁶

Эти строки - клинически честный диагноз. Правда, даже после многократного прочтения статьи трудно разгадать авторский трюк: каким образом, под воздействием каких чародейских сил, поливалентная «офисная молодежь» и «продавцы воздуха» вдруг превратятся во флагманов гражданского общества, грозящих отправить на свалку истории «потускневших физиков и правозащитников»? Текст не только не навевал такую надежду, но и искрил в спряжении с популярной цитатой из Роберта Пантэма. Она хоть и звучит так же часто, как «на речке, на речке, на том бережочке» в фильмах Георгия Данелия, но лишней здесь явно не будет: «Социальное равновесие, основанное на принципе «всегда уклоняйся, никогда не бери на себя общую ношу», - вот, возможно, то, что ждет большую часть тех стран, где социального капитала недостаточно или вовсе нет. С точки зрения политической стабильности, эффективности правительств и даже самого экономического прогресса, социальный капитал может оказаться еще более важным фактором, нежели экономические и людские ресурсы. Во многих бывших коммунистических странах гражданские традиции были слабы еще до прихода коммунизма, а тоталитарные режимы подорвали и тот скудный запас социального капитала, который имелся. Без норм взаимопомощи, без сетей ассоциативности и гражданской ответственности аморальная семейственность, клиентелизм, беззаконие, неэффективная власть и экономический застой окажутся более вероятным исходом, чем действительная демократизация и развитие экономики. Будущим Москвы может оказаться Палермо».¹⁴⁷ В контексте этого пророчества-предостережения те, кого я обозвал «космонавтами», а С. Цирель – «новыми трудоголиками» - это скорее эксгуматоры прибыли из продуктов полураспада, а не столпы новой социальности.

Так зачем, в свете столь испепеляющих аттестаций, нужны «космонавты» в правозащитном сообществе?

Первое. Вспомним выдающегося поэта современности (©) Сапармурата Ниязова, изрекшего в «Рухнамэ» афоризм, ошеломляющий по своей медитативной силе и глубине: «только туркмен может сделать туркмена туркменом». Горлом пропев «аум» и идя вослед аналогии: только люди с «космическими» биографиями, технической подготовкой, образом мышления, стилем отношений с окружающими могут ввести правозащитные организации в «постиндустриальный мир», а точнее – на тот пяточок настоящего, который позиционируется как «наступившее будущее».¹⁴⁸ За прописку и ассоциирование с этой территорией ведется превентивная

¹⁴⁶ Цирель С. Какие силы могут создать гражданское общество в России? // Неприкосновенный запас, 2003 № 2 (28).

¹⁴⁷ Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭиМО, 1995, № 4.

¹⁴⁸ То есть – те социальные слои, которые в полной мере используют преимущества современных технологий (для заработков, для удовлетворения повседневных потребностей, общения, получения и хранения информации и др.).

информационная война. Победителям достается привилегия ходить в лавровых венках прогресса и служить маяком для своих не столь продвинутых соплеменников. Иначе говоря, присутствие на этой рейтинговой позиции позволяет занять нишу законодателей мод и референтной группы¹⁴⁹ для тех социальных страт, которые объективно заинтересованы в модернизации (в особенности – для молодежной аудитории, настроенной обгонять время, чтобы за ним угнаться). Отказ от борьбы за вымпел «локомотива прогресса» ведет к закреплению за правозащитниками образа «тормозов модернизации», взывающих о «милости к падшим», озвучивающих интересы контр-модернистских, «обозных» социальных слоев и не откликающихся на права и интересы постмодернистского, «забежавшего далеко вперед» человека. Этические установки правозащитников (помогать тем, кому хуже всего, кто наиболее незащищен) и их собственный исторический бэкграунд (анти/советские интеллигенты) образуют предрасположенность к подобному сценарию. В этом смысле тестовой следует признать ситуацию с Михаилом Ходорковским; всем была ясна политическая подоплека его ареста и тюремного заключения, однако немногие выступили в защиту «опального олигарха». Причина – отнюдь не в страхе «подставиться» в общественном мнении («только спонсоров защищают!»¹⁵⁰), сколько из размышлений в духе «он – богатый, ему по карману адвокаты экстра-класса, наше же дело – восстанавливать справедливость для тех, кто не в состоянии постоять за себя».

Сам факт присутствия «космонавтов» в правозащитном сообществе – символ того, что идеология прав человека – не музейный экспонат конца Второй мировой войны и биполярного мира¹⁵¹, а «Компас»,¹⁵² чья стрелка четко указывает на идеальный вектор антропогенеза и общественного развития вне зависимости от магнитных аномалий национального менталитета. В мареве релятивных, девальвированных, вздернутых на виселице тотального скепсиса смыслов Всеобщая Декларация прав человека остается едва ли ни единственной абсолютной ценностью. Абсолютной – не в трансцендентном смысле (заветно данной Высшей Силой), а в том, что ВДПЧ – это тот самый куцый список ценностей, который человечество – устами своих представителей и парламентов – приняло как всеобщий стандарт и мерило прогресса. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл

¹⁴⁹ «Референтная группа» – термин, введенный в социологию Мустафой Шерифом; обозначает «эталонное» – реальное или воображаемое – сообщество, соотнесение с которым используется личностью для самоидентификации и оценки своих достижений.

¹⁵⁰ Фонд «Открытая Россия», учрежденный ЮКОСом, не ставил цели стать крупным спонсором независимых правозащитных и других гражданских организаций. По факту – это был ресурсный центр для пула ПОНПО («некоммерческих фирм»), образованных по прямой инициативе топ-менеджмента компании и являвшихся «представительством ЮКОСа» в третьем секторе. Клуб региональной журналистики, Центры публичной политики, «Общественный вердикт», «Помоги Советом», «Новая цивилизация» и Ассоциация Юных Лидеров (АЮЛ) сотрудничали с независимыми гражданскими инициативами, но при этом были ориентированы на создание «своей» правозащиты, своих молодежных организаций и т.д. Оценку перспективности подобной стратегии дало время. После заморозки счетов и закрытия «Открытой России» практически все ключевые фигуры фонда вернулись туда, откуда некогда были «командированы»: в бизнес, в политтехнологии и т.д.

¹⁵¹ Есть точка зрения, согласно которой идеология прав человека – продукт общественного соглашения, подводящего итог эпохе двух мировых войн и строящего новый мир на основе «трех антикитов»: антифашизма, антикоммунизма, антиколониализма.

¹⁵² «КОМПАС» – одно из методических пособий по образованию в сфере прав человека, выпущенное Директоратом по делам молодежи и спорту Совета Европы. Новостная лента «Компас»: <http://eycb.coe.int/eycbwwwroot/hre/open1.html?url=/eycbwwwroot/hre/eng/NEWS>

совершенно прав, утверждая на X Всемирном Русском Народном Соборе, что религиозные откровения залегают на два пласта ниже и в этом смысле они «первичнее». Однако ни гуманитарно-научные, ни религиозные, ни традиционные ценности в настоящий момент не способны объединить человечество целиком, окаймляя и окормляя лишь какую-либо из его частей. Если угодно, «права человека» - это светский экуменизм, заземленный из теории в практику, а также моральные нормы, кристаллизовавшиеся в нормы права с соответствующими международными и национальными механизмами их реализации.

Второе. Дело не только в моде и каких-то репутационных преимуществах. Чтобы не выпасть из ритма современного мегаполиса, чтобы оперативно реагировать на процессы интенсивной циркуляции идей, образов и смыслов, синхронно, «кассетно» распространяемых сразу по нескольким каналам связи, чтобы «разгрузить» десятки сотрудников, сходящих с ума в потоке тысяч микросообщений и вынужденных мгновенно переключаться из одного режима общения в другой,¹⁵³ правозащитники тоже вынуждены участвовать в гонке за временем, «активно осваивать современные информационные и PR-технологии, обращая особое внимание на продвижение в обществе моральных ценностей правозащиты», «использовать имеющийся в правозащитном движении успешный опыт применения технологий социального маркетинга и PR», «применять различные коммуникационные технологии для разных целевых групп».¹⁵⁴

Достучаться до умов и сердец сейчас куда сложнее, чем в доперестроечную эпоху. Россия – не Америка, где на глаза, уши и прочие органы чувств ежедневно давит до 20 тысяч одних только рекламных сообщений, не считая телевизионных новостей, местных сплетен, рабочих документов, электронного спама. Однако и того, что есть, вполне достаточно, чтобы россиянин наглухо «забаррикадировался» и отфильтровывал все, что не адресовано ему лично, что не говорит на «языке» его сиюминутного спроса. Зачем далеко ходить за примерами: достаточно понаблюдать за глазами «матерых» активистов правозащитных организаций, когда кто-либо из новичков на общем собрании или межрегиональном семинаре предлагает создать новый список рассылки... Если в него не запустят калошей, то только потому что давно не носят калош.

Шутки шутками, но наряду с пониманием той роли, которую играют средства массовой коммуникации и информации, автоматизированные базы данных и тому подобные новшества, в правозащитной среде и прежде всего – в среде активистов региональных НПО, где «квалифицированное большинство» составляют люди старшего возраста - разного рода новации, «пиары» и «зацикленная» на них молодежь воспринимаются иронично,

¹⁵³ Кабинет чиновника, зал заседаний суда, общественная приемная, телестудия, встреча со школьниками, научная конференция, мозговой штурм в малой экспертной группе, визит в колонию для несовершеннолетних, общественная инспекция психиатрических клиник... Профессия правозащитника принадлежит к тому относительно небольшому кругу профессий, представители которых пересекают общество вдоль и поперек как по горизонтали, так и по вертикали. Это требует развитых коммуникативных качеств, знания социальных «идиолектов» (сленга, норм, правил приличия и т.д.) множества непересекающихся субкультур и др.

¹⁵⁴ Стратегические приоритеты развития правозащитного движения в России: результаты дискуссии на заключительном заседании конференции «Правозащитное движение сегодня: проблемы и перспективы» 21 декабря 2004 г., Москва. // www.hro.org, 22.12.2004.

настороженно или «лениво». Мол, это все «бутафория», «понты», «аранжировки», а мы *реальным* делом заняты, недосуг нам. Жалко и грешно тратить и без того скудные ресурсы на то, что если и окупится, то только в воображаемом будущем, а не через час-полтора, как того требуют обстоятельства.¹⁵⁵ Тысяча аргументов находится, чтобы убедить самих себя и других, что на регулярное администрирование и реконструкцию допотопных сайтов-визиток нет времени, что «уныло-шаблонный геометрический дизайн» брошюр и бюллетеней – из-за экономии средств, что отсутствие креативности и учета e-TV-формата при планировании мероприятий – от недостатка специалистов и безразличного равнодушия к «пузырям сенсаций», а одинаковые пресс-релизы, разосланные в аналитические, новостные, таблоидные СМИ – это лучше, чем ничего. К тому же – акцент на развлекабельности, ярмарочных приемах привлечения внимания, спекуляция на «психологии восприятия» и прочих «рыночных» методах как-то не вяжутся с нашими «клиентами», их проблемами и драматическими обстоятельствами; люди страдают, просят о помощи, возмущаются... Театральными перформансами, клубными рейвами, презентациями в Power Point или «живым журналом» тут ничего не решить, не говоря уже о неуместности какой-либо игры или «раскруток инфоповодов» а'ля Марина Литвинович.

В огромном количестве случаев это действительно так. В небольших городах, где основных ньюсмейкеров легко пересчитать на пальцах, где любую информацию можно добыть или распространить через друзей, одноклассников или знакомых знакомых, где неформальное публичное пространство ограничивается парой библиотек и кофеен, редакционными курилками, тройкой насмерть дружественных «писательских ячеек» и тинэйджерской тусовкой на площади... Там, наверное, даже электронная почта ни к чему,¹⁵⁶ а изыски синтеза «классических форм протеста» с современными артистическими практиками (флэш-моб, перформанс, хэппенинг, инсталляция, художественная провокация в духе А. Осмоловского, «Синих носов» или А. Бренера, граффити, уличный театр в стиле Ежи Гротовского и др.) будут негативно или недоуменно восприняты как населением, так и околоточными властями вкупе с «перьевыми» журналистами.

Однако различные ситуации требуют разных решений, степеней огласки, числа вовлеченных. На сегодняшний день не осталось ни одной мало-мальски развитой провинциальной НПО, которая не нуждалась бы в постоянных контактах с коллегами из других городов, в глобальном информационном поле гражданского сообщества, в возможности гасить локальные конфликты посредством «зонтичных» федеральных или глобальных информационных агентств, в доступе к инновационным

¹⁵⁵ Напротив, правозащитные контрагенты (группы, пропагандирующие шовинистические, экстремистские, фундаменталистские идеи) для вовлечения молодежи все более мастерски используют современные информационные и коммуникативные технологии, в том числе – относящиеся к сфере «черного пиара», SPAM-маркетинга и др. Есть нацистские граффити, постеры, стикеры, флэш-анимация, home video, фэнзины с броским, провокативным дизайном и модно-агрессивной стилистикой, хакерские атаки, «семиотизированная» одежда, татуаж, «фирменные» артефакты, записи расистского гангстер-рэпа и хард-кора в формате MP3, обмен баннерами, аудиокниги и др.

¹⁵⁶ Хотя... чтобы собрать 30-40 активистов и симпатизантов на срочную акцию, кому-то придется сесть на телефон и потерять день «на обзвонах».

технологиям зарубежных активистов и их солидарному участию в защите прав человека на территории России. Многие правозащитные инициативы, несмотря на свою актуальность и общественную востребованность, не имели бы никаких шансов без открытий в области коммуникации и эксплуатации компьютерных сетей. Лауреат Нобелевской премии мира 1997 года - Джоди Уильямс - признавалась, что кампания за запрещение противопехотных мин никогда бы не достигла успеха, если бы ее не поддержали свыше тысячи правозащитных, миротворческих, религиозных, детских, журналистских организаций из 55 стран мира. Объединить этих людей удалось при помощи обыкновенного e-mail и грамотной пошаговой PR-стратегии. Благодаря этим же простым инструментам по всему миру проходят Социальные Форумы, служа местом встречи, репрезентации и выработки коллективных решений для пестрого множества политических движений, НПО, неформальных групп.

Чем больше участников коалиционного действия и чем разнообразнее их интересы, тем насущнее проблема профессионального информационного и коммуникативного менеджмента. Это касается как внешних (с журналистами, с аудиториями проектов, с властью, бизнесом и др.), так и – подчеркиваю специально! – внутренних коммуникаций. Жалобы на неразбериху, сверхскоростной документооборот и переписку, недостаток «тематически упаковывающих» и «популяризаторских» (простых, лаконичных, композиционно стройных) текстов все чаще звучат не только от наших гиперзанятых лидеров, экспертов, линейных менеджеров, но и от «активистов ядра», и от волонтеров. Нет цены мемориаловскому журналу «Карта», журналам «Индекс / Досье на цензуру» и «Неволя», бюллетеню «Правозащитник», пермской газете «Личное дело», www.hro.org, сайту Всероссийского гражданского конгресса <http://www.civitas.ru>, мониторинговой ленте публикаций по проблемам прав человека и развития гражданского общества, выпускаемой РОО «Центр общественной информации», «Демосом», «Совой» и др. Единственное «но»: в сообществе до сих пор нет ни одного яркого, регулярно работающего интернет-портала или журнала, адресованного для «внутреннего употребления» молодым гражданским активистам, говорящего их языком, отвечающим на их специфические запросы. А пока нет такого издания – не будет и его аналога, обращенного вовне - к не- или слабоинтегрированным молодежным средам.

«Пиарофобию» старшего поколения правозащитников придется «лечить». Если кто и способен вернуть доброе имя public relations в России, то это – люди из третьего сектора. Сейчас же PR почти сплошь отождествляется с агрессивным маркетингом, пропагандой, недобросовестной рекламой, «яканьем».

Не нравится само слово? Хорошо. Растереть и плюнуть. Пусть эти технологии зовутся как-то иначе. Ефим Островский и редакция журнала «Сообщение» предлагают использовать русифицированное словосочетание «развитие общественных связей» (РОС); моим друзьям по МПД, в силу музыкальных пристрастий, больше нравится «развитие общественных коммуникаций» (РОК). Не суть. Важны те функции, которые выполняют подобные технологии; они подключают к «объекту» (проблеме, организации, идее, комплексу действий) сотни усилителей, позволяя транслировать его образ далеко за пределы физической видимости и слышимости. Чем выше уровень «шума», тем выше потребность в использовании «коммуникативных

машин». Американские NGO до 50% своих ресурсов (человеческих – прежде всего) тратят на связи с общественностью. «Средства» (техника, технологии, формы, каналы общения) – Г.М. Маклюэн¹⁵⁷ не даст соврать – в данном случае не оправдывают, а совпадают с целью наращивания плотности социальной ткани (доверия, взаимопомощи, солидарности и др.). Сама же цель – уставной пункт миссии любой гражданской организации вне зависимости от ее профиля.

Правозащите позарез нужны вихрастые головы, предлагающие нечто отличное от приевшихся открытых писем, подписных кампаний, пикетов и пресс-конференций. Это работало сорок лет назад. Со сбоями, скрипом, искажениями работало в конце 90-х. Сейчас же – особенно в крупных городах, ставших утыканными мегатонными воронками слухов, «полигонами знаков, СМИ, кодов» (Ж. Бодрийяр) – за общественное мнение необходимо бороться. Даже сами активисты не в состоянии проследить за километрами правозащитных текстов, распространяемых на бумаге и механистически дублируемых в Интернет, не говоря уже о менее интегрированной или вовсе отстраненной аудитории. Давайте признаемся: вина за маргинализацию правозащитников и отсутствие массовой поддержки со стороны граждан лежит не только на кураторах кампании по зачистке и информационной блокаде «пятых колонн», цензорах и прочих «держимордах». Текстовый массив сообщества растет год от года, но он табунами скачет по одной и той же «радиальной ветке». Свобода слова все больше зависит от расположенности публики откликнуться и услышать, а также искусства произнести «вечные истины» так, чтобы они звучали как откровение. В одном из перестроечных фильмов героиня говорит «I love you, Петрович». Адресат откликается: «Почему по-английски?», на что получает ответ: «Знаешь, по-русски это уже не звучит». Надо чтобы звучало. Ужасно, что не звучит.

«Новый гражданский стиль»¹⁵⁸ – давно не писк моды, а прикладная, рутинная задача; «Короче, Склифосовский!» – не цитата, а девиз; «Повторение – мать забвения» – антитезис рекомендациям кривоногого шамана нацистской пропаганды, советовавшего глушить мыслительную способность нации непрерывной бомбежкой одними и теми же гипнотическими слоганами, символами, жестами, церемониями.

Третье. Еще одним местом приложения сил для «космонавтов» могла бы стать роль посредников между активистами российских НПО и иноязычными волонтерами. Если деловые контакты «по линии «Элит гражданского общества» (лидеры и эксперты наиболее продвинутых, известных организаций) худо-бедно обслуживаются самими «элитами», то «горизонтальные связи» уровнем ниже провисают из-за материальных проблем (оплата билетов, проживания и т.д.), недостаточного знания иностранных языков (у добровольцев провинциальных организаций),

¹⁵⁷ Американский философ и медиа-теоретик, автор афоризма «the medium is the message» (средство сообщения и есть сообщение) и пародии на него «the medium is the massage» (средство сообщения есть массаж; то есть – медийная сфера современного общества предназначена для непрерывного массирования органов чувств потребителя, отключая его мышление, которое испокон веков – боль и реакция на неопределенность).

¹⁵⁸ См. о разграничении стилей классического активизма и гражданского акционизма: Марченков А. Историчность и новый гражданский стиль // Общая тетрадь, № 2 (33), 2005, С. 65-78 или на www.russ.ru за 4 и 10 мая 2005 г.

неспособности самостоятельно «выйти на связь» при помощи электронных средств коммуникации. Общение если и получается, то «через Москву», чьи «переводы» довольно дорого стоят.

Количество молодых европейцев, готовых приехать на работу (стажировку), частично или полностью покрывая расходы за свой счет, значительно больше тех, кто уже использовал такую возможность.¹⁵⁹ Среди них есть настолько мотивированные ребята, что даже хронический геморрой с визами, регистрацией и дискриминационными правилами для иностранцев их не спугнет. Те же студенты-слависты приедут. Далеко не все из них – дети Шрёдера и Берлускони: оплачивать туристический тур по Золотому кольцу и курсы русского языка по ценам, выставяемым ВУЗами Москвы и Питера, становится накладнее день ото дня. Да и скучно торчать в университетских аудиториях, не имея выхода на «неофициальные пространства» и сверстников. Обменные программы гражданских организаций для них были бы большим подспорьем. Равно как и для той части российской молодежи, которой не по карману оплачивать европейские гостиницы, которой не интересно «с фотиком» шататься по достопримечательностям, но любопытно понять, как все устроено изнутри и «почему они ружья кирпичом не чистют». Поверьте, я знаю что говорю: сам не раз принимал в Риме друзей, предпочитающих Колизею и куполам San Pietro посещение автономного социального центра Angelo Mai, концерта или эко-солидарного ужина в Villaggio Globale, многотысячную манифестацию профсоюзов или студенческих ассоциаций. Студентов с аспирантами из европейских университетов, желающих поработать в российских НПО, с годами тоже меньше не становится. Россия для рядового европейца – terra incognita. Украина, Восточная Европа – уже нет.¹⁶⁰

Значение молодежных страновых горизонтальных коммуникаций трудно переоценить. Еще труднее – дотошно подсчитать их качественные эффекты. Они явно не исчерпываются щекотанием нервов экзотикой, «попиванием пива» и языковой практике в интернациональной компании. После помаранчевой революции я как-то спросил свою коллегу-украинку по университету La Sapienza:

- Как думаешь, Украину примут в ЕС или придумают какой-то паллиативный статус типа «ассоциированный член», «стратегический партнер» и тому подобное?

Коллега улыбнулась в ответ:

- Какая разница – примут, не примут? Смотри сам: чуть ли не треть украинцев сейчас в Европе. Кто-то здесь вышел замуж, кто-то – по временному контракту, кто-то – на учебе... Народ-то давным-давно, без

¹⁵⁹ Например, регулярно работающие в России волонтеры немецкой Aktion Sühnezeichen Friedensdienste (Акция Знака Искупления – служба делу мира), волонтеры приезжающие по программам Русско-немецкого обмена (Санкт-Петербург), молодежного «Мемориала», «World4U» и др.

¹⁶⁰ В долгосрочной перспективе расходы на «молодежные обмены» дают куда большую отдачу, чем дорогостоящие американские PR-агентства («Cetchum»), нанятые улучшить «имидж России за рубежом». У тех же европейцев нет привычки воспринимать мир «глазами Сенкевича» (теперь уже сына) или камерами Russia Today.

спросу у политиков и военных, в Европу вошел. Вспомни: еще пять лет назад всех приезжающих из постсоветских стран называли «русскими». Сейчас - различают. Русские еще «не поехали». Здесь видят ваших нуворишей, номенклатуру и чуть-чуть – художников, балерин, оперных певцов. Туристы из среднего класса - не в счет. Они не врастают в среду, а текут по касательной. Те же, кто хотя бы полгода прожил на чужбине – работал, ходил в магазины, решал бытовые проблемы, общался с простыми людьми – у них меняется что-то в голове. Не знаю, что именно, но меняется. И эти бессознательные изменения - по закону сообщающихся сосудов что ли? - проецируются на менталитет людей, ни разу не пересекших границ. Кстати, молчу про то, что украинцы - в отличие от русских - легко создают диаспоры, через которые и связи с родиной держат и, в случае чего, отбиваются от местных властей, лоббируют свои интересы, помогают друг другу.

Я хотел было возразить что-то про шесть с половиной миллионов русскоязычных с паспортами стран ЕС, но передумал. Число погоды не делает. Вон в России – 142 миллиона, а как телевизор включишь – десять из пятнадцати минут новостного блока: встречи Путина с чиновниками NN. Остальное – катастрофы, светские гулянки и погода. 142 миллиона не сделали за день ничего такого, что касалось бы их как нации, чему всем вместе следовало бы порадоваться, задуматься, огорчиться? Нелепица какая-то... Не может такого быть. «Никогда так не было, чтобы совсем никак не было» - говорил бравый Швейк. Ему ль не верить?

Четвертое. Размыкание страны в мир на уровне личных и групповых коммуникаций, изживание комплекса «весь мир идет на меня войной», свойственного офицерам Генштаба и патриотам-параноикам, окончательный демонтаж «железного занавеса», поддерживаемого уже не силой оружия, а бюрократическими кордонами и взаимным недоверием – задача на сто лет. Но есть и другая, со схожей целью и с более коротким графиком работ. Я имею в виду – депроvincialизацию и федерализацию российского общества (затем – и государства).

Для пересмотра тысячелетних антагонизмов «центр - периферия», «столица - провинция», «метрополия - колонии» независимые гражданские организации уже сделали больше, чем кто-либо. Тем не менее, времена, когда московские организации были средоточием ресурсного, экспертного, информационного, консультационно-образовательного потенциала правозащитного поля, еще не закончились. Московские офисы, как правило, «лысы» с точки зрения волонтерского участия, но по-прежнему ревниво хранят за собой роль посредников между всероссийским гражданским обществом, федеральными властями, крупным бизнесом, медиа «с роумингом по стране и за пределами», интеллектуальным архивом, Западом. Диверсификация и детерриторизация активов третьего сектора, децентрализация управления и совершенствование навыков работы в смешанных проектно-коалиционных командах – явно перспективное направление. Особой прыти в следованию ему у правозащиты пока не наблюдается, но и то, что есть, смотрится «ВДНХасто» на фоне анахроничного госменеджмента и госмонополий.

«Пермь – столица российского гражданского общества» - в этой фразе,

принадлежащей А.А. Аузану, есть не только аванс или вежливость гостя, но и отчасти констатация факта.¹⁶¹ Та же Пермская гражданская палата работает как «фабрика мысли» в масштабах РФ, а не только своего края. Создатели и кураторы самого посещаемого русскоязычного сайта правозащитных новостей – коренные рязанцы (С. Смирнов, А. Блинусов, Ю. и Н. Середа). Лучший журнал третьего сектора – с недавних пор заново зажужжавшая питерская «Пчела».¹⁶² Самая разветвленная молодежная правозащитная Сеть – не буду писать какая – до сих пор не имеет московского офиса и стабильной московской команды. Наиболее продвинутыми центрами гражданского образования для детей и юношества, наряду с московским Молодежным центром прав человека (Елена Русакова), являются Фонд «Школа мира»/ФРОДО (Вадим Карастелев) и Рязанская школа прав человека (София Иванова; <http://www.hro.org/ngo/memorial/hrs/index.htm>). Одними из самых населенных пунктов правозащитных электронных магистралей являются Казань, Краснодар, Воронеж, Нижний Новгород, Орел, Йошкар-Ола, Новосибирск, Сыктывкар. Москва в этом списке – через запятую.

Значит ли это, что внутри правозащитного сообщества вызревают контуры «новой России» - той, что больше чем нынешняя похожа на свой конституционный макет, что более конкурентоспособна на международной арене, что разделяет фундаментальные принципы гуманистической цивилизации и строит свою национальную идентичность на моральных ценностях и правосознании, а не на ущербности изгоя и ненависти к приснившемуся врагу?

Увы, чтобы утверждать это, недостаточно гордиться отдельными достижениями. За ними стоит самоотверженный труд сотен энтузиастов, который, к сожалению, не разделяется критической массой соотечественников и не делится на третий сектор целиком. Чеховские сестры и ныне устами провинциальных актрис шепчут сакраментальное «В Москву! В Москву! В Москву!», аукаясь приступами неизъяснимой тоски в сердце молодых «космонавтов-аборигенов». Телятами бодеясь с местными дубами, они ментально зависимы от столичной и глобальной сцены. В наших силах донести до ребят шальную мысль Эбби Хоффмана: «Если вам не нравятся новости по ТВ, создавайте свои собственные». Живите сознанием, что самое интересное и судьбоносное происходит в радиусе десяти километров вокруг вашего пупка. На таких «пупках» мир строится.

Когда экзистенциалисты писали про «абсолютную ответственность индивида за бытие мира», они, безусловно, это имели в виду: не нарциссизм эгоцентрика, а понимание реальности, как результата скрещения миллионов волей, обязанных согласовывать свои индивидуальные проекты с Другими. Сколько «бабочек Брэдли» спасла эта мысль?

Пятое. «Современный тиран правит не с помощью силы или кулака. Он гонит свой стада по дороге удобства и комфорта», - писал Герберт Маршал Маклюен. Нам, к великому сожалению, достались тираны старого края, но общая тенденция действует и на них; самые отпетые

¹⁶¹ На что житель Перми Игорь В. Аверкиев ответил статьей «Страна на заре-1 ... плюс депроvincialизация всей страны» с контекстуально читаемым намеком, что гражданскому обществу вообще не нужны столицы.

¹⁶² <http://www.pchela.ru>

садомазохисты и сторонники курса «жесткой руки»¹⁶³ признают, что страна засыпает быстрее и беспечальнее, если ее укладывают не ОМОН с СОБРОм, а спин-доктора, напускающие идеологического тумана и вкальвающие массам снотворную ложь через медиа. Правозащитные новостные ленты «при такой пьянке» – огуречный утренний рассол, укол булавкой от наваждения. В отличие, кстати, от текстов внепарламентской оппозиции, которые больше похожи не на булавку, а на нож для сиппуку (жертвой собой ради нашей победы!).

Времена постсоветской свистопляски идей давно закончены. Страна организовано погружена в летаргию политической мифологии, грамотно посаженной на плашку национального менталитета, его застарелые фобии и фантазии. В этом смысле показательно недоумение Владилена Татарского, героя пелевинского «Generation П»: «С одной стороны, время погнало вскачь, меняя все, вплоть до бульварных скамеек, с другой - по телевизору между тем показывали те же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее. Татарский часто представлял себе Германию сорок шестого года, где доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях, а возглавляет всю лавочку прозревший наконец гауляйтер Восточной Пруссии. Татарский, конечно, ненавидел советскую власть в большинстве ее проявлений, но все же ему было непонятно - стоило ли менять империю зла на банановую республику зла, которая импортирует бананы из Финляндии».

Сюжет этого произведения точно воспроизводит потаенные комплексы «космонавта». Не веря в коллективную эмансипацию от мýроков современных мифологий (пропаганды, рекламы, маркетинга), наемником или «черно-PR-рабочим» соучаствуя в процессе их производства и трансляции, «космонавт» все-таки стремится к обнаружению автореферентных, удостоверяющих самих себя, «подлинных» идентичностей. Он не призывает называть вещи своими именами, потому что у них нет своих имен. Вообще – имена не существуют. Вещи не существуют тем более. И уж подавно проблематичен человек. Вместо него – антропоморфная головешка, «homo sapiens», оранусы, растекающиеся мыслию по кабельному дереву и дрыгающие отростками под воздействием оральных, анальных, вытесняющих вау-импульсов. А если нет «человека», то какие – черт подери! - могут быть «права», «гражданские позиции», «общественные интересы»? Где вы видели граждан, товарищи?

И все же... Тягловой силой пелевинских фабул раз за разом оказываются поиски точки опоры, истины или, на худой конец, того законспирированного центра, который организует «мýрок в мýроке,

¹⁶³ Согласно «азбуке» психоанализа, навязчивое влечение к «твердой руке» (зачастую приписываемое всей нации, а не отдельным ее слоям) - симптом латентной гомосексуальности; в этом смысле попытка сорвать майский гей-парад-2006, предпринятая скинхэдами, национал-патриотами и православными хоругвеносцами, должна интерпретироваться как тайная надежда получить не «твердую руку», а нечто другое, не менее твердое. Увы, гей-сообщество манкировало своими гражданскими обязанностями.

погруженный в мёрз». Из книги в книгу автор и его герои вчистую проигрывают бой за реальность, развоплощаясь на манер бедняги Горлума или «газонокосильщика» Джоуба. Им легко: они - литературные (бумажные или оцифрованные). Прототипам сложнее (Пелевину, как носителю авторской маски, - тоже): как бы ни бравировали они накачанностью своих виртуальных торсов и способностью овладевать снами, рождающими чудовищ, их «мясное тело» обречено вышагивать в постылой трехмерной зоне, где, как и встарь, бьют не по паспорту, габитусу или ник-нейму. Лишне напоминать, что Краснокаменская колония сродни тараканам, валюте и любви, то есть - не имеет границ и радушна как никогда.

Мифоборчество «космонавтов» переводимо из личного в публичное измерение. Например, через апелляцию к инстинкту социального самосохранения. Лоббирование «мира без границ» и свободного перемещения рабочей силы (безвизовое пространство или упрощение визовых процедур), защита права на приватность, открытость и доступ к информации, продвижение идеи общественного телевидения и независимых FM-радиостанций, защита персональных данных и противоречивое отношение к проблемам авторских прав (между Copyright и Copyleft – Copufree), сопротивление противоправной цензуре, защита трудовых прав прекариев-фрилансеров (работающих по временным контрактам и остающихся за штатами фирм), свобода слова и собраний, борьба с дискриминацией по признакам возраста, пола, расы, этноса, сексуальной ориентации, религиозным убеждениям, защита избирательных прав, политической и рыночной конкуренции – все это вещи, относящиеся к простейшим условиям выживания «космонавта», его возможности быть самим собой, то есть – быть сущностно непредзаданным, выбирающим, бесконечно трансформирующим образ «Я».

Сигналов готовности к подобного рода самозащите встречается довольно много. Вот один из них, взятый из обращения новосибирского творческого объединения САТ, проводившего 16 июля 2005 г. акцию «No Borders! Трафарет street party»: «Мы хотим быть людьми, жить с людьми, говорить с людьми, не оценивая предварительно ярлычок с надписью «русский» или «чеченец», как бирку на ноге покойника, прежде чем сказать «он был хорошим человеком» или «собаке — собачья смерть». Хватит границ! Хватит лицемерия! Нам нечего делить. Пока народы готовы уничтожать друг друга по «принципиальным» культурно-религиозным вопросам, безоглядно клеветца друг на друга, пока бритоголовый мальчик готов забить до смерти девочку с излишне смуглой кожей, какие-то подонки на верхушке придуманной ими самими социальной лестницы играют людьми в поддавки. Помните, как у БГ: «Я видел генералов — они пьют и едят нашу смерть, их дети сходят с ума оттого, что им нечего больше хотеть...». Разве так стоит жить? Разве все мы — гладиаторы в Колизее политиков? Интернационализм, космополитизм, мультикультуризм. Я выбираю человеческое пространство и отказываюсь выжигать на лбу каждого встречного национальное клеймо, которое будто бы что-то значит. Нам есть, что показать друг другу, чему научить и научиться. Я отказываюсь принимать границы, заключая себя в

клетку неоправданной национальной гордыни. Мое единственное требование — NO BORDERS!». ¹⁶⁴

В будущем количество «космонавтов», вовлеченных в гражданское действие, его информационные и коммуникативные сферы, будет расти. Уже сейчас Интернет пенится независимыми медиа-проектами, которые, возможно, далеки от классической правозащитной идеологии, но, тем не менее, явно созвучны ей по направленности и этическому пафосу. Я имею в виду блоги политизированной и граждански активной молодежи, зачатки независимых молодежных сетевых медиа (а'la журнал «Игры разума», учрежденный московской студенческой ассоциацией «Я думаю»), артистические жесты молодых художников, представленных на московской биенале и в центрах современного искусства, ¹⁶⁵ стенограммы сотен публичных дискуссий, проводимых вне официальной сферы, посетительский бум в «концептуальных кафе» и мн. др. Даже «клоунские» микропроекты типа ПНИ РФ ¹⁶⁶ или «враг народа» ¹⁶⁷ я бы отнес к их числу в той мере, в какой они продолжают традиции политической сатиры.

«Космические» инициативы редко перерастают во что-то стабильное, долговременное. Они ситуативны, но по своей креативности, технологиям самоорганизации, инновативности гораздо более разнообразны и резонансны, нежели те, что предлагают обществу правозащитные структуры. Достаточно вспомнить протесты движения автомобилистов против несправедливого решения суда в адрес Олега Щербинского (водителя, обвиненного в гибели алтайского губернатора М. Евдокимова) и их борьбу против «дорожных привилегий». ¹⁶⁸ Или (спасибо Саше Анохиной за материал!) – вспомнить пермскую историю с попыткой милиции выгородить блатных виновников дорожно-транспортного происшествия на перекрестке улиц Ленина и Комсомольского проспекта: возмущенные друзья погибших и активные участники форума на www.teron.ru организовали общественную кампанию против произвола, выложили в И-нете раскадровку события с камер видеонаблюдения, не дали затихнуть вниманию со стороны

¹⁶⁴ Релиз акции: <http://trafaret-street.narod.ru>; «No borders» - восточноевропейская сеть активистов, борющихся против ограничения права на свободное передвижение. См. <http://www.noborder.org> (поддерживается украинской командой контркультурного и анархистского портала <http://www.zaraz.org>).

¹⁶⁵ Ориентация на спонсоров и западных кураторов современного искусства, тотальная зависимость от мнения герметичных артистических и искусствоведческих тусовок постепенно уходит в прошлое. Актуальные художественные стратегии строятся на резонансе произведений искусства с социополитическим контекстом (война, ксенофобия, диктатура, медиакратия и др.). По сути, они выступают в роли «перчаток», брошенных в лицо власти, общественного мнения, корпораций.

¹⁶⁶ Web-проект «Партии Наивных Идиотов РФ», запущенный накануне парламентских выборов 2003 года группой питерских авангардных художников и анархистов, обошел по рейтингам (по числу хостов-«кликов») сайты многих крупных федеральных партий. Выдержка из манифеста: «Мы верим любым обещаниям и не спросим строго с того, кто их не выполнит. Даже не упрекнём, а похлопаем дружески по плечу (конечно, если пустит охрана). Мы - за Путина! Мы - за реформу ЖКХ! Мы - за восстановление СССР в границах 1918 года! Мы - за ввоз Отработанного Ядерного Топлива, чтобы у нас картошка была крупной, и чтобы колорадский жук обратно улетел в свою Колораду. Мы - за отделение Чечни от России, за проведение там массовых зачисток, свободных выборов и взрыва ядерной бомбы одновременно».

¹⁶⁷ Лично не знакомые net-юзеры, договорившись, сделали так, что при запросе «враг народа» в «поисковике» Yandex, первая строчка дает гиперссылку на сайт нынешнего Президента РФ.

¹⁶⁸ Акция, в ходе которой водители скотчем крепили на крышах своих машин синие ведёрки, напоминающие «мигалки».

региональных СМИ... Число подобных «кейсов» становится все больше и дает надежду, что количество перерастет в качество.

Есть несколько перспективных «космических» сред, заслуживающих особого внимания и «дипломатических усилий» правозащитного сообщества.

*Первой из таких сред я бы назвал молодых конкурентов «кибер-элиты и элиты русскоязычного интернета».*¹⁶⁹ Бурное развитие российского сегмента глобальной сети¹⁷⁰ стимулирует приток новых кадров и растущую специализацию занятости, в то время как период самостоятельного «столения золотых участков» постепенно подходит к концу (запуск нового проекта или разработка нового программного обеспечения требует солидных венчурных инвестиций). Российские программисты, web-дизайнеры и др. постепенно включаются в конкуренцию на международном рынке. Распространение аутсорсинга¹⁷¹ делает эту аудиторию относительно независимой (во всяком случае, экономически) от контролируемого и «обложенного данью» (не фискальный пресс имею в виду) отечественного бизнеса. Как следствие, эти люди более свободны в суждениях. Они отлично понимают свои интересы (сказывается интеллектуальная природа деятельности) и благодаря технической продвинутой имеют уникальные, беспрецедентные для России, возможности самоорганизации. Уже на стадии слухов о грядущей цензурной атаке на Рунет, интернет-сообщество устраивает столь массивную волну возмущения в СМИ, что власти до сих пор не решились кастрировать Сеть как последний архипелаг свободы слова по-русски. Активно обсуждаемыми в сообществе являются темы давления спецслужб на провайдеров, «перлюстрация» электронной переписки, изъятие баз данных коммерческих организаций, а также незаконное вторжение «органов» в пространство телекоммуникационных сетей (работа систем прослушки и слежения типа СОРМ-2¹⁷², доступ к базе данных клиентов и др.).

Опыт сотрудничества правозащитных НПО с молодыми лидерами «дигитальной революции» уже есть. После серии хакерских атак неонацистов на ведущие правозащитные ресурсы в Сети (лето 2004 года), рассылки

¹⁶⁹ Евгений Горный различает эти два типа элит. Под «элитой русского Интернета» он подразумевает тех, кто «1) считаются авторитетами в области Интернета в России и 2) чьи заслуги в развитии русского Интернета признаны сетевым сообществом. В эту группу входят люди разных занятий - журналисты, редакторы, дизайнеры, программисты, бизнесмены, общественники... Их объединяет единая среда, в которой они действуют (Интернет), и известность, которую они обретают в этой среде (а в последнее время - и за ее пределами)». «Кибер-элиты» или «digerati» Горный определяет через отсылку к «Словарю интернетовских терминов» Матиссе Энзера: «Дигерати - дигитальная версия литерати (лат. ученый, мудрец, знаток, мыслитель, интеллектуал, филолог, философ и т.п.) относится к неопределенному кругу людей, которые считаются осведомленными, знающими или, иначе говоря, специалистами в области дигитальной революции». К «кибер-элите» относятся в том числе и те, кто не связан с Интернетом напрямую: «производители компьютеров и программного обеспечения, специалисты по визуальным спецэффектам в кино, журналисты, пишущие о компьютерных технологиях в печатных журналах, и т.п.» - Горный Е. Элита.Ру: кто рулит?// <http://inter.net.ru/13/1.html>

¹⁷⁰ По данным фонда «Общественное мнение» (проект «Интернет в России / Россия в Интернете»), суточная аудитория Рунета осенью 2005 года составляла 6,8 млн. человек, полугодовая аудитория – почти 22 млн.

¹⁷¹ Размещение заказов на выполнение работ за пределами страны, в которой проживает потребитель, и минимизация расходов на оплату труда за счет использования более дешевой рабочей силы.

¹⁷² СОРМ – Система оперативно-разыскных мероприятий.

писем с угрозами насилия в адрес наиболее известных гражданских активистов и прочих психотронных выходов ультранационалистов из Славянского союза, многие активисты и организации установили на своих сайтах «зеркала» и системы защиты, стали использовать анонимные прокси-серверы, криптографию и системы информационной безопасности PGP (Pretty Good Privacy – программа шифрования данных). Удалось отследить IP атакующих, заставить провайдеров отказаться от предоставления хостинга ксенофобским сайтам. Ждет своего решения проблема сайтов-обманок, заброшенных в кибер-вселенную в аккурат после Майдана. Беда, если наивный юзер будет судить о международном антиглобалистском движении (включающем в том числе и множество правозащитных, экологических, миротворческих групп) по манифесту Всероссийской Альтерглобалистской Лиги (ВАЛ), написанному заказными политтехнологами и врученному кучке карьеристов-державников из Бауманки.

Помимо нормальных, идеалистических мотивов у союза гражданских активистов и кибер-молодежи есть и другие, более заземленные основания. Обладая или совершенствуя навыки производства и модификации технологий, молодые программисты отдают себе отчет, что сбрасывание пара в блоги livejournal, участие в сетях файлового обмена, обновление навороченных home page и прочие игры подвижного ума ни на йоту не приблизят их к цели. Карьера этих людей вплотную зависит от того, что у них есть в портфолио, что не стыдно показать потенциальному заказчику и взыскательному профессиональному сообществу. Между тем, вкусы и технические задания российских заказчиков (особенно провинциальных или «мелких») «раззудеться» мозгам и продемонстрировать «удаль» особенно не дают: трехмерной графике, креативному, нестандартному дизайну, смелым экспериментам они предпочитают то, что «дешево» и «без фокусов». Гордится же наспех сколоченным сайтиком или флэш-заставкой, которые при желании повторит любой «закипающий чайник»... Это «без мазы»: деньги принесет, но самолюбия не почешет. «Третьесекторный мир» - оптимальная отдушина для таких случаев. Никаких ограничений фантазии и технологических амбиций здесь нет. Напротив, гражданские организации в состоянии обеспечить серьезную ресурсную и информационную поддержку оригинальным проектам.

Претендент на то, чтобы сделать имя, получит выходы на сетевые структуры правозащитного сообщества, включающие тысячи пользователей и СМИ. Кроме того, он вправе рассчитывать на то необозримое море контактов, которые есть у НПО среди зарубежных кибер- и медиа-активистов. Степень продвинутости европейских, американских, индийских, бразильских неправительственных ассоциаций и неформальных политизированных объединений просто фантастическая. Тут уже не о банальных «web-визитках НПО, проектов и кампаний» идет речь; наработки в области лоббирования Интернета как зоны свободного и неограниченного обмена информацией,¹⁷³ защиты персональных данных, «петикета» (этики электронных коммуникаций), тактических медиа (занятых медиатической войной с центрами пропаганды, озвучивающих немые, вытесненные из публичной сферы голоса и темы), использования мобильных сетей для

¹⁷³ Европейское движение «Save the Web» (<http://www.savetheweb.org>) ставит целью пересмотреть некоторые принципы авторского права, поддерживая идею свободного размещения и скачивания MP3-треков и видеофайлов.

координации экстренных акций и компаний (TXTmob, SMS-mob, flash-mob, GPRS и др.), «хактивизма»,¹⁷⁴ е-демократии и e-Government (электронное голосование, доступ к нормативно-правовой документации государственных служб и сведения о режиме их работы, получение бюрократических услуг online, гражданский контроль в оперативном режиме и др.), политики открытого кода (open source politics - типа ОС Linux) и прочих инновационных технологий заставят российских программистов уважительно склонить головы. Не сомневаюсь, впрочем, что они быстро их поднимут. «Быстрых разумом Платонов да Невтонов» российская земля рожать не разучилась. И тогда издания, вроде «Справочника блоггера и кибердиссидента», составленного международной организацией «Репортеры без границ» (<http://www.rsf.org>) перестанут быть раритетами. К «Поваренной книге медиа-активиста» Олега Киреева (Екатеринбург, 2006) есть что добавить.

Подчеркиваю, союз правозащитного сообщества и кибер-элиты следует строить не на основе найма или «приворотных зелий», а на встречных интересах. Правозащитники (и как гражданские активисты, и как простые юзеры) прекрасно понимают актуальность развития темы «цифровых и коммуникативных прав человека», определяемых «Словарем тактической реальности» Конрада Беккера следующим образом: «Цифровые права человека – это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации... Базисные цифровые права человека включают право доступа к электронной сети, право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной сферы»¹⁷⁵. Для «дигерати» и лидеров Рунета защита цифровых прав – это защита и «дома», и «места работы», и «среды свободного общения». Для правозащитников Digital Rights также не абстракция и не «модные понты». Без электронных коммуникаций, виртуальных переговорных площадок, сайтов и новостных лент гражданское общество мгновенно рассыплется на тысячи островов. Масштабы страны и порождаемые ими издержки (транспортные расходы на поездки активистов, пересылку материалов, «фельдегерскую связь» и др.) с трудом осваивают коммерческие и политические структуры. Всем прочим это и вовсе не под силу.

Другой перспективной «космической» аудиторией для сближения с правозащитниками я бы назвал молодых русскоязычных эмигрантов, граждан стран СНГ, «русскоговорящих европейцев» (диаспоры + русскоязычные меньшинства в странах Балтии), студентов, проходящих длительные стажировки или учащих за рубежом... Словом, всех тех, кто в состоянии, не мифологизируя и не интерпретируя в терминах набившей оскомину борьбы «западников» со «славянофилами», понять в чем разница между Россией и другими цивилизованными странами (в том числе – в

¹⁷⁴ «Хактивизм» (нет-арт-активизм) - «движение-гибрид, соединившее в себе сетевое искусство и политический активизм. Среди наиболее ярких «хактивистов» – группа художников и теоретиков искусства Electronic Disturbance Theater (EDT - Электронный театр нарушения спокойствия), проповедующая электронное гражданское неповиновение в сети. По мнению EDT, «улицы умерли», поэтому у активизма нет другого выхода, как переместиться в сеть» (Фикс Е. Сетевое искусство протеста // Художественный журнал, 2003, 51/52, <http://xz.gif.ru>).

¹⁷⁵ Цит. по: Киреев О. Краткий глоссарий тактической медиа-критики // Художественный журнал, №58/59, 2005; <http://xz.gif.ru/>

понимании значения прав человека для повседневной безопасности и саморазвития (особенно живущих людей).

Нет такой власти, которая не стремится обойти законы, ее ограничивающие, в том числе – и базовые, относящиеся к правам человека. Последнее десятилетие в этом смысле выглядит особенно удручающе. Под предлогом борьбы с терроризмом, регулирования нелегальной миграции, совершенствования и экспорта демократии правящие круги наиболее влиятельных стран мирового сообщества совершают шаги, безусловно, нарушающие или осложняющие соблюдение некогда взятых на себя обязательств в области прав человека. Жесткой критике со стороны локальных, национальных и международных правозащитных организаций подвергаются Совет Европы и ООН, США, Великобритания, Италия и др. Граждане России или просто русскоязычная молодежь, живущие за рубежом, принудительно вовлечены в эти ярые споры. Принудительно, поскольку хочешь – не хочешь, а приходится отвечать за свою «премордиальную идентичность» (этническую, языковую и др.) в лавине повседневных разговоров с иноязычными активистами и обывателями. Помню, как девушка из обеспеченной московской семьи, студентка Академии дипломатии, приехавшая в Рим на курсы итальянского языка, возмущалась «наездами на Россию» со стороны испанских, французских, греческих и прочих участников группы. «Наезды» заключались в расспросах про Чечню, про свободу СМИ, про то, «правда ли у вас есть молодежное движение, которое на майках носит портреты президента»... На родине она себе таких вопросов не задавала.

Повторюсь: бюрократия что на Западе, что в России не сильно отличается «по нутру». Все хотят поменьше контроля, побольше власти. Это нормально. А вот общества (состояния обществ) у нас разные. Тот же Буш, Ширак или Блэр вынуждены вертеться как на сковородке, оправдывая то или иное правительственное решение, объясняя его рациональность и соответствие интересам граждан. В противном случае – половина Франции выйдет на манифестации против контрактных условий первого найма, Италия встанет на уши против образовательной реформы Моратти, кабинет министров Великобритании окажется в осаде противников плана «реформирования общественного телевидения», иммигранты устроят первомайский «бойкот США на один день» и т.п.

Не знаю, каково процентное соотношение тех, «кому за державу обидно» и тех, кто остается убежденным сторонником «колбасной эмиграции» (уехавшие ради экономического благополучия, налаживания личной жизни и того, чтобы забыть Россию как дурной сон).¹⁷⁶ Мое субъективное, безусловно, нуждающееся в проверке, ощущение: число «задетых» в названной среде растет если не в геометрической, то в арифметической прогрессии. При желании часами могу рассказывать случаи по этому поводу. Найдется что сказать и координаторам проектов Международной Сети «МПД» (УНRM). Сеть возникла в России, но с годами приросла участниками из тридцати стран. Причем – показательная тенденция! – зарубежные участники Сети на порядок более инициативны, «легки на подъем», самостоятельны, образованны и технически продвинуты.

¹⁷⁶ См. Леденева Л., Тюрюканова Е. Российские студенты за рубежом: их профессионально-миграционные стратегии // <http://www.chelt.ru/main.html>

Одна берлинская команда чего стоит, не говоря уже о прибалтах, украинцах, белорусах. Ни в чем разница между европейской и российско-европейской молодежью не сказывается так сильно, как в эмоциональной энергетике. У последней сильно «окислены батарейки».

Приток в гражданские организации русскоязычных активистов из-за рубежа - это мощный кадровый резерв, с которым никто еще по-настоящему не работал. На него уже не так просто будет распространить упреки в нанятости «экспортерами демократии» и западными спецслужбами. Марк Доу и Кристофер Пирт¹⁷⁷ могут быть трижды чисты и невиновны в шпионском коварстве. Но они иностранцы, а в глазах российского обывателя - это железобетонное доказательство корысти. Обвинить в том же жителей «русского мира вне метрополии» куда сложнее. Их индивидуальная ситуация - ощущение принадлежности как минимум к двум социально-политическим реальностям¹⁷⁸ - освобождает гражданский выбор от эгоизма национальных интересов, делает более восприимчивым к теме прав человека, ценного самого по себе, безотносительно к языку, территории и тому, какой герб тиснен на личном паспорте. Ни на секунду не сомневаюсь, что зацепки для их шельмования таки найдутся, но лобовой сценарий «дела Гинзбурга, Галанскова и переплетчика Добровольского», объявляющий правозащитников «платными агентами НТС, белоэмигрантской организации, состоящей на службе у Гитлера, а ныне находящейся на содержании ЦРУ»,¹⁷⁹ уже не «прокатит».

Отдельные элементы инфраструктурной базы для строительства трансграничных русскоязычных правозащитных сетей уже существуют: часть российских по происхождению НПО уже переросла национальные масштабы (международный «Мемориал» и др.), постепенно набирают обороты глобальные русскоязычные информационные проекты (проект цифрового телевидения RTVI, доступный для зрителя через скоростной Интернет), наиболее активными пользователями и творцами русскоязычного

¹⁷⁷ Сотрудники английского посольства, заочно обвиненные в шпионаже под прикрытием английских благотворительных фондов поддержки гражданского общества (всп. январскую провокацию ФСБ, получившую в прессе кодировку «камень-шпион»). Ни официального обвинения, ни обычной в этих случаях экстрадиции подозреваемых после шума в СМИ не последовало. К чести журналистского сообщества, даже наиболее яростные критики правозащитных организаций отозвались о скандале в сочувственных тонах, расценив операцию спецслужб как топорную. Цель - протолкнуть в Госдуме поправки к «закону об НКО» - была очевидна для всех, включая «лояльное Путину большинство».

¹⁷⁸ Как тенденцию можно отметить, что для многих русскоговорящих жителей Европейского союза их европейская идентичность более значима, чем этнокультурная или национальная (граждане прибалтийских государств и др.) и потому многие из них положительно относятся к процессу передачи части полномочий от государственных и региональных властей в пользу общеевропейских институтов. Социализация этой группы лиц в рамках европейской гражданской культуры отторгает претензии Кремля превратить русскоязычную диаспору в проводника геополитических интересов властвующей российской элиты; ни экономически, ни политически, ни информационно диаспора от установившегося в РФ режима не зависит и de facto в нем не нуждается. Для нее значимы лишь персональные, фамильные, социальные, культурные, правовые, экономические связи с исторической родиной и ее сообществами. «Конгрессы соотечественников» и проекты возвращения «утекших мозгов» не решают ни одной из реальных потребностей «русских европейцев», являясь дорогостоящей формой внутривнутриполитического пиара.

¹⁷⁹ Цитата из статьи «В лакеях», опубликованной в «Комсомольской правде» 18 января 1968 года (цит. по ст.: Светова З. «От шапирографа к чудо-камню» // <http://www.polit.ru>, 30.01.2006; Речь идет о деле Юрия Галанского, Александра Гинзбурга, Александра Добровольского и Веры Лашковой («процесс четырех»), осужденных в 1968 году за составление сборника материалов о деле Синявского и Даниэля.

сегмента Интернета являются «русские европейцы», «русские американцы» и «русская улица» в Израиле. Эта аудитория, оставаясь реципиентом российских СМИ (спутниковое телевидение, Рунет), одновременно находится в информационных полях и гражданских культурах стран своего проживания. Результатом этого скрещения и конкуренции «картин мира» становится колоссальный когнитивный диссонанс, который преодолеваем только ценой личных интеллектуальных усилий по сортировке и реинтерпретации сотен фактов, поданных в разноцветных идеологических, культурных, языковых и стилевых упаковках. Это тяжелая работа. От нее сравнительно легко уйти, искусственно ограничивая плоскость соприкосновения с пестрой реальностью, покидая беспокойную территорию «кросскультурного диалога» (ассимиляция, интеграция без остатка или возвращение к материнской культуре). Но это не решение, а откладывание проблемы. Русскоязычный мир обречен «жить на два дома», в действительности создавая третий («а на нейтральной полосе цветы...»).

«Другая Россия» может быть не только «национальным проектом» демократической оппозиции. В авторитарных условиях «национальные проекты» без санкции правящей элиты – это утопия (пусть и «чистой воды»). Исторический опыт (Испания, Аргентина, Германия, Польша и др.) показывает, что «транснациональный сценарий модернизации» (совместные усилия национальной общественности по обе стороны границы) более перспективен. Потенциал активизации эмигрантской мифологемы 30-х годов XX века «я не в изгнании, я - в послании»,¹⁸⁰ заключающейся в изменении самосознания «зарубежной Руси» и закладывании основ постсоветской России, не был и в принципе не мог быть реализован ее авторами (З. Гиппиус, К.Р. Кочаровский, И.И. Бунаков-Фондаминский).¹⁸¹ В то время для нее не существовало ни технической базы, ни благоприятных социальных условий (беженцы из Советской России находились в тяжелом экономическом положении, жили по нансеновским паспортам и др.). XXI век – иное дело. Люди Третьей (диссидентская) и Четвертой (экономической, авантюристской) волны эмиграции сносно адаптировались в иноязычной среде. Падение «железного занавеса» упразднило старое значение слова «эмиграция»: оно перестало означать разрыв, эвакуацию, второе рождение. Возникло огромное количество интернациональных семей, выросли дети-билингвы, появился целый класс сверхпрестижных профессий, заставляющих «жить в самолетах». Мир пришел в Россию, Россия втянулась

¹⁸⁰ Строчка из стихотворения Н. Берберовой.

¹⁸¹ Брошюра «Что делать русской эмиграции?». Статьи З.Н. Гиппиус и К.Р. Кочаровского с предисловием И.И. Бунакова-Фондаминского. Париж. Издание книжного дела «Родник», Libr. “La Source”, 106, ru de la Tour, Paris, 1930; главный тезис брошюры – эмигранты – это те, кому выпала историческая миссия строить внетерриториальную и безгосударственную (общественную) Россию; З.Н. Гиппиус писала: «Когда-то [...] Петр, хозяин земли русской, посылал русских людей в Европу с твердым наказом не возвращаться, пока не научатся они делу, не наберутся в чужих землях нового ума-разума, «себе и родине на пользу». А что, если какой-то Хозяин и теперь послал сотни тысяч русских людей в чужие страны для того же, с тем же наказом, и не возвратит их, пока они дела, за каким посланы, не сделают, новой науке не научатся, - «себе и родине на пользу»?»; и, далее: «После большевиков Россия (какой бы она ни была) будет остро нуждаться в образованных и технически подготовленных людях, в капиталах, иностранных кредитах, организаторах, коммерсантах, инженерах, агрономах, профессорах, учителях, торговых и государственных служащих, лицах, знающих иностранные языки. Откуда-нибудь она их несомненно получит. И будут ли то иностранцы, или бывшие русские эмигранты – зависит всецело от теперешней эмиграции...». Да, от нее, от того, успеет ли, сумеет ли она довоспитаться до состояния, в котором окажется реально нужной воскрепающей родине».

в мир. Запад уже не выглядит мифологическим гомогенным пространством, на которое проецируют мечты о земном блаженстве. Глобализированная, постдиаспоральная Россия, чего б там не писали изготовители пужалок про «безродных космополитов», осталась Россией; не придатком, не побочной веткой развития, а самостоятельным (независимым как от «стран проживания», так и от политической ситуации на родине) экономическим, культурным, социальным (но не политическим) образованием.

В упомянутой мною брошюре И.И. Фондаминский (Бунаков), автор предисловия, так раскрывает свое понимание провиденциального смысла «эмиграции как послания»: «удивительное дело: европейские народы живут на своей родине, защищены мощным аппаратом своей государственности, связаны крепкими нитями родства и соседства, обладают имуществом и часто недвижимой собственностью, имеют прочные заработки и доходы. И, тем не менее, признают необходимость – в условиях сложной и трудной современной жизни – общественной самодеятельности и организованной взаимопомощи и направляют свои усилия на свободное культурное и экономическое строительство. Граждане мощных европейских государств – вместе с тем члены всевозможных общественных и культурных объединений». Спустя почти сотню лет такое прозрение перестало быть новостью и способно послужить уроком как для «подмораживающих» властей, так и для «пламенеющих революционеров».¹⁸²

Главной причиной, тормозящей глобализацию гражданского общества в России, остается наша неискоренимая интравертность – смесь провинциального самоумаления и имперской мании величия («весь мир смотрит на нас»). Именно эта комбинация, на мой взгляд, приводит к тому, что схемы и принципы международной правозащитной организации «Amnesty International», популярные во всем мире, не срабатывают в России. Как известно, «Amnesty» сознательно ограничивает меру прямого участия своих активистов в защите прав человека на территории страны проживания (исключения: мониторинг нарушений прав человека, экспертиза национального законодательства, образовательные и просветительские проекты) и виртуозно использует международные механизмы воздействия на локальные бюрократии (как в конкретных случаях, так и для структурного улучшения ситуации). Самый известный механизм такого воздействия – подписные кампании, когда тот или иной орган государственной власти, нарушающий права человека, бомбардируется тысячами писем из-за рубежа, требующими восстановить законность и справедливость. Но российских граждан и наиболее активную их часть (общественность) трудно «завести» на подобного рода вещи; Туркмения, Киргизия, Армения успели стать для них слишком далекими, не говоря уже об Африке, Ливане, Северной Корее, Иране или Китае.

¹⁸² Из вала публикаций по проблемам национальной идентичности в эпоху глобализации российские экспертные журналы предпочитают переводить тексты, легитимизирующие «Россию как имперский проект». См. Роберт Сондерс «Национальность: киберрусский» на сайте карагановского журнала «Россия в глобальной политике» (<http://www.globalaffairs.ru>). В 2005-2006 годах Кремль устроил сложную игру по получению «контрольного пакета» в общественных организациях, претендующих на роль интегратора и защитника интересов русскоязычного населения в странах ЕС (Европейский русский альянс и Русская партия Европейского Союза, зарегистрированы в Брюсселе). Интрига не удалась. Инициатива и сценарий развития этих проектов остались за «русскими европейцами». В частности, одним из лидеров осталась Татьяна Жданок - депутат Европарламента от Латвии, лидер движения «За права человека» (ЗаПЧЕЛ). См. <http://www.imperativ.net/news/rea.htm>

Тысячи гуманитарных экспедиций («Красный крест», «Врачи без границ», «Корпус мира», программы благотворительной помощи ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др.), миссий международных неправительственных организаций, интернациональных информационных проектов пока обходятся без *массового* участия волонтеров и профессионалов из России. Грешно заниматься эмансипацией «женщин Востока», «китайскими диссидентами», кораблями с беженцами, тонущими в Средиземном море и этническими чистками в Руанде, когда дома – в своей стране – происходят не менее чудовищные преступления против человеческого достоинства. Это бессознательно занимаемая позиция, быть может, этически оправдана («любить ближнего»). Но без массового участия в делах мира трудно ожидать «алаверды» – ответной международной солидарности. Представления мирового сообщества о происходящем в России по-прежнему формируются при дефиците оперативной и обзорной информации. Слабо задействован канал прямого межличностного общения. Переведенные на английский доклад с выжимками из правозащитных мониторингов, документированные жалобы в Европейский суд по правам человека и поездки лидеров на конференции в Дурбан (ЮАР) никогда не смогут компенсировать этот пробел. Это – коммуникации между институтами, а не конкретными людьми. У глобализации НПО должно быть в том числе и *личное измерение*. Это значит – российским правозащитникам необходимо не только апеллировать к международному сообществу и его институтам, но и самим становиться этим международным сообществом, учиться действовать в большом мире, учиться учить.

При наведении мостов между иностранными неправительственными организациями и их российскими «близнецами» помощь молодых эмигрантов и русскоязычного населения развитых стран была бы неоценимой. Даже если дело дойдет только до русификации сетевых ресурсов интернациональных НПО и инициативных групп,¹⁸³ переводов публицистики,¹⁸⁴ свободной дистрибуции CD и DVD с видеозаписями акций и документальными фильмами о современных и былых социальных движениях. Третий сектор в России испытывает не только кризис идей, но и, прежде всего, кризис дерзости воображения, недостаток «альтернативных источников энергии». Сравнение с деятельностью гражданских организаций за рубежом (особенно в странах, переживших коллективную травму диктатуры, гражданской войны, геноцида) расширит представления о границах и формах гражданской активности, размоет советские паттерны восприятия таких явлений как добровольчество, интернационализм, солидарность и др.¹⁸⁵

Третьей «космонавтской средой» я бы назвал мотивированный на личную самореализацию слой офисных служащих ведущих российских компаний. Эта категория куда более размыта, неопределенна, нежели те, что были названы раньше. Те же IT-специалисты могут входить в нее как отдельная часть, наряду с менеджерами, руководителями проектов,

¹⁸³ Таких как <http://www.actions.org> и др.

¹⁸⁴ Инициатива Русско-немецкого обмена пока не получила активной поддержки: <http://obmen.org/en/translations/order>

¹⁸⁵ Может ли бокс быть средством популяризации идеи борьбы за равные гражданские права? Да, если вспомнить Кассиуса Клея (Мухаммеда Али), чья спортивная карьера висела на волоске из-за принципиального отказа служить в армии, воюющей во Вьетнаме и публичной поддержки движения за гражданские и социально-трудовые права афроамериканцев.

бухгалтерами, офис-администраторами и др. По разным оценкам, к офисной среде относится от 4,5 до 7 миллионов граждан России, а если не проводить границ между офисами коммерческих организаций и государственных служб, то и значительно больше.

«Тебе повезло. Ты не такой как все. Ты работаешь в О-ФИ-СЕ!» - эта строчка из песни группы «Ленинград» отражает неформальный статус офисных сотрудников в общей структуре населения. И впрямь, офис – это средоточие, мозговой и административный центр современной жизни. Он выделен из ее потока как автономная система со своим внутренним распорядком и организацией времени, с чистотой и комфортом, противопоставляемым уличной грязи и агрессивности, с костюмами, подчеркивающими стабильность и мобилизующими деловые инстинкты. Российские офисы прошли первоначальную стадию своего развития и давно перестали быть только местом работы: корпоративные вечеринки, тренинги, совместные поездки в санатории, за границу, на уик-энд, дружба семьями, бизнес-ланчи... Объем событий, формально находящихся за пределами получения прибыли, но в действительности подчиненные ее логике, делают офисную жизнь самодостаточной и... куда более привлекательной, нежели пресная, рутинно бытовая реальность, поневоле разделяемая клерками с нищими и стариками, с проблемными подростками и криминалом. Отмеченный социологами рост трудоголиков в офисной среде во многом объясняется именно этим мотивом, а не только гиперэксплуатацией рабочей силы в период становящегося российского капитализма. И все-таки, несмотря на престижность и относительно высокие зарплаты этого типа работы, тотальный контроль, стрессы, монотонность труда, деловой этикет и бесправие перед лицом работодателя приводят к тому, что многих банковских, риэлтерских, маркетинговых и прочих клерков буквально тошнит от своей нереализованности в границах офисных функционалов. Чем сильнее их сжимают в капсуле рабочего дня, тем неотвязнее мысль о свободе и творчестве. Их суррогаты – воскресный отрыв, экзотические путешествия, хобби, эксперименты с сексуальностью, увлечение нетрадиционными спиритуалистическими практиками - довольно быстро приедаются.

Третий сектор как место работы part-time (временной, почасовой, сдельной) для офисных затворников может быть привлекателен, но только в том случае, если он раскроет спящую, невостребованную сторону их натуры. Запрос на подобные вещи минимален в среде «растиньяков», которые даже вне рабочее время тратят на наращивание персональных товарных качеств (изучение «продаваемых» языков, фитнес-подгонка тела под гляцевый стандарт, шоппинг, тренинги личностного роста, вращение в нужной среде). Но есть и другие: те, что делают карьеру без особого аппетита, что мечтают сделать свою жизнь более разнообразной, социально полезной, запоминающейся. Хайдеггеровские лекции по феноменологии скуки имели бы среди них феноменальный успех (если б только этот швабский любитель проселочных дорог не был патологическим занудой). Они – не смейтесь! - «новые нищие». Работа дает им материальное благополучие, но взамен требует жесточайшей эмоциональной и смысловой аскезы. Многих при этом греет мысль «сейчас поработать», а потом, набрав денег на черный день и персональное светлое будущее, «начать жить». Увы, эту мечту омрачает

трезвое видение хрупкости российского рынка¹⁸⁶ и понимание, что никакие накопления не помогут проскочить очередной дефолт или «черный вторник». Ежемесячно откладывать на счет по 100 долларов с 700 долларов зарплаты? Глупо. Инфляция сожрет. Отсюда – внерабочий стиль жизни, окрашенный горациевским «лови день!» и ощущением пустоты при хронической занятости.

Гражданская активность этого слоя существует, но не идентифицируется политологами и экспертами третьего сектора именно как гражданская, поскольку лишена ряда классических черт, приписываемых вменяемому гражданскому поведению (авторства, регулярности, всеобщности, серьезности, конвенциональности, героического этоса и др.). Большинство правозащитных и других гражданских организаций строят себя в логике индустриальной волны, воспринимая отсутствие помещений, постоянных телефонных номеров, стабильного финансирования, четкой субординации внутри staff'a как препятствия к реализации своей социальной миссии и недостаток организационного развития. У «космонавтов» же другие представления о том, как должен выглядеть «агент социальных изменений»: «Идеал НГО - не офис с десятками сотрудников, а один-два человека плюс компьютер с модемом. Такие минимальные НГО должны ставить и решать конкретные задачи, осуществлять конкретные проекты. Если для решения конкретной задачи (например, проведения политической кампании) возникает необходимость в сотрудничестве, то НГО должны вступать в кратковременные тактические блоки на основе взаимного соглашения относительно важности данного проекта. Сотрудничать можно с кем угодно, лишь бы достигалась поставленная цель. Основным условием сотрудничества должна быть его кратковременность: блок создается только для осуществления действий, и единственный показатель успешности сотрудничества - успешность этих действий. В целях преодоления идеологии левых партий НГО должны отказаться от их традиционных атрибутов: иерархии членов, принципа представительства и ориентации на создание долговременного политического лейбла. Чтобы создать зону альтернативной политики, НГО должны прекратить игру в авторство, которую ведут истэблшментовские партии: они должны стать анонимными, т.е. невидимыми и оперативными. НГО должны забыть о стратегических задачах и долговременных проектах и строить свою работу

¹⁸⁶ Сверхдоходы от экспорта сырья равномерно рассасываются по «вспомогательным секторам», но их сокращение неминуемо приведет к увольнению большей части «офисного сословия». Призрак дефолта 1998 года, когда тысячи служащих в одночасье потеряли покой и заработок, до сих пор витает над «средним классом». То, что он едва ли не полным составом залез в ипотечные кредиты, придает сегодняшнему дню поистине «гантрическую» пикантность. Цитата из статьи: Шмидт С. Ювенильная лужа. Заметки о победившей в России молодежной революции (<http://www.russ.ru>, 23.10.2005): «Все знают, что рано или поздно «халява» закончится. И крушение нефтяных цен приведет к «секвестору московского образа жизни», что в первую очередь ударит по сотням тысяч молодых менеджеров, горделиво рассевшихся в евроремонтированных закутках многоофисного капитализма, а вместе с ними полетит в тартарары великолепно и креативно развитая инфраструктура молодежных развлечений. Но когда именно это произойдет - сейчас не рискнет предсказать никто. Пока же очевидно другое - в России произошло то, что только пыталось случиться на Западе в 1960-е. Молодежная революция, о необходимости которой так долго говорили все, кому не лень, свершилась. А теперь - дискотека! И это не метафора. Ибо есть еще одно, быть может, самое важное, хотя и редко обсуждаемое свидетельство победы молодежной революции - так называй клуббинг, или клубная субкультура. Молодежь завоевала или получила в подарок право на собственное «дионисийство», которого в нашем отечестве не было ни у одного из предшествующих поколений».

исключительно на основании тактики».¹⁸⁷ Автор приведенной цитаты нарочито смешивает политическую, гражданскую и социальную активность, но точно передает суть: гражданское действие, чтобы его смог разделить «космонавт» должно быть конкретным, анонимным (и, следовательно, с минимальной опасностью судебного или внесудебного преследования), тактическим, нон-иерархическим, прямым (то есть – таким, чтобы его трудно было апроприировать и записать на себя какому-либо институциональному игроку – политику, чиновнику и др.). От себя я бы добавил еще одно важное условие: действие должно давать эмоциональную разрядку, не быть обиденным. В своем логическом пределе подобный идеал НГО упирается в модель smart-mob'a, как «умной толпы», состоящих из лично не знакомых, но заочно договорившихся людей, которые в час Икс дают на ту или иную точку Системы и «сливаясь с пейзажем» затем.

И, наконец, последняя, наиболее проблематичная и малочисленная аудитория, которую я бы специально выделил, - это молодой гуманитарият (молодые публицисты, «люди искусства», ученые). Сущность культуротворчества - в непрерывном возобновлении усилия быть человеком, держать на весу нравственные и социальные законы, которые, в отличие от законов природы, сами по себе не держатся, искать и побуждать к поиску новых, более совершенных, свободных, человекообразных, гуманных отношений между людьми. Тот же импульс – в правозащите, если рассматривать ее не только как практику и вид сообщества, но и как идейно-ценностный комплекс, их мотивирующий.

Изменение социально-экономической структуры «культурного производства» повлекло за собой кризис и дезориентацию интеллектуалов. Куда ни шагни – Рубикон, сосущие нервы и кровь компромиссы. Казалось бы, список экологических ниш для гуманитарной деятельности количественно разросся. Есть выбор: наряду с государственной системой образования, науки и культуры появилось множество рыночных интеллектуальных профессий и новых культурных институций. Открылись границы (как государственные, так и междисциплинарные, парадигмальные). Через работу в зарубежных архивах, републикации дореволюционной литературы стремительно восполняются культурные дефициты. Регулярно проводятся книжные ярмарки, театральные фестивали, выставки современной живописи. Возникло множество специализированных издательств, журналов, галерей. Распространение Интернета раз и навсегда сняло проблему общественной презентации любой – даже откровенно сумасшедшей или дилетантской – «нетленки». Образовались субпространства элитарной и массовой, авангардной, маргинальной и традиционной, утопической и утилитарной культуры. Налицо разнообразие форм поддержки творческой активности, развивающей проекты модерна, постмодерна, контрмодерна: от «нацпроектов» и прочих разновидностей госзаказа до меценатства, института независимых литературных премий, международных научных фондов, зачатков корпоративных think tanks (группа «Северо-Запад» и др.) и проч. Созерцая этот впечатляющий прорыв, остается только порадоваться за молодой гуманитарият, которому выпало столько возможностей для полноценной самореализации. Правда, этот оптимизм – сдержанный, с оговорками, которые едва ли не перечеркивают ощутимые плюсы.

¹⁸⁷ Киреев О. Государство, демократия, информация и еще несколько важных понятий, которые нам предстоит снова пересмотреть // http://www.getto.ru/anarh/c_01.htm

Не буду (да и не смогу) анализировать «флору и фауну» интеллектуальной жизни в постсоветской России. Отмечу лишь те обстоятельства, что пробили брешь в ранее устойчивом альянсе гуманитарной интеллигенции и правозащитного сообщества. По возрастной, поколенческой границе размеры этой пробоины особенно заметны.

Первое. Молодой гуманитарист - свидетель краха идеологической конструкции просветительского абсолютизма, в которой «интеллигенция осознавала себя (и часто реально выступала) в качестве носителя всеобщей совести общества, в качестве его «всеобщего чувствилища», в котором сходятся все нити чувствования и критического самосознания остальных частей общественного организма, лишённого без нее и голоса, и слуха. Если широчайшие массы людей были исключены из монополии сознательно-критического выражения того, что реально происходит в обществе и в их собственном положении, из монополии умственного труда, то интеллигенция бралась представлять за них во имя «разума», «добра», «красоты», «истины вообще» и особенно «человека вообще».¹⁸⁸ Россию эта тенденция «догнала» со значительным опозданием, подарив «на закате» несколько публичных фигур мирового значения (А. Сахаров, Д. Лихачев, Ю. Лотман, Н. Эйдельман, М. Гелфтер, С. Аверинцев, М. Гаспаров, А. Солженицын), но деконструируя общественные условия, при которых это явление могло бы длиться. Сами «властители дум» и «совести нации» по-разному относились к общественной «нагрузке» на их интеллектуальное творчество, к необходимости соответствовать репутации нравственного авторитета и медиума коллективного разума. Кто-то воспринимал себя в этой роли совершенно органично, кто-то – откровенно ею тяготился и мучительно переживал общественное несовершенство, ищущего кумиров и отчуждающего от себя бремя самостоятельного духовного поиска. Наверное, это уже не важно, поскольку времена «поэтов, которые больше чем поэты» и ученых, которые больше функций идеологического сервиса, утилитарных и развлекательных потребностей масс, закончились.¹⁸⁹ Радоваться этому или нет, учитывая, что параллельно с исчезновением символической власти интеллигенции резко упал престиж гуманитарного знания, а сами гуманитарии «развелись» с публикой, ушли играть в бисер, заперлись в башнях из пожелтевшей слоновой кости и защебетали на сотнях «птичьих наречий»? Не знаю. Знаю только, что правозащитная парадигма 1960-1970-х была вписана в просветительский абсолютизм, питалась его верой в рационализацию и гуманизацию повседневности (а не только теоретического разума). Неформальные авторитеты из мира науки и искусства спасли не одну репутацию и жизнь, ставя подписи под открытыми письмами, публично поддерживая правозащитные инициативы.

¹⁸⁸ Мамардашвили М.К. Интеллигенция в современном обществе // <http://www.philosophy.ru/library/mmk/intelligencia.html>

¹⁸⁹ См. Ильницкий А. Гражданская миссия // журнал «Знамя», 2004, №3: «Элита гражданского общества. Ее просто нет. Как, повторю, нет, собственно, и самого общества. Не видно новых властителей дум - сахаровых, лихачевых, высококих и солженицыных. Совесть нации сегодня – «менты», агенты безопасности и прочие «бригады». Творческая интеллигенция не справилась с ролью духовных лидеров общества. Особенно ярко это заметно на примере литературного процесса. За последние 15 лет литература прошла путь превращения из идеологического ресурса КПСС, поля общественных битв времен перестройки в сугубо личное дело каждого /.../. Драматизм и насыщенность современной жизни делают сегодня такую литературу неактуальной и малотиражной. Современная российская проза пребывает в кризисе. Нет героев нашего времени, нет гражданских авторитетов, нет и общественных лидеров. Декабрьские выборы продемонстрировали острейший дефицит новых демократических лидеров — 12 лет тасуется одна и та же колода. Грустно, господа».

Второе. Кодекс интеллектуальной чести, порядочности, объективности (т.е. – в способности слышать разные мнения и аргументы) оказался в противоречии с новорусской «этикой профессионализма». Он никуда не исчез. Его смяла потребность современных интеллектуалов в «моральной анестезии», возникающей из конфликта идеалистических установок (мир миссии) и необходимости зарабатывать деньги (мир работы). Негласная договоренность на этот счет: творчество и «проза жизни» обречены пребывать в том же отношении, что и мухи с котлетами.¹⁹⁰ С годами разделение труда входит в привычку: один и тот же человек может писать статьи по «Философии поступка» Михаила Бахтина, сочинять пронзительные, «небоскрежные» стихи и шнырять по провинции с бригадой полевых политтехнологов, «кошмарящих» неугодного кандидата, управляющих «образами неправильного события» и т.д. В его картине мира нет места ученым, просветителям, пророкам, святым. Они – бельмо на глазу, живой укор, бередящее совесть и разум мемориальное сооружение. Правозащитники – под подозрением: за любовь к белым одеждам, дидактизм, исступленность, стоицизм. Отказ жить по двойным стандартам (одно – личные отношения, совсем другое – мир работы и публичности), сопротивление гравитационным полям капитала и власти, в той мере, в какой они угрожают свободе и достоинству человека, позиция активного потребителя, гражданина, самостоятельного субъекта социальных перемен – подобное поведение кажется нелепой претензией на возрождение героического диссидентского пафоса, «неврубившимся» в перемены романтизмом, арьергардными боями пачками вымирающей интеллигенции.

Впрочем, я, наверное, погорячился. Не все так уныло. Компромиссы доперестроечной эры были куда более абсурдными и жесткими (вспомните «Компромисс» Сергея Довлатова или «Гибель советского интеллигента» Аркадия Белинкова). Мало кто считает, что муки идентификации схожи «тогда» и «сейчас». И уж тем более никому не приходит в голову мерить себя через западную полемику по поводу известных эпизодов из биографии М. Хайдеггера, М. Элиаде, Э. Чорана, Э. Ионеску и др.¹⁹¹ Даже подобие такой «примерки»¹⁹² задевает только возрастную аудиторию. Она же в ужасе замирает над человеческой драмой поэтессы Татьяны Бек.¹⁹³ С молодыми проще: среди опрошенных мной знакомых, откликнувшихся на хорошо оплачиваемое предложение читать лекции «Нашим» (на Селигере, в провинциальных вузах), практически никто не ощущал перехода границы. Но compromise! В смысле – позиции успешного интеллектуала ныне растяжимы как нейлоновые колготки. Он неуловим подобно анекдотичному

¹⁹⁰ «Фактически соединение антимодернизационных установок с новейшей, супермодерной технологией (манипулятивной политтехнологией, технологией медиа, Интернета и т. д.) стала для новой интеллектуальной услуги заменой профессии, основанием для претензий на высокий статус, зарплату, образ жизни» - Дубин Б. Посторонние: власть, масса и массмедиа в современной России // Отечественные записки, 2005, № 6.

¹⁹¹ Дискуссия об ответственности интеллектуала за коллаборационизм с фашистской диктатурой не только не затихает, но и постоянно возвращается в центр общественного внимания европейской общественности (случай Гюнтера Грасса, Бенедикта XVI (Ратцингера) и др.). См. анализ Лэнель-Лавастин А., Чоран, Элиаде, Ионеску: Забытый фашизм. М. 2006.

¹⁹² См. дискуссию вокруг диссертационно-ЖЭЗЭЛовского «Пастернака» Дмитрия Быкова, легитимизирующего в биографии поэта стратегию «двух стульев» и попутно высмеивающим безрассудство «негнущихся» Цветаевой, Мандельштама и др.

¹⁹³ История с «письмом Туркменбаши» от поэтов Рейна, Синельникова, Шкляревского и редактора журнала «Знамя» С. Чупринина; см. Шохина В. Татьяна Бек не смогла оправиться от травли // <http://www.polit.ru/news/2005/02/08/bek4.popup.html>

Джо, которого никто не ловит. Есть даже некоторая бравада широтой «шпагата», позволяющего высказывать взаимоисключающие точки зрения, не становясь ни на одну из них, намекая на надмирное всевидение автора и его непринадлежность к «виварию лабораторных кроликов» (вовлеченных в социальную жизнь, занявших если не метафизическую, то хотя бы проектную мировоззренческую позицию). Недостижимый идеал – В.В. Розанов, печатавшийся в начале века под псевдонимами в газетах всех направлений и превыше всего ценивший в своем литературном даре то, что он «одиннадцать человек кормит».

Если не оценивать это кокетливое «покачивание бёдрами» в моральном ключе и обратить внимания на его сугубо практические последствия, то следует признать инструментализацию гуманитарного знания и его растущее отчуждение от «производителей». Современные «лирики» стараются избегать ассоциаций со своими антагонистами советских времен – «физиками» из ВПКашных «шарашек», ведущих научные разработки и предусмотрительно избегающих дискуссий о последствиях их применения. Насколько для них поучительна судьба академика Сахарова, создавшего водородную бомбу и посвятившего жизнь созданию обществ, в которых вероятность использования этого открытия близка к нулю? В праве ли мы ожидать пробуждение сахаровского типа рефлексии у гуманитариев, вручающих спонсорам и заказчикам «оружие» еще большего радиуса поражения (в глубину на несколько поколений)? Кто и как способен остановить циклы механизмов вытеснения, блокирующих в сознании молодых преподавателей, ученых, художников, публицистов проблему социальной ангажированности, «материальной проективности», исторической ответственности знания? Выбор темы диплома, диссертации, статьи или книги, выбор издателя и читателя – это ли не инвестиции в тот или иной образ будущего, форму общества, методы интеллектуального труда?

Перебрав в эссе лимит безапелляционных суждений, позволю себе еще одно. Ситуация с российскими гуманитарными науками, искусством, журналистикой и областями их прикладного действия ставит молодых гуманитариев перед «сцилло-харибдной» мировоззренческой дилеммой. Ее острота вовсе не в экспоненциальном росте конкурирующих школ, теорий, эстетических течений (к кому примкнуть, как зачать и «выносить своё?»). Большинство сносно оплачиваемых заказов (со стороны государства, корпораций, СМИ и др.) предполагают не приращение новых вопросов и нового знания, не движение в сторону временных или вечных истин и ценностей (свобода, справедливость, равенство, братство, права человека, «кантовская автономия совершеннолетних» и др.), а, напротив, производство технологий забвения, погружения в анабиоз, кастрации восставшего (критического) мышления. Успешная карьера при таком раскладе идет по сценарию найма с потрохами: либо интеллектуал сдает свои компетенции, встраиваясь в информационно-коммуникативные машины, генерирующие массовые гипнотические состояния (государственная пропаганда, реклама, маркетинг и PR), либо «подписывает пакт о ненападении», согласно которому он занимается чем угодно, кроме действительно актуальных, «занозных», «парализующих общественную жизнь» гуманитарных проблем, в то время как «заказчик» платит ему скромные отступные. Так возникают два наиболее распространенных типажа начинающего интеллектуала: «самозабвенно или цинично пишущий

в струю» (А. Чадаев, П. Данилин, М. Бударрагин, С. Шаргунов и др.) и «чемпион по письму в круглый стол» (гуманитарии, избравшие стратегии эзотерического, адресованного узкому кругу профессионалов, творчества). В обоих случаях не хочется «кидать в кого-либо камень». Моральный износ, кризисы мотивации сильны и там, и там.

Стратегия независимого интеллектуала (социального критика, вольного философа, публициста и др.) по-прежнему проблематична, несмотря на то, что пульс реальной интеллектуальной жизни заметно сместился за пределы академической среды и чаще всего бьется в редакциях журналов, крупных издательств, аналитических центрах. Иные «кухни» доросли до «салонов», но не дошли до «рынка» и «площадей». В стране есть гуманитарные кафедры и вузы мирового класса (РГГУ, Европейский университет, «Шанинка», ВШЭ и др.), есть интеллектуальные журналы и издательства, есть «взлетные площадки» для встреч молодых лидеров и интеллектуалов с ведущими аналитиками и экспертами мирового сообщества (Московская школа политических исследований, «Банские чтения», проводимые издательством НАО, ежегодные научные конференции и др.)... Есть действующие программы академических обменов (программы фондов Фулбрайта, Форда, TACIS, Гумбольдт-института и др.) и фестивальные площадки (Новый европейский фестиваль NET и др.)... Почему так рыхло, маловлиятельно и маргинализировано то поле, которое они генерируют? Почему научная, театральная, кинематографическая, музыкальная среда десятилетия спустя после распада СССР остается «интравертной и пассивной», «не желающей принимать участие в решении социальных и политических проблем общества»?¹⁹⁴ Какие проблемы страны в состоянии решить ученые или деятели искусства, если они не в состоянии изменить свою собственную, по их же признаниям, не слишком завидную участь?

Третье обстоятельство, объясняющее разрыв правозащиты с интеллектуальными слоями – падение «акций» рационалистического идеализма. Идеология прав человека попадает между молотом и наковальней «постмодернизации мировоззрения интеллектуальных элит» (гиперплюрализм, игровое восприятие реальности, мультикультурализм и др.) и «ростом ультраконсервативных настроений на улице» (фундаментализм, традиционализм, увлечение «самопальной мистикой» и «пара-науками»). Для первых правозащитники – это моральные ригористы («Ковалев») и «деклассированные интеллектуалы» («Новодворская»), для вторых – проводники нормативного хаоса («Ницше», нигилисты, вольнодумцы) и поощрители патологий (де Сады и Захер-Мазохи наших дней).

Мода на *realpolitik* стреножит удовлетворение и публичное выражение идеалистических потребностей (как наивно-романтических, неадекватных времени). Будущее навязчиво представляют как простую проекцию настоящего. В ходу агрессивный антиутопизм, оборачивающийся отсутствием интереса к смысложизненным вопросам, отсутствием воли к

¹⁹⁴ Особенность, названная Мэри Маколи, руководителем Московского представительства Фонда Форда в 1997-2002 годах, «наследием советского периода» и атипичным явлением для западного общества. См. Маколи М. Идея прав человека в мире и в России (письмо Игорю Аверкиеву) // <http://www.prpc.ru/reshr/lib.shtml>

преодолению сложившегося порядка вещей и отношений. Призывы уважать факты зачастую скрывают претензию на их монопольное конструирование.

Четвертое. Талантливая на экране, бумаге, холсте и партитуре российская гуманитарная интеллигенция по-прежнему фантастически, обезоруживающе бездарна по части институционального обеспечения своей собственной деятельности (защита прав сотрудников, разрешение текущих проблем «спора факультетов» и перманентного конфликта интересов студентов, аспирантов, ученых, преподавателей и администрации вузов, прозрачные правила конкуренции в борьбе за ресурсы, статусные и символические позиции). За годы советской власти, взявшей менеджмент культуры по крыло неусыпной партийной заботы, полностью атрофировались «мышцы», отвечающие не за изготовление шедевра, а за его серийное производство, публикацию, внедрение в жизнь. Монополия государства в сфере образования, культуры и науки была поколеблена в 1990-х. Сейчас наблюдается обратный процесс. Благо академические и образовательные институты сохранили централизованную и жестко иерархическую структуру (коммерческие вузы в целях выживания также идут в русле этой тенденции), ориентируются не столько на производство, сколько на воспроизводство знания, тоскуют в отсутствии внятного заказа на государственную идеологию. Если в Москве и Питере государственные вузы, НИИ, музеи, галереи, издательства, библиотеки откровенно проигрывают в борьбе за внимание публики новым культурным институциям (по части производства нового или «модного» знания), то в провинции за эти годы фактически ничего не изменилось (если не считать «роста котировок» традиционных религий и постепенное распространение практики совмещения преподавательской и специализированной активности у юристов, банковских служащих и др.). Молодым гуманитариям не остается ничего другого, кроме как идти на поклон к консервативной и сервильной научной, художественной, медиа-бюрократии.

Где бы то ни было успешная номенклатурная карьера строится на «не высываться» и «не выносить мусор из избы». Научная карьера, так же, как и чиновничья, требует от молодого ученого серьезных самоограничений и непрерывного воспроизведения знаков лояльности лицам, занявшим «командные высоты».¹⁹⁵ Одно из условий: предпочтение *scholarship – commitment*.¹⁹⁶ Академическое сословие в принципе равнодушно или снисходительно к профанам: и как к судьям, и как к заказчикам, и как к потребителям. Заработки на стороне – общий удел, но это не меняет их отнесенности к сфере «нечистого». Журналистов недолюбливают за «инфотеймент»,¹⁹⁷ экспертами называют «ссучившихся ученых»,¹⁹⁸

¹⁹⁵ В отношениях с научным руководителем, в стратегии цитирования, в ритуале защиты диссертации и др.

¹⁹⁶ «В умах большей части образованных людей, особенно тех, кто занимается общественными науками, присутствует дихотомия, которая мне представляется совершенно губительной: раскол между *scholarship* и *commitment*, между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто вступает в бой, вынося свои знания за пределы научного сообщества. Это противопоставление – искусственное. На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship*, для того, чтобы производить ангажированное, легитимно ангажированное знание, и вводить это знание в бой. Такое знание рождается только в ходе работы, подчиненной правилам научного сообщества» – Бурдые П. За ангажированное знание // <http://www.belintellectuals.com/library/book.php>

¹⁹⁷ «Инфотеймент» – журналистика, призванная не столько информировать или просвещать публику, сколько ее развлекать.

вышедшему на поверхность художественному концептуализму не могут простить коммерческого успеха и заигрывания с политическими структурами. Про так называемых «медиатических интеллектуалов» («эксперты по всему» в ТВ-программах) рассказывают анекдоты и не ставят ни в грош. Сотрудничество с правозащитными организациями так же расценивается как измена чистоте жанра и миссионерство. Не по идейным мотивам, а по «капиталистическим»: единственной заботой молодого ученого или артиста, «думающего о будущем» должно быть утоление «рефлекса бурундука» - скрупулезное пополнение символического капитала (списка публикаций, докладов на конференциях, персональных выставок и др.). Для этого настоятельно рекомендуется отойти на безопасное расстояние от «Цезаря и вьюги», сконцентрироваться на вечном, пестовать схоластический тип мышления (либрогенез: книги рождаются от книг; проблемы репрезентативности и проективности текстов не ставятся в принципе). Технические и экономические интеллектуалы худо-бедно связаны со средой - через отношения с заказчиками, производственную апробацию изобретений и т.п. Гуманитарии же свободны как ветер, то есть - не несут практически никакой ответственности (кроме бюрократической, измеряемой в количественных показателях - том же количестве печатных страниц) перед обществом.

Я, безусловно, все сильно утрирую. Правда и утрируя, высмеивая, взывая к сознательности, не могу не признать, что эти строки - все равно что таблетка аспирина простуженному бегемоту. Без толку напирать на этику, стыдить, проводить натянутые параллели между путинским авторитаризмом и тоталитаризмом эпохи Сталина. «Анны Политковские» есть и среди нынешних молодых журналистов, но никто не вправе требовать от них «политковской» смелости, правдолюбия, сострадания. «Новости» - это профессия. Хочется быть журналистом сейчас, а не после того, как «режим потеплеет». Лезть на рожон, когда у тебя ни имени, ни связей, ни уверенности в собственном таланте - удел героев. А героев много не бывает. Слава Богу, находятя те, что есть, а у общества хватает ума, чтобы приносить благодарность, ободривать, беречь, заступаться.

Речь ведь не о «сезонном наборе» молодых интеллектуалов на «проектные» работы по защите и продвижению прав, свобод, достоинства человека, а о системных, доверительных, к общим целям стянутых отношениях. Как и правозащитники, молодые интеллектуалы объективно заинтересованы в развитии нейтральной публичной сферы (в противовес государственной, коммерческой и частной), в расширении мыслящего слоя и образовании защищенных позиций для социальной критики, инновативных художественных практик, независимых ис(рас-)следований. Вряд ли их искренне возбуждает перспектива всю жизнь писать тексты ради улучшения статусных позиций внутри феодально устроенной «Академии». Вряд ли их устроит роль помыкаемого и бесправного сервисного слоя (придворные шуты, визири, рассказчики сказок на элитную ночь в гламурных журналах). И уж тем более сомнительна радость от ампулы «прослойки», переводящей «классам-экс-гегемонам» чего от них хочет просвещенная бюрократия, депутат с мандатом или Большой Брат с автоматом.

¹⁹⁸ Определение Виталия Найшуля.

Правозащитное сообщество заинтересовано в появлении гуманитария, решившего творить свой мир по гамбургскому счету. Никаких предварительных условий, «аннексий и контрибуций» по-брестски тут быть не может. В отличие от партий, номенклатуры, академического сообщества (точнее, его менеджеров) и распорядителей культурных фондов, правозащитникам на фиг не нужны присяги на верность и превращения себя в рупор (идеи, эстетической программы, институции и др.). Идеология прав человека никак не регламентирует содержание и векторы гуманитарного творчества. Она предполагает инакомыслие и стремление к лучшему миру ценностью самой по себе, вне зависимости от того, каким политическим, научным, эстетическим, богословским течениям оно релевантно.¹⁹⁹ Такая позиция созвучна исходным «космическим» установкам, трактующим мысль или символ не как прямую линию (мысль – следствие из догмы или аксиом), а как подвижное, паханное вдоль и поперек поле противоречий, между которыми шаровыми молниями мечутся разум, воображение, вера.

Отсутствие претензий на укрощение интеллектуалов и их многоходовый привод в Орден Подвязки к Идеологии Прав и Достоинства Человека – это сильное преимущество. Особенно если учесть остаточную аллергию на ленинский тезис о «партийности в литературе» (принудительная ангажированность Художника в тот или иной модернизационный проект; низведение его до роли прислуги, легитимизатора и дизайнера властных или оппозиционных политических практик). Даже правозащитники первой волны – люди, как правило, довольно консервативные (классические) и рационалистические (научные) по своим вкусам – поддерживают неоднозначные эстетические порывы и подозрительно относятся к доктринальным интеллектуалам. Тот же директор Музея и общественного центра им. Андрея Сахарова Юрий Самодуров, комментируя решение предоставить экспозиционные площади для выставки «Осторожно, религия!», признавался, что радикальное искусство далеко от его личных пристрастий и понимания высокого предназначения искусства, но... Сработал вольтеровский принцип «ненавижу ваши убеждения, но готов отдать жизнь, чтобы вы могли их проповедовать» (из статьи «Traite sur la Tolérance»). Сходная реакция правозащитного сообщества последовала на «шпионские процессы» против ученых, проект реформы образования через окончательную ликвидацию академической автономии, «случайные возгорания» книжного магазина «Фаланстер», ОМОНовские вторжения на публичные презентации в издательстве «Ультра.Культура», сжигание книг «шизоаналитика» Владимира Сорокина, дела поэтессы Алины Витухновской и Эдуарда Лимонова, запреты московских концертов группы «Ленинград» и прочие «олимпийские» инциденты.

Откуда берется моя уверенность в появлении (возрождении?) гуманитария, если под него «нет места»? И есть ли это место внутри содружества гражданских организаций, печально известных предпочтением людей поступка и черновой работы людям слова и мысли? На мой взгляд, именно сейчас, в ситуации откровенной девальвации смысла и сомнения в

¹⁹⁹ «Создавать в обществе альтернативу авторитаризму - пространство альтернативной информации, диалога, дискуссии, свободы, правды. Активно выступать по проблеме подавления инакомыслия» - Стратегические приоритеты развития правозащитного движения в России: результаты дискуссии на заключительном заседании конференции «Правозащитное движение сегодня: проблемы и перспективы» 21 декабря 2004 г., Москва. // www.hro.org, 22.12.2004

результативности коллективного действия, спрос на интеллектуалов в активистской среде будет расти. Причина тут даже не в тургеневской эстафете «Дон Кихотов» и «Гамлетов»,²⁰⁰ а во внутренних закономерностях развития третьего сектора. Его активисты видят жизнь в самых немислимых разрезах, получают рассыпающиеся охапки впечатлений... У них есть запрос на рефлексию и генерализацию этого опыта, но нет соответствующей гуманитарной подготовки, чтобы его переварить (что, впрочем, редко кем признается). В текстах, выложенных на книжной ярмарке в ВВЦ или в ЦДХ на Non fiction, они не найдут своих отражений (книг, написанных ими, для них, о них). Не припомню, чтобы героем какого-либо бестселлера был молодой волонтер из пермского или рязанского «Мемориала», антифашист из Молодежной Сети против расизма и нетерпимости, юрист из Межрегиональной Ассоциации правозащитных организаций «Агора». Там есть щемящие душу истории про современных «байронов», регистрирующих каждый бульк своего подсознания, есть саги о силовых предпринимателях, армейских «дедах и салагах», дальнбойщиках, проститутках... И ничего, что дало бы пищу для размышления «энкаошников» или показало, как выглядит повседневность с высоты их воробьиных полетов. Между тем, в сумме они - один из самых заметных, сплоченных и живописных социальных классов. Если не соль земли, так уж соль воды, огня или воздуха - точно.

Вряд ли следует ожидать от гуманитарията прямого, постоянного участия в повседневной работе правозащитных НПО²⁰¹ или выражения публичной солидарности с практикой и судьбой гражданских движений. Однако если этот слой интеллектуалов реализует себя в своем непосредственном качестве – образца мысли, прямохождения, цивилизованности, памяти, если ему удастся возобновить диалог с личностью, минуя ангажированность последней различными эгоистическими социальными ансамблями (масса, нация, корпорация и др.), то вызванные этим «атмосферные явления» в состоянии изменить общий климат в стране, облегчить взаимопонимание между правозащитной активностью профессионалов гражданского влияния, неформальной деятельностью граждан, чьи права или интересы оказались нарушены или

²⁰⁰ «Есть, скажем, тургеневская оценка цикла между поколениями, между «дон кихотами» и «гамлетами», где определенные русские поколения становятся «гамлетами» в том смысле, что они уходят в размышления. Они активны в мысли, но не в действиях. А есть другие, в которых все наоборот, и которые циклически заступают на место первых. В этом смысле декабристы, конечно, выступали для него в роли «дон кихотов», а период после декабристов — это время «гамлетов», время, когда каждый образованный русский старался читать Фихте или что-то в этом духе» - Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // www.polit.ru, 24.03.2005

²⁰¹ Реальные интеллектуальные потребности активистов правозащитных организаций далеко не всегда корреспондируют с исследовательскими программами ученых (даже если исследования и какой-либо прикладной проект финансируются одним и тем же фондом с расчетом на кооперацию) или же форма «упаковки» полученного знания делает проблематичным его практическое применение.

ущемлены и обществом в целом.²⁰² Чтобы это произошло, одних только интеллектуальных компетенций (эрудиции, методологии, дара речи и др.) недостаточно. Бессмертная Фаина Георгиевна Раневская из всех, сказанных ей комплиментов, до самой смерти выделяла один, сделанный шофером-таксистом: «Молодец, Фаина, ни разу не сговнялась!». «Быть бессмертным», не опустить планку, следовать гуманитарному призванию сейчас не менее сложно. Нельзя этого требовать. Нельзя этого не ждать.

Х. ХИППИ ЭНД. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ, ПРЯМЫЕ

От молодых претендентов на ведущие позиции в журналистике, науке и артистическом бомонде логичен «проброс шайбы» в менее респектабельную, но куда более населенную, гремучую зону молодежных субкультурных пространств - их фольклорной стихии, стилевых различий, коммуникативных перекрестков и др. Но прежде чем приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки, придется совершить затяжной «вираж» в сторону и разобраться с очевидной (и потому - вдвойне подозрительной) инерцией мышления,²⁰³ побуждающей искать союзников именно в этой, «ушельской» среде.

Визуально выраженная инаковость, отрицание власти нивелирующей массовой культуры, критическое (не обязательно нигилистическое) отношение к доминирующим нормам и сотворение своего «социального тела» (группы, «пантеона героев», символики) по каким-то иным, самостоятельно найденным и обкатываемым в повседневной жизни правилам – достаточно ли этих признаков, чтобы констатировать незримую связь между правозащитной (и – шире - гражданской) активностью и нонконформистским пафосом «ушельца»? Является ли чистым

²⁰² Этот косвенный вклад мог бы сыграть свою роль в распространении гуманистической парадигмы правозащитного движения, возникающей в виде реакции на патовый клинч «диссидентских консерваторов» («борцы с тоталитаризмом», политизированная правозащита) и «правозащитных модернистов» («профессионалы гражданского влияния»). В случае усиления гуманитарной составляющей «на первый план в концепции прав человека выступают такие понятия, как Достоинство, Человеколюбие, Солидарность, Самоценность человеческой личности, а сами права человека становятся гарантией человеческого в человеке, его видовой определенности. Правозащитник не столько добивается свободы и свобод, сколько оказывает помощь, противодействует произволу, помогает человеку остаться человеком во враждебном негуманном обществе» - Аверкиев И. О «диссидентском консерватизме» и «правозащитном модернизме» (тезисы) // http://www.prpc.ru/library/civ_10/index.shtml.

²⁰³ Правозащитников старшего поколения влечет невольный поиск аналогий с периодом возникновения правозащитных организаций из «бульона» диссидентской неофициальной культуры. Несколько иначе мотивирован интерес к неформальным молодежным течениям со стороны политических и квазиполитических объединений: здесь на первый план выходит обсуждение возможностей абсорбции и мобилизации субкультур на политические цели. Причин тому несколько: а) неформалы «бросаются в глаза»; их отличие – это и провокация-вызов, и знак готовности отстаивать свою идентичность; б) молодежные субкультуры – это «полуфабрикатные», «газообразные» социальные состояния, создающие иллюзию допустимости их быстрого превращения в более твердые формы (направленные социальные потоки, кристаллические решетки организаций); в) субкультурные практики отстраиваются через проблематизацию или отрицание господствующих социальных норм, что парадоксальным образом открывает для бунтарей забытые смыслы и резоны, некогда в эти нормы вложенные.

недоразумением нынешнее «непересекание» правозащитных полей с молодежными тусовками, колышущимися вокруг культовых музыкальных стилей и групп (растаманы, рэперы, рейверы, панки и др.), технических изобретений (геймеры, хэзеры и др.), литературных и кинематографических произведений (ролевики, готы), хобби, экстремальных видов спорта и туризма (черные археологи, следопыты, поисковики, диггеры, спелеологи и др.), способов знакового присвоения территории (граффитти, муральи²⁰⁴ и др.)?

Приглядевшись, практически в каждом из этих суб-культ-аморфных сообществ легко различить те или иные элементы правозащитной идеологии, обостренное чувство собственного достоинства, сопротивление принудительной унификации. Культура *раста* (растафари, реггей – «Эфиопия в Эрефии»), будучи по истокам «синкретическим афро-христианским культом»,²⁰⁵ отраженным в ритуальных песнопениях жителей Ямайки и гении Боба Марли, проповедует пацифизм, активное ненасилие, толерантность и сентиментальную гармонию с миром. *Байкеры* или *автостоппики* – чем не ходячая («ездючая») иллюстрация к праву на свободу передвижения? Или *хэзеры* (идейные хакеры; не путать с компьютерными урками, взломщиками, сочинителями вирусов и спама) – как специфически понятое право на свободу распространения информации? Про *рокеров* и говорить нечего: рок-н-ролл, как стаю перелетных птиц, инстинкт и супротив воли ведет к архетипическому Востоку-Вудстоку, антивоенным выступлениям против войны во Вьетнаме, движениям за равные гражданские права, молодежным протестам против расовой, религиозной, возрастной, гендерной дискриминации.

Раз так, правозащитникам, чтобы «наводить мосты» между собой и сообществами «ушельцев», следует чуть более настойчиво акцентировать внимание на ценностной близости, искать точки резонанса, апеллировать к исторической памяти молодежных стилей... Стоп! Давайте притормозим хлынувший поток свободных ассоциаций и сделаем обещанный «вираж». Без него на трассы современных «ушельцев» не вырулить.

«Что расшатало советский тоталитаризм? Кто преодолел наследие Сталина, прочитывавшего без устали по 600 страниц за день? Чье вступление на социальную арену дало обратный ход стахановскому энтузиазму? От кого зависело, что прекратится возведение грандиозных гидроэлектростанций и рытье каналов, что сократится объем принудительного лагерного труда? Когда я ищу ответ на эти вопросы, в голову мне приходят байдарочники и альпинисты, собиратели икон, бороздившие северные окраины Новгородской Руси, сбивающиеся в стаи алкоголики, *gangs* и молодежные компании (*peer-groups*) шестидесятых, джазисты и их почитатели, ценители подпольной литературы, которых притягивали к себе в Москве Юрий Мамлеев, а в Питере Сэнди Конрад (Кондратов), и все те, кто обратил свои силы на организацию досуга и на активность, не считавшуюся государством трудовой», - этой шуткой профессор Констанцкого университета Игорь П. Смирнов начинает главу о

²⁰⁴ Muraglio (ит.), murals (ирланд.) – политическая или субполитическая (антифашистская, пацифистская, мемориальная и др.) настенная живопись, призывающая к коллективному действию, напоминающая о тех или иных эпизодах социальной борьбы, продвигающих альтернативные идеи и

т.д.

²⁰⁵ См. эпохальная статья Н. Сосновского «Покидая Вавилон» - <http://www.zabriski.ru/rasta.html>

«микрореволюциях, или трактат о неформальных коллективах» в книге «Социософия революции».²⁰⁶ С его точки зрения, советскую государственность расшатало политическое недеяние, скрытый саботаж и абсентеизм, уход в частную жизнь и создание сотен неформальных сообществ, «переосновывающих мир» на свой вкус и лад без претензий на духовное владычество и присвоение власти.

«Тоталитарное государство, вознаграждавшее подданных в той мере, в какой они приносили себя в жертву ему на трудовых постах, обрело системность как гигантский рабочий трудовой лагерь»²⁰⁷. В ситуации, когда за пределами государства не было и быть не могло никакой «работы», «профессии», «карьеры», когда труд приравнивался к общественному долгу, преследовал внеэкономические цели и по сути являлся ритуалом верноподданнической присяги, любая «автопоэзийность» (от самиздата до фарцовки), даже отдаленно не напоминавшая гражданский протест, чохом приравнивалась к политическому преступлению. Даниэля с Синявским судили как «антисоветчиков», Иосифа Бродского – как «тунеядца». Последний на вопрос судьи «кто дал вам право называть себя поэтом?» отвечал «я думаю, это от Бога», то есть – посягал на «святая святых» советской власти: функцию номинации, определения цены и общественной полезности труда. Не стоило путать хобби с работой, а Бога – с министром народного хозяйства.

Диссидентское движение в СССР началось с отказа людей идентифицировать себя и других по «тарифной сетке», нахождению в тушью расчерченных фазах жизненного цикла советского человека (октябренок, пионер, комсомолец, коммунист), социальному статусу и предписанным ролям.²⁰⁸ «Отказ» еще не означал диссидентства как такового, то есть – осознанного, принципиального, публичного противостояния тоталитарной модели государства. Убежденными диссидентами становились единицы. Большинство же, платя положенную дань плановой системе труда и потребления, обходилось без чреватой санкциями гражданской фронды. Круга понимающих с полуслова, разделяющих общее увлечение и поведенческий код было достаточно, чтобы чувствовать себя если и не свободно, то вполне сносно. «Мигрирующие» публичные пространства – кухни, экспедиционные, дачные и туристические костры, творческие мастерские, клубы, литературные кружки, домашние семинары – служили очагом и пристанищем инакомыслия.²⁰⁹ Правозащита была лишь одной из его разновидностей. Далеко не все диссиденты являлись правозащитниками и разделяли принципы правозащитных групп (апелляции к соблюдению советского законодательства, гласность, отказ от насилия и политических требований). Однако любой правозащитник по определению был диссидентом (несогласным). Довольно часто гражданское инакомыслие

²⁰⁶ Смирнов И.П. Социософия революции. СПб. 2004, С. 353-354.

²⁰⁷ Смирнов И.П. там же, С. 355.

²⁰⁸ Официальные статусы и роли не показывали «кто есть кто» на самом деле; в СССР были кандидаты наук с мировым именем и академики с отсутствием такового, членство в Совпесе стало со временем синонимом писательской бездарности... Реальную «цену» авторского текста определял «черный рынок», присутствие в самиздате, неформальный авторитет и степень «социального магнетизма» (количество друзей).

²⁰⁹ Наряду с проявлениями элитарной (интеллектуальной) публичности следовало бы упомянуть сотни низовых форм, относящихся к «инакодействию» (политические анекдоты, черный рынок дефицитных товаров, подпольные занятия каратэ и йогой, коллекционирование и др.).

выступало следствием репрессивного давления на свободу этического, эстетического или научного поиска, а также фрустрацией, возникающей из невозможности легально опубликовать его результаты (отсюда – феномен самиздата и тамиздата, «бульдозерная выставка»²¹⁰, филигранная редполитика толстых журналов на грани разрешенного и табуированного, развитая культура эзопова слова в новостных СМИ и т.д.).

Отношения «Культуры Два» («андеграунд», «неофициальная культура»), *диссидентского движения* и *правозащитного сообщества* ни в коем случае нельзя представлять в архитектурной логике зиккурата (одно – платформа для другого): мол, значение независимых авторских культурных стратегий и неформальных творческих объединений исчерпывалось тем, что они своей альтернативной энергией подпитывали диссидентское движение, наиболее зрелым, организованным, идейно продвинутым проявлением которого были правозащитные группы. Скорее наоборот: стремление к культурной автономии (в производстве, потреблении и распространении информации, неконтролируемом обороте художественных ценностей, нелитированных песен и др.) предшествовало гражданской рефлексии и эмансипации. Вне образования независимых публичных сцен и субкультурных моделей поведения²¹¹ правозащита как социогуманитарная и правовая миссия была бы невозможна; она бы сохлась, лишившись своей «влаги, почвы и удобрений» («когда б вы знали из какого сора...» уместно и здесь). Александр Даниэль указывает на это в статье «Истоки и корни диссидентской активности в СССР»: «Гораздо более серьезную роль в становлении инакомыслия сыграло этическое и эстетическое неприятие режима, складывавшееся в послевоенный период и, как правило, не оформлявшееся никакими политическими и идеологическими клише. Новое мировоззрение рождалось в той же среде, что и подпольные группы; но центрами кристаллизации этого мировоззрения были не конспирированные кружки, а стихийно складывавшиеся студенческие компании. И признаком принадлежности к этим компаниям были не конспектирование «Государства и революции», а литературные предпочтения: «своего» отличали от «чужого» не по политическим взглядам, а по отношению к запрещенным или полузапретным поэтам: Ахматовой, Пастернаку, Гумилеву и т.д. Отношение к официозу выражалось не столько в прямой полемике с ним, сколько в отторжении от него, скепсисе, осторожных шутках, интересе к иным философским системам (например, к эзотерическому знанию). Если же прямая полемика и возникала, то она чаще всего принимала художественную форму. Это, разумеется, не гарантировало от ареста в случае, если вольнодумные литературные упражнения становились известными госбезопасности: так случилось с Аркадием Белинковым, Наумом Коржавиным, Даниилом Андреевым,

²¹⁰ 15 сентября 1974 года выставку московских художников-нонконформистов на пустыре у станции метро «Беляево» власти разогнали с помощью бульдозеров.

²¹¹ Репрессиям подвергались не столько инновационные эстетические практики, сколько то, что их авторы и потребители нарушали гласные и негласные нормы поведения советского общества (обход цензуры, оборот культурных ценностей вне опосредования официальными учреждениями, нарушения канона поведения на сцене, дрейф в русле «буржуазных» теорий и эстетических течений, сотрудничество с западными СМИ, издательствами, галереями и др.).

Борисом Чичибабиным и некоторыми другими молодыми литераторами, ставшими впоследствии авторами Самиздата».²¹²

Связь правозащитников первой волны с литературно-поэтическим и художественно-артистическим нонконформизмом, миром авторской песни (Б. Окуджава, А. Галич, Ю. Ким, В. Высоцкий и др.), дискуссионными клубами и гуманитарно-научными кружками 60-70-х годов проявлялась не только в личных дружеских отношениях между людьми, входившими в эти среды. У них были сходные биографии (читательский кругозор, уровень образования, принадлежность к либеральным интеллигентским кругам и др.) и проблемы социализации (границы компромиссов с совестью, конфликты между логикой профессиональной состоятельности и механизмами подтверждения лояльности (партийной, осведомители КГБ), инкорпорированными в университеты, НИИ, академгородки, киностудии и др.). Не случайно история правозащиты началась с протестов по поводу судебных, психиатрических, «спецслужбистских» преследований авторов, самим фактом свободного, «нелегального» (не по лекалам) творчества оспаривавших символическую власть кураторов советской науки и культуры. Фактически, речь шла о самозащите и обереге архипелага дружеских связей («массы пересекающихся множеств» - Н. Горбаневская), о сопротивлении незаконным задержаниям, арестам, увольнениям, давлению на близких родственников, товарищей, коллег и тех лично не знакомых людей, которые проявляли свою интеллектуальную независимость.

Андрей Сахаров, Юлий Даниэль (Николай Аржак), Юрий Орлов, Владимир Буковский, Юрий Галансков, Сергей Есенин-Вольпин, Андрей Амальрик, Григорий Померанц, Сергей Ковалев, Лариса Богораз и другие сталкеры правозащиты «в миру» были писателями, поэтами, учеными, философами. Их высокая репутация в академической и художественно-гуманитарной среде косвенно способствовала популяризации правозащитных идей, придавало ранней правозащите черты не только собственно правовой, но и в широком смысле социогуманитарной (нравственной, научной, эстетической, религиозной) миссии. Чтобы сбить пафос, вспомню бородатый анекдот. Армянское радио спрашивали: «Правда ли, что Петр Ильич Чайковский был гомосексуалистом?». Радио отвечало: «Правда. Но мы его любим не только за это». Так вот, правозащитников первой волны было за что уважать, помимо общественной деятельности. Многие из них, как А. Сахаров или А. Рогинский, пришли к идеологии прав и достоинства человека не только через нравственные реакции на государственную жестокость, «церберство» и несправедливость. Отчасти это было следствием нового типа интеллектуального поведения внутри своих

²¹² Даниэль А. Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас, 2002, № 1 (21).

профессиональных корпораций и нетрадиционных для советского общества стратегиях профессионального успеха.²¹³

Несколько туманнее связь правозащиты с более поздними (70-80-е гг.) субкультурными образованиями (молодежными – в том числе). «Совокрылый» знаток Борис Бурда возводит генеалогию постсоветского гражданского общества именно к ним: «Большинство активистов современных неправительственных организаций мало знают об истории третьего сектора, разве что по графикам университета Джона Хопкинса. Но у американских NGO – своя история. Нашим общественным организациям «проторили дорогу» клубы авторской песни, молодежные кафе, клубы любителей фантастики, рок-клубы, экологические дружины, турклубы. Те, кому власти тогда позволили «высунуться». Те, кто сумел в затхлой атмосфере позднего тоталитаризма создать «островки свободы» с иными отношениями, иными нравственными ориентирами. Все те, кого потом, в начале перестройки, стали называть «неформалами» (не путать с тусовками юных любителей рваных джинсов и различных музыкальных течений).²¹⁴

Десятки самодеятельных рок-групп и «Система» (городские тусовки, путешествия автостопом с «зависанием на флэтах», «квартирные джем-сейшены», рок-самиздат, обмен ремесленными артефактами и музыкальными записями (магнитиздат)), ассоциации клубов «Что? Где? Когда?» и КВН, актерские и студенческие «капустники», свыше 400 киноклубов, всеми правдами и неправдами добывающихся просмотра фильмов, застрявших в прокате (Тарковский, Бертолуччи, Годар, Трюффо, Бюнуэль и др.), разнообразие литературные студии и художественные союзы, подпольные секции каратэ, айкидо и йоги, и, наконец, уличные ватаги «юных любителей рваных джинсов», несправедливо исключенных Борисом Бурдой из списка «носителей альтернативных отношений и нравственных ориентиров»... Все эти знаки интеллектуальной независимости и самоуправления, на мой взгляд, внесли свою лепту в либерализацию и демократизацию страны, но имели весьма опосредованное отношение к диссидентству и к правозащите тем более.

На миг попробуйте представить коммунальную московскую кухню, где Сахаров с Анатолием Зверевым и Игорем Холиным подливают чай обнявшимся Солженицыну, Тимуре Новикову и Щаранскому с Шафаревичем, где Башлачев с Галичем и Кимом поют песню на стихи Роальда Манделштама под аккомпанемент Сиды Вишеза, Гилмора, Юрия Визбора, Кронида Любарского и Валерия Абрамкина (на ударных, где ж еще?); где Эрик Булатов показывает «Русское поле» о. Глебу Якунину, теологам Григорию Померанцу и Евгению Барабанову, а в углу хор евангельских христиан-баптистов, Майка Науменко, «King Crimson» и Джерри Рубина под дирижерскую палицу Д.А. Пригова кричит кикиморами,

²¹³ Публикация произведений в самиздате и за рубежом, ориентация на признание непосредственных потребителей (дружеского круга) означала смену референтной группы; официальной элите (академия, союз писателей, композиторов, художников и др.) отказывали в праве считаться источником адекватной оценки культурной ценности произведений; альтернативные культурные сцены давали прямую связь с читательской, зрительской, слушательской аудиторией, чьи интеллектуальные запросы выходили за рамки «государственного культурного поля». См. подробнее главу «Критерии и стратегии успеха» в книге Михаила Берга. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. 2000.

²¹⁴ Борис Бурда. Клубы 80-х и 90-х: сходство и различие // <http://www.bard.ru/article/17/01.htm>

мешая медитировать медгерменевтам, «Поп-механике» и Кагарлицкому с Якиром. За дверью Вознесенский, Стас Намин и Павловский «периода поисков и размышлений» набиваются на интервью Карлу Профферу и Севе Новгородцеву. В чулане между тем пахнут типографской краской «Хроника текущих событий», «Метрополь», «Синтаксис», «Часы», КАСовская «Община» и «Рокси» с «Урлайтом»... Представили? Вы, часом, не Илья Глазунов? Уверены - картину маслом не испортишь?

Не подлежит сомнению, что часть организаций, ставших оселками постсоветского гражданского общества возникли из «серой зоны» полуразрешенной культуротворческой активности: передачи «Что? Где? Когда?» и КВН шли в прайм-тайм по ТВ (являясь «витриной» для одноименных массовых студенческих игровых ассоциаций), КСП и литстудии открывались при ДК и университетах, ленинградский рок-клуб родился при отеческом попечительстве КГБ, порождающими средами экологического движения выступали легальные государственные институции (биологические, почвенные, географические факультеты вузов, НИИ и др.). Однако за пределами этого «режимного либерализма» оставалось множество протополитических, правозащитных, религиозных, национальных, субкультурных групп и сообществ. Их диссидентство было вынужденным, поскольку «зона оффсайда» зависела от прихоти левой ноги сумасбродных арбитров и менялась быстрее, чем о ней успевали узнать «игроки». Разрешенное в Прибалтике аукалось выговором в Москве, строго каралось в Костроме, а в Средней Азии осуждалось раньше, чем успевало созреть. Те же правозащитники, за редкими исключениями, попервой были настроены на переговоры с властями и рассчитывали на «советскость» последних, имея в виду простое внимание к советам. «Соблюдайте собственную Конституцию!» при всем желании не списать на призыв к изменению строя. Львиная доля диссидентов, несмотря на репрессии, оставались лояльными гражданами, «ревизионистами» более красными, чем Генсек. Они поверили в XX съезд. Их возмущали отклонения от «заветов Ильича» и несовпадение государственных деклараций реальной фактуре жизни.²¹⁵ «Улучшить хозрасчет», «социализм с человеческим лицом», «конвергенция систем», «реабилитация репрессированных», «разоблачение культа личности», соблюдение норм международного права, плюрализм мнений... Какое из этих шестидесятнических изобретений хищно угрожало Системе? Зачем потребовалось выгаливать наиболее честную, думающую, шептунную и равнодушную часть поколения во внутреннюю и внешнюю эмиграцию, муржить в Матросской тишине, Бутырках и Кащенко?

«Кто творил для себя, вырастая в онтолога микрорайонных масштабов, кто углубленно изучал философские проблемы нигерийской гляциологии, а кто становился первейшим знатоком прогулок русских мыслителей. И так – десятилетия. Маленькая собачка до старости щенков. Мы

²¹⁵ См. различие позиций «ревизионизма» и «диссидентства»: «Ревизионизм умирает, зарождается движение диссидентов. Диссидент это, по латыни, человек, который присел сбоку, человек, который отошел. Это уже не ревизионистская работа в рамках устава, это вероотступничество. Отступничество, отвергающее не все каноны, а лишь только некоторые. Я помню оккупационную забастовку студентов Варшавского университета - ведь именно на то время приходится основной всплеск диссидентства - когда, подстраховываясь тросами и заручившись помощью коллег-альпинистов, мы писали на фронте «Социализм - это не дубинки». Что это значит? Что мы соглашались со строем, но не с методами. Это было кредо диссидента» - Карпинский. Поцелуй вампира // www.hro.org

не сломались и не исподличались. Но мы – не выросли. Мы – мичуринская карликовая порода» - это горькое признание математика, философа, переводчика джойсовского «Улисса» Сергея Хоружего²¹⁶ - одна из наиболее точных эпитафий шестидесятникам. Слишком высока была цена чести и достоинства в бесчестных и не достойных человека обстоятельствах. Платить эту цену *всю жизнь* оказалось многим не по карману. Но попробовать - пробовали. И мучительно переживали собственную неплатежеспособность, когда обнаруживали, что взятые на себя естественные обязательства (профессиональные, семейные, дружеские) поглощают не только часть времени, но практически Все Время, что засыпать приходится, не приходя в сознание, что общество победившего социализма ежедневно заряжает людей-молекул в имитацию работы, а досуг - в сотни одинаковых очередей (за продуктами, одеждой, билетами, книгами...). Исключение составляли дети и молодежь, которым делались скидки и поблажки в расчете на шлифующие эффекты дальнейшей социализации. Потому - не случайно поэтика свободы и независимости в СССР так часто выражалась в демонстративном отказе покидать «территорию юности», маскировалась под «детский лепет» (линия от обэриутов, детских писателей и художников-примитивистов до сознательной проповеди инфантильности как способа легитимизации андеграунда - митьки, «дети цветов» и др.) и «кружкообразность» (принятие условий роста Гуимплена в расчете компенсировать дистрофию социального тела офигительно насыщенной жизнью духа в тесном, насквозь прокуренном кругу).

Расхождения правозащитного движения и неписаных правил про-, анти-, постсоветских молодежных субкультурных сред как были, так, увы, и остаются принципиальными. Предложу свою версию «нестыковки», отталкиваясь от сравнения социальных эффектов, порождаемых молодежными субкультурами на Западе и в России (Советском Союзе). То есть – меня будут интересовать не субкультуры «в собственном соку», а то, как они влияют на общественное поведение и его неписанные конвенции, развитие каких личностных и групповых качеств поощряют у своих сторонников и т.д.

«Классические» европейские и американские субкультуры, эмблематически стянутые в «миф о студенческой революции 1968-го года», были инвариантами реагирования на проблемы поколения «икс» и кружили вокруг темы «психоисторических перемен», при которых переделке подлежало не столько институциональное, сколько поведенческое и ментальное измерение общественной жизни («менять не мир, а отношение к миру», «смысл революции не в смене управления, а в преображении самого человека», «нужно изменить психогеографию личного окружения»). Все вроде бы осталось на своих местах (капитал, государство, полиция, армия, тюрьма и др.), но люди, их экзистенциальные практики (гигиена, сексуальность и контрацепция, психотехника, отношение к собственности и зоне приватности...) и ежедневные касания (быт, совместный досуг, этикет), самовосприятие и нормы обычного, неписанного права едва ли не в одночасье стали другими. Повседневность прошла через сотни самозванных «ревизионных комиссий» (малых групп, ставивших какой-либо фрагмент реальности под вопрос), просеялась сквозь сита тысяч критических языков.

²¹⁶ Хоружий С.С. Зона (статья памяти философа Игоря Серафимовича Алексева) // Деятельностная концепция познания и реальности. М. 1995 // <http://www.lebed.com/2005/art4338.htm>

Часть совершенных открытий была позже отбракована обществом и повзрослевшими «субкультуристами», часть – вошла в золотой фонд.

Революционно настроенные западные интеллектуалы склонны бичевать «отступничество» харизматических лидеров 68-го года (Даниэль Кон-Бендит, Режи Дебре, добрая дюжина художников и активистов Ситуационистского Интернационала, фронтмены легендарных рок-групп и др.); те, мол, тихой сапой вписались в истеблишмент, предали блаженные идеалы молодости и сотни тысяч сверстников, поверивших в близость другого мира. В способности капиталистической системы абсорбировать, канализировать и перенаправлять протестные движения ими видится нечто дьявольски коварное и непролазное как беловежские или баскервильские топи. И впрямь - на месте безбашенных Аллена Гинзберга, Кена Кизи, Нормана Мейлера, Боба Дилана, Жана-Люка Годара, «психодельного» Тимоти Лири и кошмарных «Уизерменов» воцарились добродушные симулянты - MTV-клоуны, эксплуатирующие «коды протестной музыки» (под громкое рычание и дружеское ржание рождаются на свет Red Hot Chili Peppers, Chemical Brothers etc), делающие прибыли на слепой агрессии и неудовлетворенности низов, которые по-прежнему хотят, но по-настоящему не могут. Как еще недавно пел Джорджио Габер в песне «Qualcuno era comunista» («Кто-то был коммунистом»): «Revoluzione? Oggi? No. Domani? Forse. Ma dopo domani – sicuramente» («Революция? Сегодня – нет. Завтра? Быть может. Послезавтра? Это уж как пить дать»).

Но... В лидерах ли дело? Они сполна (кто жизнью, кто здоровьем, кто «счастьем в личной жизни») расплатились за свои либертарные эскапады и мечты о нерепрессивном обществе. Роковой границей для суб- и контркультур оказался... возраст. «Олдовый» хиппи выглядит жалко и нелепо. Старый панк? Смешно, да и не бывает. Алхимик психоделической революции? Чем он отличается от сморщенного как гриб, несчастного «торчка» в подворотне? Певец раскрепощенного либидо? В логическом пределе это «порнозвезд» Рокко Зигфредди или «хастлер» Ларри Флинт, а не Джим Мориссон с Гербертом Маркузе.

Значит ли это, что «революция 1968 года» – одноразовый праздник непослушания, не оставивший никаких последствий, кроме пляски электрогитарных риффов, феномена тусовки, джинсов, волос, перетянутых кожаными ремешками, бисерных фенечек и пригоршни преданий о золотых 60-х? Нет, конечно. Революция победила по всем заявленным статьям. Таковых, как минимум, три.

Первая. Относительная эмансипация личного поведения (от власти, общественного мнения, равняющих строй институтов). За индивидом и юридически, и на уровне нравственных устоев признано право распоряжаться и «вилять» своим физическим, психическим, социальным телом. Он волен создавать любые сообщества. Его внешний вид и манера поведения регламентируются уже не столь строго (особенно – вне работы). Ослаблены гендерные стереотипы. Допускаются гражданские браки. Спустя годы подобные вещи кажутся сущей ерундой, если забыть, что за ними стояло. Те же длинные волосы – что за цель, чтобы ломать копыя со стульями? Но - вспомним Эбби Хоффмана: «Было кое-что такое, что делало Ист-Сайд непохожим на все прежние эксперименты: длинные волосы. О-о-о,

они так много значили тогда. Во-первых, отращивать их надо было полгода, а то и год, чтобы получился настоящий буйный хайр. Это означало решимость, это было совсем не то, что быть радикалом по выходным, раз в месяц отправляясь на демонстрации за мир или собирая средства в разные там фонды. В движении за гражданские права многие участники отдавали своим убеждениям много времени и энергии, но эти убеждения не определяли их каждодневную жизнь. Длинные волосы не оставляли места поверхностному увлечению. Они вызывали скандалы в семье, нарекания школьных властей и преследования полиции. Длинный хайр нельзя спрятать. Вы можете скрыться в укромном месте, если вы гэй или коммунист, курите травку или выступаете против войны, если вы ненавидите своего босса. Вы можете тайком слушать «Битлз» в своей комнате. Но вы не можете спрятать свою длинную шевелюру: отпустить волосы - значит, выйти из укрытия и открыто примкнуть к контркультуре».

Переболев «ветрянкой» 60-х западное общество стало более толерантным к различиям образов жизни и их символическим манифестациям. Признание неоднородности культурного пространства, допущение выбора и сосуществования людей с различными кодами мышления и поведения, отказ от подавления «малых культур» большими культурными нарративами (классика, элитарная культура, массовая культура и т.д.) – все это сократило объем противоречий между личностью, обществом и властью, расширило диапазон выражения человеческой индивидуальности. Эмансипация личного поведения психологически сокращала дистанцию между классами. Человека оценивали не по его «социальной клетке» (унаследованной или благоприобретенной), а по тому, что он из себя представлял в конкретной межличностной ситуации. Личность отказывались отождествлять с трудовыми функциями, статусом, доходами. Изменился взгляд на досуг и его социальную значимость: от досуга как сферы отдыха - к досугу как миру свободной (бесклассовой, неутилитарной) коммуникации и самовыражения.

Вторая. Собирательным и побочным эффектом молодежных движений было реформирование институтов, социализирующих и очеловечивающих бестияльную по определению молодежь (система образования и воспитания, профессиональной ориентации, просветительские СМИ, культура). Опять же речь шла не о структурной переделке, а скорее о гарантированном признании достоинства человека вне зависимости от его возраста, о демократизации мира знаний (отношений профессоров и студентов); доступности образования, расширении сети публичных библиотек, музеев и др.; добровольности участия в воспитательных программах; праве выбора учебных дисциплин, преподавателей, индивидуального графика занятий; гибком реагировании университетов на колебания рыночной конъюнктуры (снижение риска безработицы для выпускников) и многое другое. Захваты аудиторий с выдвиганием требований периодически происходят и в наши дни, но большинство неизбежных при социализации межпоколенческих конфликтов регулируются через студенческие, исследовательские и преподавательские профсоюзы, ассоциации молодых ученых и выпускников. Современная школа стала менее похожа на ее злобный сатирический образ фабрики-мясорубки и кузницы шагающих молотков (в «The Wall» Алена Паркера и Pink Floyd). В подавляющем большинстве развитых стран служба в армии и религиозное образование (пункт преткновения в 60-х) не являются

общеобязательными.

Третья. Наиболее наглядное выражение достигнутого 68-м годом – образование самоуправляемых «территорий молодости» (организаций, клубов, сквотов, автономных социальных центров и др.). Взрослый мир дипломатически признал «незалежность» «молодежных государств» (площадок, где отсутствует какой-либо страхующий педагогический контроль и власть перераспределяется среди неформальных лидеров), локализовал молодежный протест (мода, студенческие кампусы, ночные клубы и дискотеки, рок-концерты и фестивали, музыкальные радиостанции, кэмпинги для «вагантских» странствий, стипендии Tempus и Erasmus), сохранил под своим протекторатом только детство и раннюю юность. При защите достигнутых завоеваний участники субкультурной революции сознательно апеллировали к тем же ценностям и декларациям, которые легли в основу конституции правозащитного движения, использовали дискурс прав человека для легитимизации своих сообществ в общем социальном ландшафте. Эбби Хоффман предостерегал: «Худшая ошибка революции – когда она становится скучной. В итоге ритуал подменяет игру, культ – свободную коммуну, а вместо свободы приходит насилие над правами человека». Пророчество сбылось. Молодежный протест со временем стал терять накал, превратился в туристическую достопримечательность и регулярно – как минимум по пятницам и субботам – разыгрываемую ритуальную мистерию (клуббинг, карнавал, выездá, концерты, квесты ролевых игр). Но это вряд ли стоит относить к поражениям. Наоборот. Найдя способы мирной эксплуатации, переключения и превентивного рассеяния взрывной энергии молодежи, выдавая ей беспроцентный кредит доверия (право на ошибку при самостоятельном поиске), современная западная цивилизация открыла для себя еще один, не знающий износу, социальный регретuum mobile (вечный двигатель), сопоставимый по значению с «социальными машинами» вроде биржи, парламента, римского права или древнегреческой философии. То, что открытие не получило Нобелевскую премию – вопиющая несправедливость. Шведский комитет извиняет только коллективное авторство шедевра.

После штопора студенческих бунтов западные социологи подробно анализировали связи между современными общественными (пацифистскими, экологическими, правозащитными, антифашистскими и др.) движениями и молодежными субкультурами. С позиций Движения субкультуры признаются основным каналом рекрутинга новых единомышленников (ступеньки лестницы: симпатизант – участник – активист – лидер), сетями неформальных коммуникаций между ними, выработки специфического языка, включающего в себя общую манеру интерпретации реальности и поведения в ней. Проблема курицы и яйца в данном случае второстепенна: субкультура может выступать и социальной протоплазмой движения и, наоборот, быть его массовым шлейфом, результатом популяризации и перевода с языка абстрактных идей на язык образов, музыки, коллективных церемоний (посвящения, испытания протестом, медитации, ситуативные перформансы, восстанавливающие общность переживаний и закрепляющие ролевые позиции участников), телесных модификаций (пирсинг, татуаж), атрибутики, культовых текстов, сленга и др. Если угодно, субкультурный пласт движения – его внутренняя оппозиция, вмещающая и порождающая среда, «антибиотик». Пока они есть – движение оправдывает свое имя. Они исчезают – движение гибнет или

перетекает в другую социальную форму (костенеет, становится «музеем самого себя»). В этом смысле субкультурное измерение движений – это ни в коем случае не статичное символическое и поведенческое пространство, некогда заданное прозрением «могучей кучки идеологов», а затем механически переносимое в головы неофитов. В нем больше свободы и непосредственности. Оно спасает движение от догматизма, снабжает целительной самоиронией, искренностью, креативом. А еще – оно не *рассказывает* об идеальных целях движения, а *показывает* их, превращает в ежедневную личную практику.

Тут важен один момент: для европейской и американской публичной мысли словосочетания «общественное движение» и «субкультура» почти всегда идут в противоречивой связке, намекают Друг на Друга, открыты Друг Другу. И даже в последнее двадцатилетие, когда стали говорить о растущей «демассовизации» общества, о деградации или радикальном изменении качества крупнейших социальных движений XX века (синдакаты, феминизм, «зеленые», автономисты, пацифисты и др.), о субкультурах, генерированных методами социокультурной инженерии²¹⁷ и субкультурах нового типа («эмоциональных общинах», то есть - общностях, которые держатся за счет периодически и сообща переживаемых событий²¹⁸) неизменно подчеркивается тотальный характер субкультур, их экспликации

²¹⁷ Субкультуры как стили самодеятельного, фольклорного *творчества* масс сменяются субкультурами как стилями *потребления*. Эти стили искусственно разрабатываются в домах моды, маркетинговых отделах, рекламных агентствах, промоутерских компаниях, киностудиях и целенаправленно внедряются в массовое сознание. К примеру, маркетинговая стратегия фильма «Ночной дозор» изначально предполагала создание поддерживающего комплекса товаров и услуг, позволяющих зрителю максимально полно самоотжествиться с героями и перенести экранную мифологию в свою повседневную жизнь (плакаты, компьютерные игры, стиль одежды и пластика движений, ролевые квесты, инсценировкой которых увлечены тысячи молодых людей – см. <http://dozory.ru>). Клуббинг, как популярный вид молодежного досуга также начисто лишен творческой активности (не пишутся свои песни, не сочиняются стихи и т.д.). Он строится как субкультура развлечения и мимезиса (караоке, подражание танцующим на сцене, сенсорный резонанс с музыкой, видеорядом и т.д.). Клубный герой – ди- или виджей – славен микшированием заимствованных образов, мелодий, аудиоцитат.

²¹⁸ «Речь идет не об общинах как производственных, религиозных или политических образованиях. И даже не о диаспорах, которые ранее и сейчас допускаются государством в целях властного структурирования поля меньшинств, проживающих в окружении официальной, доминантной культуры. Мы наблюдаем создание - практически по всему миру! - т. н. эмоциональных общин. Они могут сочетать в себе всякие дополнительные признаки, к примеру, религиозные или этнические. Но прежде всего они являются продуктом символического разыгрывания некой социокультурной нетипичности. При рождении «новых» общин действует принципиально инновационный социальный механизм. В массовом обществе «высокой» современности они представляют собой постоянно повторяющийся во времени эмоциональный перформанс, цель которого – ситуативное объединение онтологически разобщенных людей вокруг некоего комплекса общности переживаний и чувств (sentiments)» - Согомонов А. Корпорации вместо сообществ? Фундаментализм вместо терпимости! // Художественный журнал, 2001, № 41, <http://xz.gif.ru/numbers/41/korp-fund>

в сферы экономики, политики, массовой культуры.²¹⁹ Иначе говоря, любая субкультура в потенциале содержит в себе всю бесконечность мира, стремится стать «подзорной трубой» (или, точнее, перископом), помогающей индивиду с мировоззренческой навигацией и расстановкой ценностных приоритетов. По отношению к каркасной структуре общества и господствующим культурным стилям она не «хата с краю», не какой-то мало чего значащий довесок к *homo faber* (человеку работающему), а одна из возможных точек сборки индивидуальной и коллективной идентичности, наряду с сословными, классовыми, этническими, религиозными, профессиональными матрицами самосознания. Ничто не мешает быть чуждым или вотяком, православным или даосом, геймером и киберготом, подписчиком новостей «Кавказского узла», «яблочником» и брокером одновременно. Легко представить, что в качестве оси, центрирующей и управляющей поведением личности, может выступать именно ее субкультурная ориентация и принадлежность к микросообществу. Все прочее – продукт компромисса со средой, условие выживания, признак, доставшийся по наследству или полученный в одном пакете с уровнем образования, власти, дохода.

Рождение новой субкультуры – это открытие новой экзистенциальной философии с ее образом жизни, культурным запасом, «идеал-магнитами», ритмом, отношением к базовым феноменам цивилизации (право, власть, собственность, тело, отношения полов, концепция судьбы и др.). Точка зрения, согласно которой расцвет молодежных субкультур – симптом социальной дисфункции (короткого замыкания Системы) и кризиса институтов социализации, на мой взгляд, отошла в прошлое. Правильнее говорить о субкультурах как об автономных пространствах вторичной или третичной социализации.²²⁰ Прошедшие их «шаолиньские коридоры» -

²¹⁹ «Теория мобилизации ресурсов, пришедшая на смену парадигме коллективного поведения, учитывая, что активисты могут выбирать как институциональные, так и внеинституциональные стратегии - в зависимости от ожиданий относительно их результативности. Однако принятое за основу определение затрудняло рассмотрение случаев, когда политические средства отвергались как менее эффективные в изменении общества по сравнению с неполитическими. Все великие движения имели свое продолжение в сфере социальных (а иногда и естественных) наук, искусстве, философии и - возможно, самое важное - в повседневной практике. Хотя дебаты в университетской аудитории, концерт и митинг - разные способы действия, они могут быть использованы в одних и тех же целях, а иногда и заменять друг друга. Исследователь движений, обращающий внимание только на политическое измерение их активности и игнорирующий все остальные аспекты, рискует получить в лучшем случае свехупрощенную картину, что особенно заметно на примере исследования молодежных движений» - Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // <http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm>

²²⁰ Первичная – социализация через семью и систему образования, вторичная – через добровольные гражданские ассоциации с формализованными связями (религиозные конфессии, профсоюзы, частные или общественные образовательные учреждения, НПО, партии и др.), третичная – через нестабильные сообщества (субкультуры, мода, методики неформального образования и др.). Применительно к России ювенолог Александр Тарасов пишет: «...наличие большого числа молодежных субкультур считается признаком духовного кризиса общества: увлечение молодых субкультурами свидетельствует, что «взрослое общество» не способно предложить молодежи такие цели, мировоззрение и нормы поведения, которые были бы привлекательными и авторитетными для молодых, и молодежь предпочитает им самоизоляция и социальный эскапизм. В специфических условиях пугинской России, однако, обнаруживается, что наличие разных молодежных субкультур может выступать - при благоприятном стечении обстоятельств - в качестве позитивного социального фактора, а именно в качестве формы стихийного сопротивления общества навязываемым властью националистическим, милитаристским и антидемократическим установкам» (Тарасов А. Конфликт молодежных субкультур: пример Набережных Челнов // Индекс. Досье на цензуру, 2006/№23 (<http://www.index.org.ru/journal/23/>).

отнюдь не патентованные лузеры, праздношатающаяся богема, слабаки, не способные переносить нагрузки «полноценной» жизни. Практика показывает: субкультурная социализация гораздо успешнее готовит человека к карьере вне традиционных, дорожащих повтором, предсказуемостью, вертикальной субординацией социальных структур. Та же Силиконовая долина в Калифорнии – центр инновационных компьютерных и коммуникационных технологий – неслучайно славится фантастическим разнообразием человеческих типов и отношений. Там трудно слыть чудаком.

Никого не удивляет, что самый известный и тиражный американский рок-журнал «Rolling stone» публикует статьи политического, гражданского и экономического характера (со специфическим фокусом взгляда на эти вещи). Весной 2006 года вышел номер журнала с обложкой, где Джордж Дабл Ю Буш-Младший изображен с ушами осла и в сопровождении заголовка «Худший президент в истории?». Песни, высмеивающие и критикующие внешнюю политику США, лидируют в национальных хит-парадах и это тоже не кажется чем-то из ряда вон выходящим.²²¹ Иной раз кажется, что демонстративная принадлежность к тем или иным гражданским объединениям – это едва ли не негласное правило для публичных персон в западных демократиях (музыкантов, спортсменов, актеров, телеведущих и др.). Их личный выбор и социальная активность – подспорье в самоидентификации тех, для кого «звезды» являются путеводными.

Вероятно, именно эти произвольные ассоциации с Америкой и Европой, память об истоках правозащиты (диссидентские сообщества 60-70-х в СССР), потребность активистов в том, что организация была выражением не только социальных позиций, но и смысложизненных стратегий, культурных и стилевых ориентаций – все это побуждает лидеров российского гражданского общества возлагать особые надежды на «атипичную» молодежь, ее интеллектуальность, творческий потенциал, чуткость к социальной проблематике. В конце концов, первыми ласточками международных NGO в России были гастролеры западных рок-звезд, гласно ассоциирующих себя с каким-либо общественным движением или организацией. Тот же «Гринпис» надолго стал для россиян символом всего «экологического» после двойного альбома «Гринпис. Прорыв» (Greenpeace Breakthrough), вышедшего в СССР в 1989 году трехмиллионным тиражом. В записи альбома принимали участие U2, INXS, REM, Eurythmics, SHADE, Bryan Ferry...

Оглядываясь назад, можем ли мы припомнить нечто похожее в России? Я имею в виду не заказные выступления в пользу политиков, страждущих приступа народной любви и не благотворительные концерты. Бывало ли, чтобы какая-либо локальная «ушельская» общность или «культовые фигуры» по убеждению, активно и публично поддерживали правозащитные организации, кампании, проекты или, тем более, были их полноправными участниками, вдохновителями, «лицами»? Эти случаи весьма

²²¹ Из одних только «анти-бушевых песен» можно составить приличный концерт: «Le'ts impeach tye President» Neil Young, «American idiot» Green day, «Mosh» Eminem, «Bagdad» Offspring, «Dear Mr. President» Pink, «Idiot son of an asshole» Nofx, «World Wide Suicide» Pearl Jam, «When the President talk to god» Bright Eyes, «Bomb the world» Michael Franti, «Live on» David Crosby & Graham Nash etc.

и весьма редки. Как правило, они относились к защите экологических прав (хиппи, индеанисты, ролевики²²²) или являлись разновидностью «цеховой взаимопомощи» (подпись Гребенщикова под письмом Amnesty International против репрессий в адрес белорусских рок-музыкантов и др.). Даже прокатившаяся волна возмущения против вспышки националистических настроений в «гопнической» молодежной среде не породила ответной реакции продвинутых субкультурных сообществ: на постерах антифашистских концертов крупным шрифтом выделяются названия групп, а не инфоповод или слоган.

Почему так? Ведь молодежные субкультуры в Советском Союзе и РФ (будь-то заимствованные с Запада или лютиками взрослые на местной ниве) также как их закордонные братья, противопоставляли себя «официозу» и «родительской культуре», отрицали их фарисейство, зажатость и одномерность. Желание прожить другую, более интенсивную, искреннюю и свободную жизнь и здесь составляло скрытый нерв неформальных движений. Но «поколение дворников и сторожей» поднимало свою аутичность как вымпел и никогда не ставило целей «прогибать мир под себя» (было – «отжать от себя»). Нежданно-негаданный прыжок лидеров кочегарок, кухонь и подвалов на стадионный простор, в ротации на FM-радиостанциях и муз-каналы многие «рядовые пиплы» восприняли как «начало конца». Тот же рок-н-ролл после легализации и популяризации остался как стиль, ритм, образ жизни, но лишенный привкуса полузапретности и «продвинутости» (элитарности) он перестал быть компактным сообществом, «сочиненным подругому». Годы, последовавшие после перестройки, подтвердили: альтернативные связи по возрастной горизонтали держались на двух краеугольных камнях – сегрегирующих карательных экспедициях «воспитательных органов» (к каковым относились не только педагоги, но и милиция, армия, партийный аппарат, институт наставничества на производстве и др.) и эскапистских («ушельских») установках самих «беглецов». Зря их шпыняли.

В одном из нашумевших интервью Борис Гребенщиков говорил, что если на Западе рок-н-ролл был суррогатной формой политического и социального протеста (против государства, капитала, милитаризма, клерикализма и т.д.), то в СССР рок замещал... религию (с ее «царством не от мира сего», эсхатологией, символическим восприятием повседневности, экстрасенсорикой, концепцией спасения, концентрацией на «внутренних Монголиях» и др.), а, точнее, был выражением стихийного религиозного чувства и экзистенциальных практик, держащихся их как слепой - собаки-поводыря. В поэтических текстах, концертных радениях, «паломнических трассах» (Коктебель, Сайгон, Ротонда, Горбушка, Пушкинская-10 и т.д.) всячески поддерживался образ рок-музыканта, как существа, служащего эманацией (телом, сквозь которое сквозит нечто Иное) иного мира, иных отношений. Его культовый статус в сообществе действительно имел много

²²² Поддержка коллективных действий в защиту окружающей среды и экологических организаций со стороны хиппи, «пост-хиппи» (индеанисты, ролевики и др.), экофилософских общностей (рерихианцев, последователей Порфирия Иванова, «Звенящих Кедров России» и других мистико-философских групп) по сравнению в начале 90-х годов носит пассивный характер и выражается не через публичные акции, а через экологизацию потребления (веганство, вегетарианство, отказ от генетически модифицированных и «корпоративных» продуктов), здоровый образ жизни, «сенсбилизацию» отношений с природой (как вовне, так и внутри человека), создание экопоселений (коммун).

общего с фигурой жреца-шамана, пророка-духовидца, теократа. Текстом становилось и его творчество (песни), и биографическая легенда (своего рода агиографии, включающие и череду драматических испытаний, и жертвенный уход), и сеть рассыпанных по городам и весям поклонников-«прихожан». Годы спустя И. Кормильцев и О. Сурова выделяли именно эти конститутивные черты рок-движения: «сотворение своего, особого, замкнутого мира»; «противопоставление «мы» и «они», не носящее характера противостояния и являющееся «добровольной алиенацией» (ухода от социума в любом его проявлении, включая школу, родителей, «телевизор» и др.); объединение вокруг рок-н-ролла, сочетавшего в себе музыку, стихи, стиль жизни, манеру общения, круг чтения, мифотворчество, нравы и быт тусовки.²²³

Если символом американских хиппи стал цветок, воткнувший в дуло винтовки, то аутентичной репрезентацией хиппи позднесоветского образца стоит считать образ «Аквариума» и строчки из «Воскресенья»:

Я сам из тех, кто спрятался за дверь,
Кто мог идти, но дальше не идет,
Кто мог сказать, но только молча ждет.
Кто духом пал. И ни во что не верит.

«Падение духа» и «ни-во-что-не-верье» не только не высмеивалось или не порицалось, но, наоборот, всячески поэтизировались, воспевались как дверной проем к подлинной, лишь разрывом и эмоциональной экзальтацией открываемой реальности внутренней свободы. Взмах ресницами «третьего глаза» зачастую сопровождался жутковатыми сценами декаданса (от суицида и оккультных кульбитов до надрывного шутовства, сценического шаманства, идейного бродяжничества), романтическими вылазками на лоно природы (индеанистские пау-вау, туристические костры с «орлятским кругом», совместной трапезой и др.), организацией «светских казарм» (гопники, люберы, казанские, фанаты, скинхэды), вставанием на душеспасительные «костыли» какой-либо мистической или религиозной традиции, но практически никогда – если не считать спазмов контркультурного периода в конце 80-х – поиски подлинного «я» не вели к возникновению массовых социальных движений, нацеленных на изменение той самой социально-политической и культурной реальности, которая была тесна «беглецам» и «занозила их сердце». «Горчичные зерна» давали всходы исключительно по ту сторону добра и зла, не переплетаясь ветвями с поюсторонней социальной флорой, не пуская корней.²²⁴

Точка высшего подъема и она же точка заката феномена русского рока - цоевское «в нашем крике и в наших слезах, и в пульсации вен - перемен! мы ждем перемен!». Поколением перестройки эта песня воспринималась своим звуковым логотипом, наряду со «Скованными одной цепью» и «Шаром цвета хаки» «Наутилуса-Помпилиуса», «Временем колокольчиков» Башлачева, «Детьми декабря», и «Поездом в огне» Гребенщикова, «Красном на черном», и «Мы вместе» Кинчева, «Мальчишками-

²²³ Кормильцев И., Сурова О., Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // http://uchcom.botik.ru/az/lit/coll/rock1/02_kosur.htm

²²⁴ См. глава 5 «Горчичное зерно» в кн.: Щепанская Т. Система: тексты и традиция субкультуры. М. 2004; библейский образ горчичного зерна используется автором для обозначения магического процесса развертывания социальной структуры из символа

мажорами», и «Предчувствием гражданской войны» Шевчука. Потом – путь от «музыки протеста» к «лирике про тесто», к «рок-н-ролл мертв, а я еще нет» с попытками аутопсии и реанимации покойного.²²⁵

Что произошло? Илья Кормильцев, отвечая на вопрос о «рок-революции» и иссякании ее драйва, меланхолично заметил: «музыка вообще не в состоянии изменить реальность (кроме того, по большому счету, для философской точности скажем, речь идет не столько об изменении, сколько об отмене реальности). На нее перенесли акцент, чтобы использовать ее как клапан - через рок-культуру было сдуто очень много метафизического напора 60-х. Я думаю, что с определенной стороны пар направлялся в этот клапан вполне сознательно. Музыка стала символом революции, пожравшим революцию, но вера в этот символ была столь сильна, что по инерции продолжалась еще три десятилетия, пока с музыкой происходили те же изменения, что и с Элвисом в свое время - росло брюхо, тупел и мутнел взгляд».²²⁶ Ответственность за утрату идентичности в цитате перекладывается с лидеров и адептов движения на теневых «распорядителей пара» (политики, боссы музыкальной индустрии, звукозаписывающие лейблы, владельцы клубов, директора муз-ТВ-программ, продюсеры и др.). Пряма-таки Карабас-Барабас и марионетки. Без «буратин».

Раскол представлений о месте и социальной роли русского рока довольно точно передают знаковые скандалы последних лет. Тот же Кормильцев - автор многих песен раннего «Наутилуса», а ныне популярный издатель «Ультра.Культурной» литературы - летом 2006-го нервно отреагировал на концерт Вячеслава Бутусова в селигерском лагере «Наших»: послал SMS с запретом исполнять свои произведения. Бутусов вернул письмо с припиской: «Не понимаю сути твоих претензий». Бессмысленно разбирать эту ситуацию в духе «кто прав, кто лев», «кто герой, кто ренегат-отступник». Тут интересна сама презентация позиций и степень категоричности в их отстаивании. То же можно сказать про злополучную встречу Бориса Гребенщикова и прочих рок- и рокапопс-старцев с главой Администрации Президента Вячеславом Сурковым. Демократическая пресса отписалась об этом событии крайне недоброжелательно. Артемий Троицкий выдал в «Новой Газете» обескураженное «и ты, Брут». Участники встречи отшучивались. Тот же БГ разъяснил: речь не шла о политическом ангажементе в духе чес-тура «Голосуй или проиграешь» или агитпропа на Васильевском спуске. Сурков (поэт, кстати) и словом не обмолвился о чем-то выходящем за рамки бескорыстной помощи рок-музыкантам. В частности, обещал пособить с финансами для создания студии звукозаписи, где на приличной аппаратуре молодые музыканты и талантливые провинциальные группы смогут профессионально записать свои альбомы. Чего ж тут «криминального»?

²²⁵ См. дискуссию «Спор о русском роке» на сайте Агентства Политических Исследований: <http://www.apn.ru>

²²⁶ Штепа В. К радикальному абсолюту // <http://kitezh.onego.ru/dialogi.html>

Несправедливо персонализировать кризис рок-культуры.²²⁷ Она остается альтернативой, но эта «альтернативность» не имеет выходов в плоскость политических или гражданских перипетий,²²⁸ ее «центр тяжести» не в социальном, а в психическом, антропологическом измерении (освобождение индивидуального тела-сознания безотносительно к «гирям» исторической ситуации). Рок-тусовка напрасно чувствует себя преданной. Ничего экстраординарного в поведении ее почтенных гуру не произошло. Земная хлябь небесных тог не замарают. Бутусов не скурвится. Гребенщиков останется тем, кем был. Они по-прежнему готовы экранировать ожидания, позволяющие за аккордами, вокалом и текстами видеть отблески эзотерического знания, проповеди/исповеди на грани экстремальных жизненных ситуаций (жизнь/смерть, любовь/война). Шнура не отравит Куршевель, Земфиру – Селигер или концерт в Кремлевском Дворце Съездов. Будут «зажигать» пуще прежнего.

Пиарщики «Наших», безусловно, рассчитывали на поглощение репутационного капитала рок-звезд после их согласия дать концерты для активистов этого прокремлевского движения. И это, конечно, не то же самое, что выступление в детдоме, на зоне, перед солдатами в Чечне. Понимали ли это рокеры? Означало ли их пение согласие с идеологией и квазиполитической практикой «Наших»? Думаю, это неправильно, некорректно заданные вопросы. Изнутри тех двух парадигм «рок-субкультурности», которые безраздельно царят на среднерусской возвышенности – парадигмы «легенд русского рока» (рок – как «низовая», истовая религиозность и пифийская щель для коллективного бессознательного) и парадигмы «рокапопса» (рок как развлечение, транс, один из музыкально-поэтических жанров со своей рыночной долей) – подобные вопросы не задают. Их даже не требуется вытеснять, поскольку исключено их появление. Критика публичного поведения рок-лидеров со стороны тусовки существовала всегда, но у нее есть свои традиции: она строилась по модели «борьбы против симонии и индульгенций», защищая

²²⁷ Под «кризисом рок-культуры» обычно подразумевают «кризис рок-сообщества». Это разные вещи. В первом случае речь идет о творческом тупике, мелодических самоповторах, истасканности метафор, во втором – о том, что рок-культура перестала выражать поколенческие смыслы, утратило поколение как воображаемое референтное «мы», рассыпалась как специфическая общность. Екатерина Дайс в статье «Русский рок и кризис современной отечественной культуры», определила границы «феномена русского рока» двадцатилетием между афганской войной и дефолтом». В основу этой хронологии был положен «поколенческий принцип»: «Поколение тех, кому сейчас от восемнадцати до сорока лет, тем или иным образом были вовлечены в особый - притягательный и интригующий - мир русского рока, независимо от того, отдавали они себе в этом отчет или нет. Это поколение состоит из людей, которые переживали мир, осознавали себя, влюблялись, расставались через призму песен, словами, образами, которые они почерпнули у своих любимых исполнителей. Так же как шестидесятник XX века немислим вне песен Окуджавы и Высоцкого, так же, как книжник допетровской эпохи немислим вне ассоциаций, почерпнутых из Четий-Миней и Библии, современное нам молодое поколение нельзя отслоить от русского рока» - Дайс Е. Русский рок и кризис современной отечественной культуры // «Нева», 2005, №1.

²²⁸ Хотя для русского рока советского периода был характерен антибюрократизм, антитоталитаризм, пацифизм. См. «...рок-движение 80-х интегрировало собственно роковую и бардовскую традицию, отсюда его необъятный музыкальный плюрализм - от забойного харда до частушек в одной программе ДДТ, - и некоторые общие идейные установки: антибюрократизм, пацифизм, антитоталитаризм. Пожалуй, не припомнить ни одной группы, которая исповедовала бы националистические, шовинистические, человеконенавистнические идеи, а «проповедь насилия» (любимое обвинение журналистов) оборачивалась, если цитировать песни не по-шулерски, скорее мазохизмом, чем садизмом: «Всем нам хочется кого-то побить, Помучить, покалечить или даже убить, И если хочешь - ты можешь погубить меня» («Зоопарк»)» - Смирнов И. Время колокольчиков. Жизнь и смерть русского рока. М. 1994.

право тусовки-клира «творить себе кумиров» согласно субкультурному канону и хороня навязанные, искусственно сконструированные авторитеты. А в остальном... Вещал же Франциск Ассизский кладбищенским птичкам. Чем «Наши» хуже? Дух – он же «веет где хочет».

Есть у Хорхе Луиса Борхеса рассказ «Задача». В нем он умозрительно конструирует ситуацию: что случилось бы с сервантесовским Дон Кихотом, если, закончив одну из своих бесконечных схваток, он обнаружит, что убил человека? Аргентинский писатель предлагает три наиболее вероятных ответа: первый – ничего особенно не произойдет, поскольку в царстве галлюцинаций странствующего рыцаря убийство столь же обычная вещь, что и волшебство; второй – патетический – что герой «воспрянет ото сна», воочию столкнувшись с Аргусом смерти; третий, самый правдоподобный, ответ – «убив человека, Дон Кихот не может допустить, что этот чудовищный поступок – результат наваждения; реальность следствия заставляет его предположить, что причина столь же реальна, и он так и не вырывается из бредового круга».²²⁹ Создается впечатление, что российские «ушельцы» находятся в таком же отношении к своим Дон Кихотам. Их миссия, выполняемая десятками различных и бесконечно интересных в «этнологическом» смысле способов – это задача отмены реальности и «эвакуации раненых». Не лечения и возвращения в строй, а пожизненной госпитализации с трехразовым впрыскиванием свежих доз иномирного морфия. И это - кто бы спорил - альтернатива реальности. Как эвтаназия.

Не думаю, что ради «чистоты схемы» я искусственно «спрямляю углы». Можем наугад взять пару других «субкультурных скриптов» (поведенческих сценариев) в ситуациях конфликтного соприкосновения «неформалов» с властным произволом.

Как известно, в преддверии саммита «большой восьмерки» силовые органы провели масштабные (и антиконституционные) операции по «выведению из игры» активистов, которые намеревались участвовать в мероприятиях антиглобалистского контрсаммита (Второй Российский Социальный Форум), Альтернативного Форума по энергетике и конференции «Другой России» (полуофициальную «Гражданскую восьмерку» запрягли без инцидентов). Правозащитники, экологи, антифашисты, участники субполитических движений (анархисты, профсоюзники и др.) подвергались превентивным арестам и нервно-паралитическому давлению «по месту жительства и работы», ссаживались с поездов. Пожалуй, после Олимпиады-80 это была самая массированная атака на свободу слова и собраний, пережитая общественностью. Под раздачу попало множество людей, которые ни сном, ни духом не ведали о грядущей демонстрации гостеприимства энергетической империи. Так, районная администрация подмосковного Хотькова по настоянию неведомых «компетентных служб» аннулировала свое согласие на проведение ролевой игры «Последний союз: Туманные горизонты» (по мотивам «Властелина колец» Дж. Р. Толкиена). Команда мастеров потратила почти два года на организацию этого события (касса на амуницию игроков, бутафорию и прочий антураж составляла около 3,5 млн. рублей)²³⁰. На полигоне, как и полагается, присутствовала милиция и врачи. Приехала группа документалистов, намеревавшихся снять

²²⁹ Борхес Х.Л. Проза разных лет. М. 1989, С. 230.

²³⁰ <http://lastalliance.ostranna.ru/index.html>

фильм о «толкиенистах» (на средства гранта Федерального Агентства по культуре и кинематографии). Расстроенные организаторы опубликовали в прессе открытое письмо в связи с отменой игры. Ссылались на уведомительный характер для проведения публичных мероприятий по Федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании». Писали: «Ситуация, произошедшая с данной ролевой игрой, производит большой резонанс для всего сообщества, объединенного таким хобби как полевые ролевые игры, поскольку ставит под удар нашу возможность для творческого самовыражения».

Что дальше? Да ничего. Туманные горизонты. Деревянные, орголитовые мечи не перековать на орала. Впереди новые сражения с орками, гоблинами, троллями и прочей мордорской нечистью. И победа «братства кольца», разумеется. Слепой Борхес все правильно разглядел.

Другой, привлекший внимание прессы, пример – история с майским (2006) гей-парадом в Москве. Субкультура геев и лесбиянок одна из самых развитых в столице: у нее – свои клубы, электронные журналы, форумы и чаты, службы знакомств, культурные персонажи, связи «на высшем уровне» и за границей. Идея проведения Moscow-Gay-Pride возникла давно, но ее всякий раз откладывали, чтобы не маячить лишний раз перед гетеросексуальным большинством, не будить шальное лихо гомофобии. На предложение депутата Райкова вернуть в Уголовный кодекс статью за мужеложество сообщество никак не отреагировало, посчитав его электоральной игрой на повышение рейтинга за счет электоральных реакций «правильных мужиков». Ситуация изменилась весной 2006-го, когда «казаки» из Союза православных хоругвеносцев, скины и активисты Российского Общенационального Союза (РОНС) принялись дежурить вокруг закрытых гей-клубов. Мнения тусовки тогда разделились: одни предлагали не обращать внимания, другие – защищаться через суд и апелляции к местным властям, третьи – начать просветительскую компанию, добиваться права жить «не таясь» и свободно распоряжаясь собственными чувствами, телом, судьбой. Что было дальше, особо пересказывать не стоит: 27 мая горстка активистов либертарных организаций и представителей ЛГБТ-сообщества вышла на пикет перед зданием Гордумы. Часть манифестантов подверглась нападению скинхэдов и ультрапатриотов у могилы Неизвестного солдата (в Александровском саду) и до памятника Юрию Долгорукому попросту не добралась. Продравшиеся к месту пикета также не имели возможности выступить: их задержали омоновцы, хотя московские власти накануне, гоня желваки по скулам, обещали обеспечить сексменьшинствам законом гарантированную безопасность.

Рефлексия над случившимся расколола ЛГБТ-тусовку.²³¹ Причем, судя по постам на специализированных форумах в Интернет, наибольшее недовольство геев и лесбиянок вызвала позиция... правозащитников, которые не привели своих активистов на баррикады секс-революции, не оказали должной информационной и юридической поддержки манифестантам из страха дать лишний повод для дискредитации своих структур в глазах «агрессивного большинства». Нашлись даже те, кто приписал правозащитникам латентную (скрытую, мягкую) гомофобию.

²³¹ Сеть ЛГБТ-организаций (<http://lgbtnet.ru/>); ЛГБТ – аббревиатура, объединяющая лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуальных и трансгендерных лиц.

Очевидная мысль об организованной самозащите и солидарности в среде самих сексменьшинств самым популярным не была. Преобладало желание кому-либо перепоручить радость заботы о себе, любимых.

Претензии к правозащитному сообществу в этом случае справедливы. Защита прав меньшинств и воспитание толерантного отношения к проявлениям инаковости – одна из составляющих идеологии прав, свобод и достоинства человека. Дополнительную актуальность выделению сексменьшинств в категорию, нуждающуюся в особой защите, придает тот факт, что «к сожалению, гей-сообщество сегодня является идеальной мишенью для националистов. Против них можно безнаказанно действовать, проявляя тем самым свою «национальную гордость» или что-то там еще. Здесь существует проблема международного уровня – дискриминация по признаку сексуальной ориентации не зафиксирована отдельно как порицаемое явление практически ни в одном правовом акте. Это дает возможность государству не обращать на гомофобию никакого внимания. Наши власти рассуждают примерно так. Мало ли кому кто не нравится – кому-то пьяницы не нравятся, кому-то – наркоманы, кому-то – таджики. Ненависть к таджикам – это плохо, это национализм. А неприязнь к пьяницам и наркоманам – нормально. То же самое и с гомосексуалами».²³² Алексей Козлов, лидер Гражданской Объединенной Зеленой Альтернативы (ГРОЗА), в этой связи призывал: «Геям надо объединяться в соответствующие гражданские структуры для защиты своих прав и взаимодействовать с антифашистами и правозащитниками. Другого пути нет. Надо признать себя сообществом, признать себя дискриминируемыми, заявить об этом публично и спланировать конкретные действия. Иначе – сомнут».²³³

Произойдет ли консолидация? Маловероятно. Несмотря на избыток внешних стимулов и прямую заинтересованность в обеспечении собственной безопасности (не говоря уже о солидарности с другими дискриминируемыми группами), гей-тусовка качества не изменит. Она, как и прочие субкультурные поля, центробежна. Все ее «протуберанцы» (всплески креативной энергии) направлены вовнутрь. То же можно сказать и в отношении других неформалов. Внешние знаки инаковости автоматически зачисляются в группу риска и потенциальной жертвы ксенофобской атаки. Для этого «вовсе не обязательно быть азербайджанцем или китайцем, достаточно просто обладать более смуглой кожей или более темным цветом волос, а можно просто «попасться под руку».²³⁴ Агрессию вызывает «отличность» как таковая безотносительно к ее содержательной стороне. «Другой» в этом случае – по определению враг, угроза, источник разлада и энтропии. «Перекодировать» подобное восприятие, показать Другого как свою возможность, как ценность невероятно сложно. Куда проще – управлять списком врагов. Последнее время этим все чаще занимается власть: реальные конфликты и противоречия не разрешаются, а «запираются» в сотни маленьких «рингов» с которых выходят только «победители». Торжествует диалектика по-сталински: есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблем.

²³² Козлов А. Геи сегодня являются идеальной мишенью для националистов // <http://gaynews.ru>, 01.09.2006

²³³ Козлов А. Геи сегодня являются идеальной мишенью для националистов // там же

²³⁴ Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году. Ежегодный отчет информационно-аналитического центра «СОВА» // <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/6CEEC08>

Поколенческий конфликт также локализован и «заперт». В нем действует тот же сценарий, что и в Чечне («кадыризация»: одна часть населения сталкивается с другой под приглядом «беспристрастного рефери»). Как следствие – зарегистрированное центром «Сова» увеличение числа уличных столкновений: «активно растет насилие в отношении представителей молодежных субкультур, которых скинхеды считают «предателями идей белой расы» - рэперов, панков, скейтеров, готов и др., а также в отношении идеологических противников скин-движения - левацкой антифашистской молодежи».²³⁵ Слава Богу, речь пока не идет об уличных войнах похожих на те, что были в конце 80-начале 90-х. Однако то, что противостоянию молодежных группировок все чаще приписывается идеологический смысл (в отличие от «дрекольных», ритуальных баталлий за право центрировать в районе) – факт тревожный. Будущее наступает. Самое время понять: на кого?

Рациональных мотивов для сближения практик гражданского активизма и молодежных субкультур хватает с избытком. Однако довести их до каких-то конкретных и регулярно возобновляемых отношений... Третий сектор для неформалов – то же, что партии для НПО: другой формат, другие правила, люди и мотивация. Разница «весовых категорий» волей-неволей предписывает взаимную подозрительность. Неформалы смотрят на общественников как на «сектантов» (заложников Идеи) или, наоборот, как на циников, повернутых на «управлении человеческими ресурсами» под вывеской каких-то отвлеченных морально-политических (дико видеть эти слова через дефис) принципов. Общественники, в свою очередь, разводят руками, глядя с какой щедростью транжирится социальная энергия на какие-то игрища, театральные постановки, трэп, маскарады. Это весело, прикольно, освежающе, но «на выходе»-то что, кроме щенячьего психотерапевтического восторга и радости от новых контактов?

Как, допустим, вести переговоры правозащитников с тем же ЛГБТ-сообществом? Сообщество его можно назвать довольно условно: есть хаотичная, ризоматическая тусовка; есть клубы и их постоянные клиенты; есть специализированная пресса и неформальные лидеры. С кем договариваться, если тусовка – это Вавилон частных лиц, каждое из которых не вправе выступать от чьего бы то ни было имени, кроме своего собственного? Перспективы долгосрочных системных действий (в суде, в публичном и политическом пространстве) эти люди явно не выдержат. Гомосексуальность – лишь часть их идентичности. Стоит ли она того, чтобы отстаивать ее в ущерб всему прочему, идти на риск сопротивления в профессиональной карьере, непонимания в отношениях с родственниками, соседями, знакомыми? Ведь для большинства людей их индивидуальность – приватное дело, а не социальный манифест.

Для стыковки поступочного мира гражданского активизма и коммуникативного поля молодежных субкультур необходим некий переходный формат - нечто среднее между стихийными полудружескими отношениями и целенаправленными организованными действиями. Таковым, как я уже писал выше, является формат Движения, сочетающий активность «ядра» (лидерского центра или центров) и «периферии»

²³⁵ Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году. Ежегодный отчет информационно-аналитического центра «СОВА» // там же

(участники, волонтеры, симпатизанты), склеивающий эти два полюса непрерывным потоком общения, культурного обмена, взаимного доверия. Проблема в том, что существование в этом формате – это, увы, порядком подзабытый правозащитниками «пилотаж». Сказывается многолетний перекося, при котором сфера защиты прав человека считалась более приоритетной и привлекательной с точки зрения результата (победа в судебной тяжбе, помощь конкретному человеку), нежели «отапливание Вселенной» ради продвижения прав человека (просветительские, образовательные, информационные кампании). Концентрация ресурсов и внимания на защитных действиях, требующих участия узкопрофильных специалистов, выхолостило смысл из устойчивого словосочетания «правозащитное движение»: оно перестало быть табором, сбросило социогуманитарную часть своей миссии как нечто вторичное, дополнительное, не согласующееся с актуальным курсом на профессионализацию.²³⁶

Не случайно многие эксперты, определяя особенности российского гражданского общества в сравнении с западноевропейскими, среди наиболее заметных отличий указывают на впечатляющий разрыв между организациями третьего сектора, низовыми гражданскими инициативами и общественным мнением. Для внешних наблюдателей этот факт необъясним; рядовые граждане последовательно отказывают в доверии как заведомо абстрактным, «верхушечным» социально-политическим институтам (правительство, Совет Федераций, Госдума, Верховный суд и др.), так и тем, что в силу своего положения (партии, муниципалитеты и другие организации местного самоуправления, НПО, профсоюзы и др.) не должны утрачивать связь с «корнями травы». Сюзанне Ланг (Susanne Lang) комментирует эту ситуацию так: «Российское гражданское общество несет на себе заметное бремя институционального и организационного плана. В центре внимания находятся всегда общественные организации. Граждане, между тем, появляются в качестве субъекта гражданского общества очень редко. С этой точки зрения отпадает характерный для немецкой дискуссии нюанс. В Германии гражданская активность граждан проявляется на добровольных, общественных началах, и она независима (по крайней мере, первоначально) в институциональном плане. Напротив, в России доминирует институциональное понимание, склонное к профессиональной деятельности в этой сфере».²³⁷ В связи с этим Сюзанне солидализируется с точкой зрения членов правления «Мемориала» Арсения Рогинского и Александра Даниэля, призывающих вести планомерную просветительскую работу, чтобы «расширить базу населения», на которую опираются российские НПО. Наиболее ценный ресурс при расширении «базы» – молодежь, «которая выросла, не имея своего собственного тоталитарного опыта», у которой есть альтруистическая мотивация и досуг, чтобы выразить ее действием.

В том же направлении течет мысль руководителей и экспертов фондов, обеспокоенных эффективностью своих вложений. Томас Каротерс одной из приоритетных задач называл «определение путей перехода от

²³⁶ Субкультурный бэкграунд правозащиты не претерпел заметных изменений со времен середины 70-х. Поют все тех же – Окуджаву, Галича, Кима, Городницкого, Клячкина, Долину. И все реже (все те же) читают стихи. Второе поколение правозащитников не привнесло в сообщество каких-либо закрепившихся культурных влияний. О третьем говорить пока рано.

²³⁷ Ланг С. Гражданское общество и гражданская активность в России // <http://www.inosmi.ru>, 16.04.2004

поддержки развития НПО к поддержке развития самого гражданского общества». Он писал: «Институты, оказывающие поддержку становлению гражданского общества, концентрировали свое внимание на помощи НПО по различным причинам, включая привлекательность НПО как «чисто» технократических организаций, штат которых в основном состоит из ориентированных на Запад молодых людей, готовых работать по правилам, соответствующим бюрократическим требованиям западных доноров. Однако благотворительные организации, начав с предпочтения НПО в качестве реципиентов помощи, пришли к отождествлению НПО с самим гражданским обществом, предполагая, что растущая кривая количества НПО является адекватным мерилom развития гражданского общества. Однако высокоразвитое гражданское общество устоявшихся демократий включает в себя гораздо больше видов различных организаций, нежели только правозащитные НПО и некоммерческие организации, предоставляющие определенные услуги. Гражданское общество составляют профессиональные объединения, религиозные организации, союзы, образовательные учреждения, учреждения культуры, спортивные группы, клубы по интересам, национально-культурные автономии, местные объединения, организации фермеров, бизнесменов и многие другие. Подобные организации во всем своем разнообразии могут играть в обществе различные роли, а не только те, которые были предложены ограниченным представлением о гражданском обществе как зоне защиты общественных интересов и оказания услуг «самопомощи». Донорам пора переосмыслить привилегированное положение, которое занимают НПО в их программах помощи построения гражданского общества в регионе, более тщательно изучить роли и функции организаций других типов, составляющих гражданское общество, и расширить свой подход к оказанию помощи».²³⁸

Течение мысли – популяризация правозащитной активности (даже в ущерб «чистоте жанра»), смещение акцента с деятельности «профессионалов гражданского влияния» на «творческую самодеятельность и гражданскую инициативу масс» и, в частности, молодежи – в целом понятно. Это стало едва ли не мантрой правозащитных конференций последних пяти-семи лет. Но что делать, как сдвинуть ситуацию с мертвой точки? Просветительские кампании пробуксовывают. Рейтинг доверия и информированности о работе правозащитных НПО, распространенность знаний о технологиях правовой самозащиты и элементарных навыках самоорганизации остаются стабильно низкими. Под впечатлением от «Кондопоги», антигрузинской кампании, «маршей ненависти», внешнеполитического изоляционистского курса, милитаризации многие из правозащитных активистов все глубже увязают в смертном грехе уныния и страдают острыми приступами социопатии. Свою лепту в «скромное обаяние ушельства» вносит и власть, устанавливая частокol идиотских административных барьеров, намекая на возможность прямых или косвенных репрессий, повышая тем самым цену участия в независимых социальных движениях. Никто не сомневается в готовности платить эту цену со стороны активистского ядра; в противном случае все давно бы попросту разбежалось. Но стоит ли ожидать подобной самоотверженности у «внешних людей», затронутых какой-либо социальной проблемой, однако предпочитающих ее не решать, а обходить в одиночку? Каков порог допустимого риска для них? Возможна ли их поддержка

²³⁸ Каротерс Т. Этажи демократии. Помощь Запада становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. Размышления по поводу десятой годовщины падения Берлинской стены // <http://www.ilpp.ru/518301875>

движения без ощутимых потерь, но с удовлетворением от эффективности небольшого личного вклада, пребывания в «катакомбной» среде единомышленников, сопричастности к общим ценностным установкам? Можем ли мы предположить, что тысячи субкультурных пространств, расходящимися тропками убегаая от молотилки насильственной унификации (под предлогом большего контроля, общественной безопасности, «воспитания»), ёжась от попыток массовой индоктринации молодежи пропагандистскими штампами времен холодной войны и медиавирусами новорусской масс-культуры,²³⁹ образуют со временем «мыслящий океан», подобный тому, что существовал в мятежных шестидесятых, что омывал своими волнами сушу эпохи застоя? Есть ли запрос на другую – пусть не общественно-политическую, так хотя бы нравственную и эстетическую реальность? Образуется ли на периферии госпропаганды, китча, «попсы» и крошечного гламура нечто вроде нового диссидентства?

На последний вопрос лидеры правозащиты, как правило, отвечают отрицательно. Как говорил в недавнем интервью Сергей Адамович Ковалев: «Никакого нового диссидентства я не предвижу – по крайней мере, до тех пор, пока в России сохраняется легальная возможность для каждого найти собственную экологическую нишу».²⁴⁰ И впрямь: приди кому в голову идея накрыть страну системой тотальной слежки и цензуры (тем более – цензуры «зрелищ и искусств»), она бы разорила десять таких бюджетов, как российский. При современном развитии коммуникативных технологий эта затея обречена на провал. Общая, стандартизированная, подчиненная «Его идеологии» культурная политика – тоже из области фантастики. В нынешней России есть сотни альтернативных культурных течений, но диссидентство к маргинальности не сводимо, к оппозиционной, нонконформистской маргинальности – в том числе.²⁴¹

Тем не менее, мне кажется, что Сергей Адамович ошибается. Новое диссидентство существует и, более того, исподволь становится все более влиятельным, плодоносящим культурным слоем. Как и диссидент советских времен, оно складывается вне политического, экономического, медийного пространства. Его пафос точнее всего передает фраза французского социолога А. Турена, рефлексировавшего над общемировым кризисом традиционных движений: «Мы не хотим теперь управлять ходом вещей, а требуем просто нашей свободы, права быть самим собой, не будучи раздавленными аппаратами власти, силы и пропаганды. Возвращение человека действующего имеет не победоносный, а оборонительный характер. Действующее лицо не призывает никого слиться в большом коллективном порыве, склоняясь скорее к антиколлективистскому поведению, оно отказывается обожествлять общество и еще более – государство. Оно больше

²³⁹ Особенность новорусской поп-культуры: она «пиарит» не культ прибыли (и, следовательно, производства, инвестиций, конкуренции), а культ роскоши (вызывающе бессмысленных трат), характерный для аристократии времен упадка, «нзворишей» (внезапно разбогатевших) и парвеню («выскачек»).

²⁴⁰ Ковалев С.А. О времени и о людях. О диссидентах шестидесятых-восьмидесятых годов. Ответы на вопросы журнала «Знамя» // http://www.hro.org/editions/kovalev/kov5_2.htm

²⁴¹ В позиционировании общества «Мемориал», признаваемого «прямым наследником диссидентов» (фраза Л.В. Вахниной), отсутствуют какие-либо намеки на признание «нового диссидентства»: ни в качестве «внебрачного сына», ни в роли аналогового явления. Трудно гадать: это осознанное решение, «неузнанность» или просто недосуг разбираться. Для чего молодежи хранить память о диссидентской истории: чтобы «никогда снова» или чтобы быть «диссидентом сейчас» (и через это – «никогда снова»)? Если второе, то что это значит – «сегодняшний диссидент»?

верит в личные свободы, чем в коллективное освобождение, утверждая, что общественная жизнь вовсе не управляется естественными или историческими законами, а направляется действием тех, кто борется и договаривается о том, чтобы придать некую общественную форму значимым для них культурными ориентациям». ²⁴² Знакомая интонация, не правда ли? Кожей ощущаемая аналогия между эпохой застоя и последними годами путинского правления заставляет инстинктивно оглядываться в поисках схожих процессов, сублимации социальной, гражданской, политической неудовлетворенности в ручьи поэзии и прозы и т.д. ²⁴³ Радости от этого никакой нет: кому охота топтаться во второгодниках, ходить в продленку и повторять домашние задания? Дабы этого не происходило, предстоит понять невыученный «ушельцами» урок. На мой взгляд, он состоит в том, чтобы осознать линию, отступление за которую смерти подобно. Эта линия – граница, за которой начинается некоммерческая и неполитическая публичная жизнь.

Новое диссидентство, если, конечно, оно не только мерещится, должно изменить диспропорцию баланса сил в треугольнике «государство – рынок – частная жизнь» с целью расширить нейтральное публичное пространство. Для этого необходимо либо частично деэтицизировать («разгосударствить») и декоммерциализировать уже наличествующие институты публичной жизни (школы, ссузы и университеты, Дома Культуры, музеи, концертные площадки, библиотеки, кинотеатры), либо создать условия, при которых образованные «ушельцами» сообщества и поддерживающая их инфраструктура (клубы, студии, арт-мастерские, коммуникативные сети и др.) обретут законом гарантированную независимость.

Поясню о чем речь. Несмотря на все разговоры о гибели культуры, бездуховности, падении уровня нравственности есть огромное количество неформальных групп, занятых самодеятельной творческой активностью (поклонники «театра.doc» или хоп-хопа, барды и рок-музыканты, любители японского анимэ и «параллельного кино», видеохудожники и энтузиасты декоративно-прикладного искусства и проч.), организацией нетрадиционных видов досуга (подсевшие на психодраму, биотанцы или фэнь шуй, фанаты, экстремальные туристы, ролевики и др.)... Уже сейчас количество молодых людей, вовлеченных в эти круги, исчисляется десятками тысяч. При всей несхожести увлечений у них есть типовые проблемы. Часть из них – не решается в одиночку (самостоятельно, через концентрацию внутренних ресурсов группы) и потому рано или поздно выносятся на суд общественности. Наиболее острой проблемой является недостаток помещений для совместной деятельности. Приходится либо «уламывать предков на потерпеть дружеские нашествия», либо арендовать

²⁴² Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. 1998, С. 31.

²⁴³ «Еще одна важная предпосылка для начала перемен. Поскольку любые несанкционированные проявления общественной активности в рамках советской системы были запрещены и достаточно сурово преследовались, общественная активность принимала суррогатные и сублимированные формы. Повышенное общественное внимание к событиям в литературе, театре, кинематографе фактически было проявлением сублимированной общественности, той самой, которая не находила адекватного поведенческого выхода своей потребности в социальном действии, стремлении что-то изменить. И находила сублимированные формы – на сцене, в дискуссии вокруг литературных произведений, персонажей позднесоветской культуры, сюжетов советской и дореволюционной истории» - От театра к карнавалу: культурная динамика перестройки. Открытые семинары «Полит.ру». Цикл «Истоки и судьба перемен: Культурная динамика 1953-2005 гг.». Семинар №3. Стенограмма // www.polit.ru 22. 05. 2006.

залы по коммерческим ценам, либо уповать на благую волю администраций заведений, которые позиционируют себя как «народные» (публичные, муниципальные, государственные), но в действительности (по схеме принятия решений и управления) являются госдепартаментами, целиком зависящими от конъюнктуры и частных предпочтений чиновников. Директора и завхозы подобных мест обычно хорошо реагируют на звонки из высоких кабинетов, на словосочетания типа «патриотическое воспитание молодежи» и «повышение духовности на 13 целых 8 десятых процента». Молодежным тусовкам (неформальным сообществам «с улицы») они резонно предпочитают «мероприятия» (нечто ни-рыбо-ни-мясное со взрослым на вышке воспитателя). Никаких законом прописанных способов взывания к их милости нет. Язык требований они воспринимают как личное оскорбление.

Пример. Владимирский кино клуб «Политехник». Некоммерческая организация по статусу, разросшийся кружок кинолюбителей – по факту. Миссия – показ ретроспектив мирового кино, ознакомление с текущим кинопроцессом (независимое кино, документалистика, анимация, дебюты – все, что обладает художественной ценностью, но хронически не попадает в провинциальный прокат), встречи с режиссерами, актерами, искусствоведами. Клубу почти 20 лет. Почетных грамот, рецензий и писем с благодарностями хватит, чтобы заклеить остатки берлинской стены. Сеансы – дважды в месяц, в кинотеатре «Художественный» (муниципальная собственность, сданная в аренду) плюс видеопозаказы на территории Культурного центра одного из университетов. Каждый сезон начинается со скандала: «клубней» выставляют на улицу, те «качают права», мобилизуют сторонников (родителей, друзей, знакомых) и их личные связи. Выкручиваться – выкручиваются, но достало это всех – не передать как.

Подобных сюжетов – хоть «Махабхарату» пиши. У кого-то хуже, у кого-то лучше, но суть всегда одинакова: шаг вправо, шаг влево – вышвырнут в пустыню Ханаанскую. Если уж Наума Клеймана с всемирно известным Музеем кино (Мекка и Вифлеем российских киноманов, студентов ГИТИСа и ВГИКа) выселили с «намоленных» залов на Красной Пресне, то чего горевать о паре сотен владимирских студентов, сгрудившихся вокруг волшебного фонаря братьев Люмьер? Никита Михалков того и гляди Дом кино продаст; хана тогда и международному правозащитному фестивалю «Сталкер», и «круглым столам» молодых кинематографистов, и многому другому...

Наиболее страдающей от подобного положения дел и, следовательно, самой заинтересованной стороной в развитии нейтральной публичной сферы является молодежь и ее низовые объединения. Причина – банальней некуда: нет ни денег, ни админресурса, в то время как запрос на культурный досуг и общение значительно выше, нежели у других социальных слоев. Издержки на стильный, эмоционально насыщенный, богатый событиями и знакомствами образ жизни в России неоправданно велики именно из-за огосударствления и коммерциализации публичной инфраструктуры. Сколько совершенно лишних чашек кофе или кружек пива приходится выпить, чтобы встретиться и посидеть с близкими людьми? Какую только белиберду не приходится смотреть и слушать, чтобы познакомиться с «людьми своего круга»? Все эти «предлоги общения» (оказаться за одним столом, на одном танцполе, за одним костром, барной

стойкой и проч.) стоят дорожке, нежели в состоянии платить подростки из семей среднего класса (исключение – офисный слой в мегаполисах, исправно несущий money в общепит, «фаст фуд» и клубные заведения). Что остается? Мерзнуть на улице? Идти к «Нашим», расплачиваясь за летний лагерь, поход в кино, вылазки в другие города отсидкой на лекциях, где распальцованные политические рейдеры учат любви к родине и ненависти к ее врагам? Почему бы и нет, если в голове – каша и пофиг, кого доить. Если же тянет сделать что-то свое, экспериментальное, живое – придется напрячь мозги и начать двигаться, заранее смирясь с тем, что точек опоры и готовых стартовых площадок наперечет.

Введение категории (или, точнее, образа) нового диссидентства позволяет несколько иначе взглянуть на «ушельцев», на их значение для строительства гражданского общества в целом и правозащитного сообщества в частности. Сам мотив ухода при 180-градусном сдвиге ракурса зрения приобретает позитивный смысл: не «от чего» уход, а «к чему», «для чего». Не «антибюрократизм» и «стихийный анархизм» (отрицание государства как такового), не «свирепая антибуржуазность с ностальгией по общинной жизни» (романтизация пастой Гойя натертого «совка»), а потребность в полноценном (воспроизводящимся, автономном) существовании нейтральной публичной сцены – вот сквозной мэссидж, объединяющий сотни субкультурных практик, решающих на свой вкус и лад задачу досуговой, неутилитарной социальности.

Есть несколько «ушельских» тенденций в молодежной среде, изучение и поддержка которых правозащитными организациями имеет прикладное значение для выполнения собственно правозащитной миссии. Я не предлагаю их «оседлать» или копировать. Важнее и продуктивнее их понять, зарядиться драйвом, разглядеть, в чем их гражданский смысл.

Первая. Возвращение Самиздата.

Казалось бы, технический прогресс, Всемирная паутина и расширяющийся рынок СМИ сделали самиздат затеей бессмысленной, вдохновляющей лишь графоманов и редких любителей book-installations.²⁴⁴ Александр Суетнов, руководивший негосударственной библиографической службой в 1987-1993 годах, констатировал: «Извержение «нового» самиздата началось в конце 1987 г., в 1990 г. достигло пика и плавно угасало вплоть до 1994-1995 гг.».²⁴⁵ Он же зафиксировал изменение социальной роли самиздата в гипернасыщенной информационной среде: «Ныне самиздат – не вопль протеста «униженных и оскорбленных», доносящийся из под пресса, не политическая похабщина и не литературная графомания. Он просто для немногих. И в этом смысле его корни уже не в переписанных адептами проповедях Аввакума, а в салонных альбомах, картонно-папиросных книжках имажинистов и обэриутов, даже в «Чукоккале», с которой

²⁴⁴ Книга в единственном экземпляре, сделанная «вручную» как артефакт (дизайн верстки, иллюстрации, необычная, уникальная типографика – шрифты, «визуальный синтаксис» и др.) в духе Давида Бурлюка, Алексея Крученых, «Чукоккала» Корнея Чуковского и др.

²⁴⁵ «Динамика процесса примерно такова: 1988 г. – 366 изданий, 1989 г. – 966, 1990 г. – 1366, 1991 г. – 1566. И это не учитывая рок-самиздат (около 300), фэнзины (тоже около 300), а также то, что, по понятным причинам, небольшой группе исследователей не удалось выловить» – Суетнов А. Бессмертный самиздат. Сегодня он деполитизировался и не зовет на площадь // Независимая газета, №136 (2446), 27.08.2001 (<http://www.ng.ru>).

снимались копии. Современный самиздат не зовет на площади и не проповедует политические максимы. А, кажется, наоборот, просит обратить внимание на табличку «privacy».

Самиздата не стало меньше. Он стал другим: и по функциям, и по средствам, и по адресации, и по авторскому составу.²⁴⁶ Его производство и распространение приобрело обвальный характер. «Эрикам, берущим четыре копии» не снился такой объем тиражей, разнообразие контента, качество оформления. У самиздатовской продукции появился широкий выбор материальных носителей и каналов трансляции. Достаточно сослаться на темпы роста российского сегмента «Живого Журнала» (блогосфера) и образование тысяч комьюнити, объединенных общим тематическим интересом, на популярность «малой» или так называемой «коммунитарной прессы»,²⁴⁷ на загрузенность файлообменных сетей, по которым расходятся музыкальные записи в MP3, фильмы, слайд-шоу, фотографии в формате jpeg, home и активистское video, аудиокниги, флэш-анимация, текстовые файлы, переносимые на дискетах и пен-драйверах («флэшках»)...

Что сейчас мешает записать сольный диск, выпустить «подпольную» факультетскую стенгазету, сделать зубастый коллаж или карикатуру в Corel Draw, перевести или скачать для друзей понравившийся рассказ или стихи, распечатать и развесить в школьном коридоре интересную статью на соединенных степлером листах А4? Что, кроме лени, препятствует съемкам любительского кино при помощи обыкновенной видеокамеры и монтажа на домашнем компьютере? Почему бы не повеселится, изготавливая самодельные плакаты или наклейки, нанося через трафарет слоганы и девизы на затрапезного вида футболку, раскрашивая граффити ржавые ребра гаражей или стен вокруг заброшенной фабрики?

Новый самиздат занят не столько «поиском экзистенциально значимой информации»²⁴⁸ или озвучкой альтернативных точек зрения на общеизвестные факты (как в диссидентские времена), сколько селекцией информационных потоков (перепечатка или реферирование публикаций

²⁴⁶ К примеру, стимулом самиздатовской активности, как правило, являются не проблемы со свободой слова, печати, собраний, а «цензура» экономического характера, потребность в самовыражении и получении обратной связи на «внутренний монолог». Отчетливо прослеживается демократизация самиздата: им заняты не только интеллектуалы, «легализуется» уличное просторечье, сленг, общенная лексика и др.

²⁴⁷ Малотиражные печатные издания, выпускаемые «для своих» на ризографах, ксероксах или домашнем принтере.

²⁴⁸ См. из диалога Г. Павловского и И. Засурского «Агитпроп или самиздат» («Отечественные записки» 2003, №4): «Самиздат — это поиск не вообще информации, а поиск экзистенциально значимой для тебя информации, за которую ты готов на каждом промежуточном рубеже взять ответственность. Система самиздата не говорила, что в мире уже есть вся необходимая для тебя информация. Но в процессе движения ты встречал других людей — и это было гарантировано, ты иначе не мог просто двигаться в этом пространстве, — которые обладали новыми возможностями, входами в какие-то другие разветвления траектории. Они давали линки. И все эти люди образовывали сообщество, в котором все заведомо свои. Это была некая община. Они так же относятся к информации в силу того, что так же рискуют, участвуя в этом, они так же относятся к базовым ценностям, как и ты. Без этого самиздат был бы невозможен совершенно. Предельная утопия самиздата - бесконечный и лавинообразный процесс. Собственно, утопия эта практически почти была реализована: одного арестуют, тут же вылезают новые неизвестные трое, которые пишут протест против ареста того первого. Они пишут хроники текущих событий, хронике печатают, и они уже находятся внутри этой хронике...».

профессиональных журналистов по интересующим микросообщество темам), общением как способом установления непосредственных отношений, поддержания групповой идентичности и мифологии (хипповские «телеги», растаманские сказы и гоны, толкиенистские токовища), обменом впечатлениями от совместно пережитых событий (рецензии на концерты, комментарии к матчам, путевые заметки и проч.). Соответственно, новый самиздат интерактивен и персонцентричен, имеет узкую целевую аудиторию (потенциально совпадающую с авторской ☺), не стремится перерасти «во взаправдашнее СМИ», терпим к индивидуальным способностям речи корреспондентов (грамотность, богатство лексикона и др.), не стыдится откровенной субъективности в высказываниях, выборе тем, языка, общих подходов, концентрирует внимание не столько на фактах, сколько на интерпретациях (значениях для сообщества).²⁴⁹

Являются ли правозащитные малые медиа (газеты, журналы, бюллетени, web-издания, блоги) частью триумфального возвращения самиздата? С одной стороны, это так, поскольку, несмотря на разветвленные межрегиональные сети, у правозащитников фактически нет своих «федеральных СМИ»,²⁵⁰ а те, что есть, тяготеют к моделям «локальных» (издания местных сообществ) и «тактических медиа» (оперативное освещение и анонсы акций, проектов, кампаний), отличаются невольной «центробежностью письма» (есть адресация к гражданскому сообществу даже если номинальный получатель сообщения - государственная инстанция, мировое сообщество, экспертный круг и др.), с другой стороны - правозащитная печать больше похожа на «корпоративную» (слегка беллетризированный перечень трудовых подвигов, реклама организаций, комментарии VIP, данные о кадровых перестановках, текущая информация для инвесторов, акционеров, потребителей) и «партийную прессу» (обоснование актуального курса и мобилизация сторонников на его цели).

Обычный правозащитный бюллетень – это нечто среднее между разбухшим буклетом и «отчетом за истекший период». На «расширение социальной базы» и, тем более, «привлечение молодежи» он не работает и работать не может (что не мешает выполнять другие полезные функции: просветительские, методические и др.). Изданий, которые с натяжкой годны на роль сватьи-бабы Бабарихи - коммуницируют с молодежными средами, впускают прямой речью их голоса или хотя бы подают как «персонажей», проявляют искреннее уважение и интерес к субкультурным традициям - у правозащитников нет. При этом все без исключения – за диалоги и полилоги. С условием, что они будут вестись на языке прав человека или, на худой конец, по правилам светского общества. Чисто визуально молодые лица на страницах присутствуют. Типичный кадр: студенты или школьники внимают кому-то мудрому, чертят чего-то цветным маркером на листе ватмана, стоят на пикете. Они улыбаются или хмурят брови. Почему-то

²⁴⁹ Каждый номер – моментальный снимок тусовки в ее связях (авторитеты, люди-легенды, знаковые события и др.) и отношениях ко внешнему миру (кому – анафема, кому – респект).

²⁵⁰ Романтика медиа-активизма, с точки зрения правозащитных теорий, не должна конкурировать с профессиональной журналистикой. Блоги, форумы и чаты не решат проблемы становления независимых СМИ, свободы слова и печати. Они не в состоянии давать объективную информацию по всему спектру событий (стандартная «сетка»: политика, экономика, культура, спорт, светская жизнь, «жизненные истории»). Большая часть граждан России не только еще не вошла в воды электронных информационных потоков, но по экономическим и психологическим причинам оказалась вытолкнутой из «галактики Гутенберга» (сокращение подписки, недоверие к печатным СМИ).

вспоминается Овод из романа Этель Лилян Войнич: «Падре, Вы удовлетворены?»

Вторая. Создание «субкультурных потребительских общин».

Как выглядит «потребительская община»? Это дружеская компания с размытыми границами. Помимо собственно дружеских отношений, ее членов объединяет общий культурный интерес, который они не в состоянии насытить за счет индивидуальных ресурсов. Из этой проблемы возникают какие-то формы стихийной кооперации: купленный вскладчину или приобретенный кем-то музыкальный CD, DVD, компьютерная программа аккуратно «крякаются», видео- или аудиокассеты перезаписываются, книги и журналы ксерокопируются. Потом все пускается по кругу. Противоречит ли это закону об авторских правах? Да. Поэтому размер нелегального тиража четко фиксирует границы радиуса доверия, циркулирующего в компании. Суммарный оборот этого «черно-белого рынка» колоссален. Скорости распространения – как у горных селей. Пользуясь едва ли не повсеместной компьютерной грамотностью и навыками общения с офисной техникой, культурный архив молодежи в разы превышает частные библиотеки, аудио- и видеотеки «старших товарищей». Иногда это идет во зло (свадьбы, студенческие рефераты), но чаще – во благо (в топку личностного саморазвития, совместного времяпрепровождения и т.д.).

Применительно к «субкультурным потребительским общинам» никаких правовых коллизий, связанных с инфо-пиратством и нелегальными тиражами, не возникает. Неформалы не посягают на бренды. Около их экзотического, атипичного, изменчивого спроса не дежурят ушлые маркетологи. Нужную продукцию они специально или вынужденно производят сами (атрибутику, аксессуары и др.), посылают «челноков» в «Москву или за границу» (символический центр субкультурного универсума), организуют автономную сеть «дистри»,²⁵¹ практикуют обмены при встречах. Авторы, ориентированные на субкультурную аудиторию, более чем спокойно относятся к дополнительным тиражам своих шедевров и даже сами их поощряют. Многократно упомянутый мною Эбби Хоффман один из своих опусов так и назвал: «Сопри эту книгу».

В постиндустриальном мире, пожалуй, не существует экономики, в которой кольца цепочки авторов, распространителей и конечных потребителей спаяны столь же плотно как в андеграунде. Никакими промоушенами не прогнать сквозь всю цепочку текст (фильм, альбом, литературное или публицистическое произведение), который не отвечает ценностям и принципам той или иной «ушельской» среды. Как с диссидентами: портили зрение и терзали печатную машинку только тогда, когда сочинение имело личный смысл, ложилось на заповедную мотивацию. Для «всего прогрессивного человечества» строчил агитпроп.

Производит ли правозащитное сообщество какие-либо артефакты, имеющие хождение в молодежных тусовках? Нет. Есть ли в нем самом соты

²⁵¹ «Дистри» – точки некоммерческой дистрибуции альтернативной, радикальной, субкультурной продукции (книги, записи, фильмы, атрибутика, футболки, банданы и др.). Развитыми сетями дистри в России обладают анархистские группы, а также вездесущие панки.

«потребительских общин»? Да. По давню – в молодежных правозащитных организациях, офисы которых, помимо своего прямого предназначения, играют роль перевалочных пунктов для непрерывающегося транзита литературы, публицистики, музыки, кино... Мемуары Людмилы Алексеевой, затертая до дыр статья Андрея Блинушова о том, как по уму проводить акции, журнал «Карта», переводная брошюра по кампейнингу и CD-goom с мультиками по альтернативной гражданской службе ходят по рукам на равных со сборником готических рассказов, старым выпуском «Митиного журнала» или «Общей тетради», толстым томом «Истории тоталитаризма» Ханны Арендт, «Боулингом для Коломбины» Майкла Мура, альбомом Вени Дркина или Умки с «Броневи́чком». И это при том, что в каталогизированной библиотечке организации ничего «духоподъемного» нет и в помине. На полках строго, как в конторе: кодексы, международные конвенции, методички, данные мониторингов, издания Левада-центра, чего-то по бухгалтерии. Ни фантастических повестей Юлия Даниэля, ни «Записок диссидента» Андрея Амальрика, ни «Записок незаговорщика» Ефима Эткинда, «Крутого маршрута» Евгении Гинзбург, стихов лианозовцев, Давида Самойлова...

Сети неформальных обменов, альтернативной дистрибьюции имеют исключительное значение для воспроизводства ценностной идентичности, выравнивания полей эрудиции активистов, образования минимально общего поля культурных ассоциаций. Я вовсе не призываю к составлению списков рекомендованной литературы, экзаменам на знание истории диссидентства, раздаче фирменных фенечек от Валентина Гефтера, хайратников – от Тани Локшиной, дисков – от дуэта Люси Кабановой с Йенсом Зигертом. Но - есть ли у нас что-то, что хочется зачитать приятелю по телефону в два часа ночи? Мы друг с другом «по работе» или «по жизни»? Если второе, то кино клуб, литературная студия, библиотека, центр медиаобразования и подобные вещи для правозащиты – не «бесплатные приложения», в которые вкладываются излишки времени и сил.

Можно быть либералом, не состоя ни в одной из либеральных партий, отстаивая либеральный образ жизни перед коллегами или соседями, выписывая либеральные газеты, ходя на выборы и т.д. Можно быть экологом без членской карточки «Беллуны», ведя здоровый образ жизни, рационализируя режим питания, подписывая петиции за сохранение близлежащего сквера. Как потреблять правозащитную идентичность? Что читать или слушать? Как организовать быт и изменить личное поведение? Любое мировоззрение – это знаковая система, отраженная в одежде, прическе, атрибутике... На итальянских, немецких, французских улицах с вероятностью до 80% определишь каких взглядов придерживается прохожий. Потому что эти взгляды ВИДНЫ. Россия же - мечта Талейрана: язык здесь для того, чтобы скрывать свои мысли. И только субкультурная молодежь – бродячий лотмановский «семиотический взрыв», те, кто узнают друг друга без униформы, что читают общество как манускрипт.

Третья. Неформальное образование.

Методики неформального образования широко используются гражданскими организациями, в том числе и методики преподавания прав человека. Прилагательное «неформальное» здесь указывает либо на

нестандартную форму занятий, либо на отсутствие государственной сертификации, либо на невнятный статус предмета обучения в общей структуре знаний. Я бы предложил расширить трактовку, включив в нее тот класс явлений, который социолог Иван Иллич называл «скрытой образовательной программой».²⁵² Это понятие поможет отразить два важных момента, которые вторичны для системы массового образования и первичны – для субкультур.

«Ушельский» опыт, как я уже писал, делает человека сверхчувствительным к семиозису повседневности. Преподаватель, стоя за кафедрой в аудитории, где парты расставлены тремя линейками «в затылок», может с воодушевлением рассказывать о преимуществах демократии и развитого гражданского общества, о прелестях свободы и значении общественного договора. Но позиция его тела, организация учебного пространства, монополия на порядок речи (кто, как, когда говорит, оценка сказанного) к особой искренности не предполагают и учат другому: иерархической субординации, тому, что ты – один из многих, что тебя еще не признают в качестве субъекта и др. Прокачиваемое по каналам получения знаний противоречит информации, текущей по каналам получения опыта. Речь не вяжется с контекстом речи.

У наших образовательных (и не только) институций есть масса незапланированных, но *de facto* преобладающих эффектов. Было бы неплохо провести их учет с точки зрения непреднамеренного продвижения или девальвирования ценностей прав человека. Ведь ту же толерантность можно прививать тысячами разных способов: рассказывая о принципах мультикультурализма и эволюции норм международного права, посещая кафе с экзотической кухней, изучая иностранный язык, совершая зарубежную туристическую поездку, участвуя в церемонии национального праздника другого народа, впитывая философию отношений к миру через разного рода биопрактики (йога, цигун, айкидо, тайцзицюань и др.) и телесные модификации, пребывая на незнакомой социальной позиции в ролевой игре. Относительно легко реформировать организационную структуру системы образования, поменять государственные стандарты учебных программ... Без внимания к университету, как пространству передачи опыта, конфликт теории и практики, «книжности» и «здорового смысла», технологий и смысложизненного строя личности будет продолжать тиражировать «двоемыслие» или, проще говоря, фальшь.²⁵³ Так рождаются

²⁵² Классическая школа учит не только тем предметам, по которым выдается аттестат. Распорядок дня, нормы поведения в классе и на перемене, схема раскладки учителя и учеников, требования к внешнему виду и прочие приемы незаметной дидактики подготавливает воспитанника к жизни в индустриальной среде. Школа – та же фабрика (с «гудками», цеховым делением, серийным производством типовых деталей и навыками преодоления «сопротивления материала»). Скрытые программы есть у каждого социального института. К примеру, военные функции в Советской Армии играли второстепенную роль; массовый призыв, дисциплинарные практики, численность вспомогательных войск, ударный труд на уборке урожая и другие признаки указывали, что задачи гражданского воспитания (или, точнее, «гражданской муштры») для СА были основными. Схожий сдвиг приоритетов сейчас можно наблюдать при реформе государственной системы высшего образования: образовательные и научные функции вузов уходят на второй план; на первом – их ранжирование в качестве элитных клубов.

²⁵³ Спорной остается идея имплантировать отдельный курс по правам человека в школьную программу (что не отрицает важности преподавания прав человека на материале истории религиозных войн, тоталитаризма, ГУЛАГа и Холокоста, становления идеологий и др.). Растущее отчуждение между учителями и учениками в рамках кризиса системы государственного образования подрывает

президенты, которые в течение одного часа ратуют за международную безопасность, примеряют кимоно или ковбойскую шляпу при встрече в верхах (жуя соленые рыжики при мимолетном свидании с низом), подписывают меморандум о борьбе с бедностью или дискриминацией, защищают суверенную демократию, шантажируют и угрожают гражданам соседних государств, отдают приказ о создании фильтрационных пунктов и проведении «зачисток»... Проблема даже не в их вялотекущей шизофрении, позволяющей сочетать голубиное воркование и ястребиный клекот в одной фразе, а в том, что эти противоречия не бросаются в глаза, не вызывают ответных реакций.

Субкультуры же, помимо всего прочего, - это попытки привести в соответствие «смысл жизни» и личную повседневность. Они могут быть наивными, детскими, непригодными для массового социального поведения, идущими по пути недопустимого упрощения фактически сложных социальных систем. Могут быть, наоборот, сверхпродвинутыми, как проект банка «Этика»²⁵⁴ или помощь бездомным католической волонтерской службой «Каритас» в Италии, масштабные программы эксплуатации альтернативных источников энергии в Дании и Бельгии, кампании в пользу полноценной социализации лиц с ограниченными физическими возможностями в США, неоднозначный опыт «легалайза» (легаллизации легких наркотиков) в Голландии, серия акций «Футбол против расизма»²⁵⁵ в Германии и Франции (www.farenet.org). Субкультуры не призывают «переделывать мир». Они учат личному действию, искусству обновления устаревших общественных конвенций. А это меняет мир.

И еще один момент, связанный с неформальным образованием. Особое положение в субкультурах занимают фигуры, которые условно можно назвать «Учителя Жизни» (они же – хранители традиций, личностные образцы, маги перехода в иные режимы поведения и сознания, жрецы движений в пространстве ритуально-игрового опыта и др.). Сходную роль в правозащитном сообществе играют неформальные авторитеты, тренеры, люди, с честью вышедшие (и продолжающие выводить других) из экстремальных ситуаций, связанных с нарушением прав человека. Зачастую у них нет времени вербализовать свой опыт (превратить его в текст²⁵⁶) или изложить в понятной для неподготовленной аудитории форме. Это не

доверие к ценностям прав человека, делает их частью «принудительного», формализованного знания, снижает внимание к их мировоззренческому аспекту. Уровень доверия к неформальным каналам получения информации значительно выше, что с лихвой покрывает многочисленные издержки на их обслуживание.

²⁵⁴ Банк «Этика» создан в Италии около семи лет назад на волне пацифистского и экологического движения. В настоящий момент филиалы банка открыты в нескольких европейских странах, сумма частных вкладов достигла 253 миллионов евро. Клиентам даны гарантии, что ни цента кредитов не будет выдано коммерческим или государственным структурам, занятым в производстве оружия или генетически модифицированных организмов, загрязняющих окружающую среду, систематически нарушающих социально-трудовые права рабочих и др.

²⁵⁵ FARE («Football against racism in Europe») – «Футбол против расизма в Европе» - Сеть гражданских организаций в 13-ти странах Европы.

²⁵⁶ Разделяю точку зрения тех, кто считает, что часть активистского опыта в принципе не передаваема рационально и относится к малоизученной области «гражданской религии» (термин, широко употребляемый в США и отсутствующий в языке российского гражданского общества). Почему священно право на жизнь? Почему надлежит отменить смертную казнь? Можно аргументировать с позиций морали, критиковать несовершенство судебной системы, низкий уровень цивилизационного развития... А можно – через апелляцию к религиозному опыту: «не убий». Живой человек сакральнее, чем любая идея, идеал, идеология. Точка.

значит, что они не в силах его показать, дать почувствовать, побудить к самостоятельному размышлению. Правозащитникам не хватает разнообразия форматов встречи таких людей с молодежью. Их надо высвобождать из «текучки» и просто показывать людям. Как явление природы. Такие люди учат присутствием²⁵⁷.

Четвертая. Появление нейтральных площадок встречи.

Социолог Александр Бикбов в устном разговоре сделал занятное наблюдение: в крупных городах России стремительно развивается культура кафе,²⁵⁸ но, в отличие от посетителей парижских кофеен, римских кафетерий или венских кофехаусов, общение обычно происходит «за одним столом», редко случаются перекрестные, диффузные коммуникации. Это в каком-то смысле является метафорой герметизации, «вавилонизации» микросообществ. Тем ценнее на этом фоне успех площадок типа московской «Билингвы»²⁵⁹, Проекта ОГИ, Дома-музея А.Д. Сахарова, семинаров Московской школы политических исследований и Школы публичной политики, открытых лекций студенческой ассоциации «Я думаю» и др. Их главное достоинство заключается в том, что они служат местом встречи людей, которые в обыденной жизни не встречаются, будучи разделенными перегородками профессиональных, идеологических, мировоззренческих границ, образовательным и имущественным цензом, возрастной дистанцией. Хочется, чтобы подобных мест было по стране больше. И коли клонировать Елену М. Немировскую (основатель МШПИ) или Виталия Лейбина (ведущий обсуждений в «Билингве») пока не удалось, то местным сообществам придется импровизировать, добиваясь того, чтобы «рассеянные» люди начали встречаться и говорить.

Правозащитные НПО часто играют роль коммутаторов, организуя круглые столы, конференции, публичные дебаты. Но это – приглашение на свою территорию. Не менее важно озвучивать свои позиции на нейтральных площадках, на «смежных темах», с неудобными оппонентами, в интерактивном режиме дискуссий, где решающую роль играют не только

²⁵⁷ В этом смысл проекта «Открытой Гражданской Академии» Молодежного Правозащитного Движения. Инструментальные знания (технологии) в области защиты прав, свобод и достоинства человека эффективнее всего передавать молодым активистам через учебную литературу, практикумы, стажировки, консультации, стандартные лекционно-семинарские занятия, методики дистантного образования. Для трансляции мировоззрения (в любой его ипостаси – философии, науке, религии, эстетике, этике) нужны «неформальные формы» - дискуссии «по вселенским проблемам», летние лагеря вроде рязанского «Гражданина мира» или пермского проекта «По рекам памяти», проекты типа «Открытой Гражданской Академии» Молодежного Правозащитного Движения, кухонные разговоры, «рюмки чая» после работы и др.

²⁵⁸ В отличие от расцвета клубной культуры в 90-х развитие культуры кафе и в особенности так называемых концептуальных кафе (посещая которые люди воспроизводят желательную для себя субкультурную идентичность, знакомятся, ведут осмысленные разговоры) несут с собой иное качество социальности. В условиях, когда средний класс постепенно догоняет цены в подобного рода заведениях, это проявляется в ином качестве общественного мнения: оно конденсируется из обсуждений, а не извлекается из соцопросов как заяц из цилиндра фокусника. Инакомыслие, изгнанное из медиaprостранства, получает дополнительный тонус в пространстве нейтральной публичной сферы.

²⁵⁹ Открытые семинары и публичные лекции, проводимые «Билингвой» по соглашению с www.polit.ru, Центром экстремальной журналистики и др., а также презентации книг, артистических проектов, результатов исследований, устраиваемые совместно с издательствами, аналитическими центрами и др.

рациональные аргументы, но и искусство самопрезентации. Для публики было бы не лишним формировать представления о гражданских активистах, основываясь на личных впечатлениях, а не на славе, стекаясь с диссидентских времен, или на базе негативных имиджей, создаваемых заказной прессой. Вдвойне полезно это для молодежи, у которой стереотипы мягки или пребывают в стадии критического пересмотра. На общем фоне поколения *next*, «звезд молодежной политики» и молодых политиков люди вроде Маши Середа, Сергея Пономарева, Романа Маранова из «Мемориала», Павла Чикова из «Агоры», Насти Никитиной, Наташи Звягиной, Димы Макарова или Андрея Черемных из МПД, Андрея Калиха из Центра развития демократии и прав человека, выделяются сильно. Не говоря уже о более старших драконах: Татьяне Локшиной, Александре Верховском, Александре Черкасове, Игоре Сажине, Григории Шведове, Елене Скрыковой, Андрее Юрове, Алене Обьездчиковой, Алексее Козлове, Ольге Гнездиловой. Никого из перечисленных не втиснешь в образ «политэзка с издерганными нервами», «грантоеда», «интеллигента, подрабатывающего послом платоновского мира идей в диктатуре тварной материи», «сутяжника-энтузиаста», «оголтелого западника и демшизы». Жаль, что под монументами сложившихся, заслуженных гражданских репутаций они не видны обществу. С кем ассоциировать себя молодежи, приглядывающейся к правозащитному движению? С Владимиром Лукиным, Эллой Памфиловой, Львом Пономаревым, Валерией Новодворской? С Юрием Орловым, Борисом Пустынцевым, Светланой Ганнушкиной? Воображения не хватает.

Пятая. Альтернативные гастроли и прокат.

Крейг О'Хара гордится: «Движущей силой самых искренних устремлений в панке является этика DIY - Do It Yourself (Сделай сам). Нам не нужно полагаться на богатых дельцов, устраивая свое веселье ради их выгоды - мы можем организовать его сами и не ради денег. Мы, панки, сами можем устраивать концерты, проводить демонстрации и участвовать в них, выпускать записи, издавать книги и фэнзины, организовывать системы дистрибуции своей продукции, открывать музыкальные магазины, распространять литературу, устраивать бойкоты, заниматься политической деятельностью. Мы делаем все это и делаем отлично. Какая другая молодежная контркультура 80-х - 90-х может похвастать тем же?»²⁶⁰ Не знаю... Может в Америке это и вправду повод ходить гоголем, но на просторах среднерусской возвышенности секрет «концертов в ноль» (цена на билет покрывает расходы на дорогу, питание, аренду зала и аппаратуры), организации кино клубов, подвальных выставок, домашних спектаклей и чтений знаком любому вольнодумцу с пеленок. Раньше при его помощи огибали идеологическую цензуру, потом - экономическую, сейчас - и ту, и другую. Благо «калик перехожих» - бардов, рок-музыкантов, бродячих философов, художников и поэтов - меньше не становится. В развитых субкультурах существуют механизмы их поддержки: от сбора денег нуждающимся или попавшим в беду до приглашений с обязательствами местного сообщества взять на себя административные и бытовые хлопоты. Есть множество историй, когда популярность того или иного автора или творческой группы в субкультурной среде помогала им обрести более широкое признание (артистов всегда «раскручивает» фэн-клуб).

²⁶⁰ Крейг О'Хара. Философия панка: больше чем шум // http://www.zaraz.org/lib/punk_phil.html

Существуют ли музыканты, поэты, актеры, режиссеры, художники, тренеры, чья публичная карьера началась с успеха у правозащитного сообщества? Есть ли авторы, для которых мнение, ответная реакция этого сообщества – один из критериев самооценки? Можно ли сказать, что в современном культурном процессе – будь-то протекающим под софитами больших сцен и вспышками фотокамер или, наоборот, свершающимся в кабинетной тиши, в скромном кругу «почитателей таланта» – правозащитники кого-то выделяют как единомышленников или как людей, настроенных с ними на одну волну?

Для состоявшихся, обласканных читательской (зрительской) симпатией деятелей искусства, возможно, премия от какой-либо правозащитной коалиции, предложение помощи в организации концертов, творческих встреч или дистрибуции демо-записей (один-два трека с диска «на пробу»), приглашение к участию в кинофестивале «Сталкер», информационная поддержка или непрофитная реклама покажутся избыточными. С молодыми «культуротворцами» – не так. Символические призы или другие знаки внимания «на старте» окрыляют, придают уверенности, запоминаются на всю жизнь. Кроме подборки антивоенных песен в MP3, сделанной Артемием Троицким («Собачий бой» Дельфина, «Спи, солдат» группы «АукцЫон», «Не стреляй» «ДДТ» и др.), и антифашистской музыки, найденной антифа-активистами (анархистами, ред-скин и др. – www.antifa.ru, участниками музыкального проекта «Resistenza» – www.resistenza.antifa.ru) по всему свету, в И-нете «правозащитных хит-парадов» не встречается. Сортированных по темам списков документального видео и кино, из которых получилось бы собрать просветительскую программу – тоже (не говоря о файлах, доступных для просмотра в Windows Media, инсталлированном на любом PC с видеокарткой).

Шестая. Образование субкультурных сообществ, чьи «стержни» близки идеологии прав человека.

«Субкультурогенез» – процесс бесконечный, не замирающий ни на секунду. Елена Омельченко пишет: «Главное, что движет и воспроизводит субкультурные инновации – это постоянное стремление каждой новой молодой генерации отвоевывать социальное пространство у занявших все устойчивые социальные позиции взрослых. Их «вольница» отличается от взрослых пространств тем, что помогает и позволяет разным молодым людям и девушкам самоутвердиться и развивать собственную идентичность внутри своих правил, утвержденных своими традициями и передаваемых своими каналами. Именно поэтому любые взрослые попытки не понять и принять, а создать или «организовать» субкультуру, как правило, отторгаются. Это, однако, не мешает молодежи солидаризироваться по отношению к политическим вмешательствам социальных контролеров, и использовать «организацию их досуга» в своем формате».²⁶¹

Молодежные субкультуры в современной России отличаются от своих предшественников менее жесткими идентификационными рамками, большей открытостью на «вход и выход», эклектичностью стиля, высокой мобильностью и демонстративной аполитичностью. Однако за игрой,

²⁶¹ Омельченко Е. Молодежь России между активностью и пассивностью // см. на сайте www.region.ulsu.ru

эпатажем, театральностью, развлекательностью могут скрываться абсолютно серьезные мировоззренческие установки и практики, предлагающие нестандартное решение вполне взрослых проблем. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к неожиданно популярной идее «виртуальных микронаций».

Во время последней Всероссийской переписи населения вдруг выяснилось, что в стране проживает десятки тысяч лиц необычных национальностей: обнаружилось кельты, хоббиты, эльфы, готы... Сотни, казалось бы, потерянных в истории скифов с лета 1997 года начали тянуться друг другу, положив начало Скифскому проекту. На информационном сайте проекта прозвучало следующее заявление: «в будущем Скифия - государство без границ и территорий, объединяющая людей на принципах добровольности и личного выбора, может стать вполне «настоящей» страной, получить членство в Организации Объединенных Наций и, возможно, стать примером не просто мирного, но и дружеского и взаимообогащающего соседствования многих «этносов», конфессий и т.д.».

Скифом, убеждали молодые люди из России, Украины и некоторых других стран Центральной и Восточной Европы, нельзя родиться; можно только стать скифом, следуя внутреннему убеждению и зову к распространению «мирного и человеколюбивого миропорядка», включающего уважение к правам человека, отсутствие войн, бережное, экологическое отношение к природе, толерантность. В постановлении Скифского Национального Конгресса запечатлено: «Мы убеждены, что решение проблемы ксенофобии, в том числе - по национальному признаку, лежит не только, и не столько в политической сфере, а в основном в культурной и психологической. Главное направление в деле преодоления этих пороков человеческого общества – «межкультурное взаимодействие», причем не только традиционных культур, но и новых культурных и субкультурных образований».²⁶² В настоящий момент число виртуальных микронаций в мире перевалило за добрую пару сотен (см. <http://www.micronations.net>). Не все из них безобидны и миролюбиво настроены. Но есть и те, что на скифов похожи. Небось, родственники.

Может сложиться впечатление, что появление новых субкультурных сообществ в современной России непременно связано с Интернетом, сотовой связью (флэшмобберы), компьютерными играми, новыми видами транспорта, то есть – с какими-то техническими средствами, расширяющими и делающими более разнообразными возможности коммуникации. Это не так. Средства могут быть и старыми. Международное движение «Критическая масса» (Critical Mass) как никто другое заслуживает титул «Движения», поскольку двигается оно в буквальном смысле: отстаивая права велосипедистов на право быть частью уличных потоков, пропагандируя экологическое отношение к городской среде, показывая город как пространство общения и творческой жизни (в пике индустриальному подходу). У «КМ» нет иерархической структуры. Информация о дате и времени совместных велосипедных прогулок (в Берлине, 2004-м году было 250 тысяч участников; в Москве – до тысячи) расходит через «сарафанное радио». Ни политических, ни гражданских нот в идейной партитуре движения не прописано, но его активисты часто

²⁶² <http://scythia.narod.ru/index.htm>

встречаются на манифестациях и уличных шествиях. Неформальные связи срабатывают на политическую и гражданскую мобилизацию, но ни один из «критических массовиков» не вправе выступать от имени всех.

/ продолжение неотвратимо /

*Но мальчик был, хотя бы для порядку,
что проводил ладонью по лицу,
молчал, стихи записывал в тетрадку,
в которых строчки двигались к концу.²⁶³*

²⁶³ Из стихотворения Бориса Рыжего